

ЛЭЙЯ РАЙН

НАРЕЧЕННАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Annotation

В том мире куда я попала, таких, как я, называют исчадиями Ледяной Бездны и я должна отправиться именно туда, ибо вместо сердца внутри меня лишь кусок льда. Я проклята, из меня сделают безвольную рабыню, игрушку и подстилку для тех, у кого больше власти. Но я, Истана, не согласна на это! И я никогда не покорюсь Маару самому лютному Стражу Излома, и пусть он жжёт моё сердце пеклом ада.

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
-

Пролог

Выбравшись на утреннюю пробежку по заснеженному городскому парку, я даже не думала встретить на пустой дорожке древнюю старуху. Откуда она там появилась и почему именно на моём пути, осталось в тумане прошло. Я только запомнила её слова, этот скрипучий, как снег, жуткий голос и цепкий взгляд бесцветных глаз, таких светлых, что было видно на белках сеть тонких капилляров, взгляд, продирающий душу — глаза у неё были такие же уродливые, как и весь её вид.

— Исгар пришёл за тобой, — сказала она мне в спину, когда я, боязливо обойдя незнакомку стороной, побежала прочь, спеша поскорее убраться.

Хотя была не из трусливых, но настолько эта сумасшедшая не вписывалась в общий пейзаж в своих лохмотьях, источающих зловоние, что тут любой отшатнётся. Её слова врезались гарпунами в позвоночник, и какая-то внезапная неведомая мне сила рванула меня назад. Я никогда не испытывала такой дробящей, крошащей кости боли, она мгновенно подкосила меня. Рухнув на снег, я пыталась позвать на помощь, только напрасно — кругом ни души, кроме той старухи, которая, видимо, решила забрать себе мою жизнь. Я лишь смогла раскрыть губы в беззвучном крике, выдыхая на мороз клубы пара, пока боль не скрутила меня ещё жёстче и беспощаднее, и я не услышала скрип снега рядом — ведьма приблизилась.

— Твоё время пришло, довольно прятаться в другом мире, ассáру Истана Хассон. От судьбы не убежишь. Возвращайся...

Меня зовут Снежа Горская. В прошлой жизни я была обычным офисным сотрудником, и в последние три года моя жизнь вертелась по принципу работа-дом-работа. Два не успевших дойти до первого секса романа погасли так же быстро, как и мои надежды найти себе подходящего парня, у тех на уме оказывались совсем другие интересы и виды на меня — затащить поскорее в постель. А может, это со мной что-то не так, ведь недаром мама называла меня ледяной колючкой. Может, я не способна на будоражащие кровь чувства? Не способна ответить жаром, страстью? Но, так или иначе, всё это осталось в прошлом.

В том мире, куда я попала, таких, как я, называют ассáру. Мы — девы, обладающие особыми чарами обольщать мужчин и забирать их души. Одни думают, что мы исчадие Ледяной Бездны и должны отправиться

именно туда, потому что вместо сердца внутри нас лишь кусок льда. Пусть даже когда-то нас боготворили, мы были благословлены самим Верховным, мы — богини, способные подарить мужчине не только наслаждение, но и могущество, если сможем полюбить...

С тех пор, как старый король назвал нас изгоями и объявил на нас охоту, прошло три века. Престол занимает его старший наследник, который изменил некоторые правила, теперь нас не убивают, ассáру ставят печати послушания, способные сдержать наши чары, нас превращают в безвольных рабынь и подстилок для любовных утех, игрушки для тех, у кого больше власти. Хуже участи не придумаешь, бесценный дар стал проклятием, терзающим наши души. Но я не согласна на это! И я никогда не покорюсь тому, кто так жжёт моё сердце. Ведь ассáру свободны по своей природе, для них воля — это воздух. Только по желанию мы выбираем того, кому подарим свою силу и себя.

Но это всего лишь миф. Ассáру никогда не сможет полюбить. Да и как может родиться в холоде их сердец любовь? Нет, это всё сказки, в этом я убедилась ещё в своём мире. Ледяная колючка не способна на пламенные чувства, она высокомерна и равнодушна, она не приемлет власти над собой, она лучше умрёт, чем станет чьей-то игрушкой. Тот король, что решил истребить нас, был прав — мы крадём души тех, кто посмел покуситься на нас. А мужчины никогда не признают поражение, им проще избавиться от нас, растоптать и уничтожить, чем принять свою уязвимость.

Выбегая на утреннюю прогулку, я не думала, что попаду в свой собственный ад, из которого однажды мне удалось каким-то чудом бежать, но права та ведьма — от судьбы не уйти. И теперь я пленница собственного дара — проклятия искушать и не любить.

Глава 1

Падение в стылую черноту было бесконечно долгим. Боль продолжала терзать моё тело, стирая память, но где-то в отголосках ставшего бездонным сознания звучал голос старухи. Странное имя, которым она меня назвала — Истана Хассон — было мне чужим и знакомым одновременно, но и оно постепенно начинало казаться таким же пустым и холодным, как пропасть, в которую я так безысходно проваливалась.

— Приходит в себя, — чей-то посторонний голос расколол этот хрустально-ледяной купол, и он, с гулким звоном осыпался вокруг меня хрустящим инеем.

Я попыталась разлепить веки и понять, что со мной творится, но не вышло, ресницы будто смёрзлись, и губы жгло морозом, всё тело окоченело, оно не слушалось меня. Я всё же попробовала пошевелиться, но эта попытка отозвалась острой болью в спине, такой пронзительной, что я закричала вновь. С губ сорвался только хрип. Пар собственного дыхания огладил кожу лица, кажется, и в самом деле кто-то попытался вырвать мне позвонки. Такой муки я ещё никогда не испытывала. Вся эта боль простреливала с ног до головы, поднималась к затылку, вынуждая захлёбываться. Вместе с хрипом я слышала свой жалобный стон, а следом волной нахлынули окружающие звуки: хруст снега, мужские голоса, скользнул по коже прохладный воздух...

Это проклятая старуха видно сбежала, но мне было не до неё, сейчас главное, что подросла помощь. Меня нашли, и всё будет хорошо.

— Кажется, она не доживёт до утра, много крови потеряла, — полоснул слух незнакомый голос. — Жаль, одна единственная выжившая.

Как? Почему? От притока отчаяния я задышала часто, хотелось завить в голос от осознания происходящего. Я перестала что-либо понимать, только и смогла, что слушать звучание голосов рядом и где-то вдалеке.

«Так, спокойно, Снежа. Ничего, что я не могу шевелиться, задубев. Это ещё не приговор», — старалась себя утешить, как вдруг явственно ощутила на себе чей-то пристальный тяжёлый взгляд. Остро захотелось увидеть, кому он принадлежит.

Приоткрыла заиндеветшие ресницы, и лучше бы я этого не делала. Сквозь муть слёз, застилающих глаза, я различила высокие кожаные сапоги, заправленные в них шерстяные штаны, длинную, такую же тёплую тунику, что доходила до колен мужчины. Внушительный корпус сковывал

металлический панцирь брони, широкие листы железа покрывали и защищали его аршинные плечи и грудь, по спине до земли падал плащ. Такой же огромный, под стать незнакомцу, меч на боку. Мужчина сжал кулачищи в кожаных перчатках. Я поджала губы, понимая, что окончательно брежу в предсмертной агонии. Передо мной не медработник и не спасатели МЧС, даже не случайные прохожие, а стоял надо мной, возвышаясь вулканом, самый настоящий титан из тех фэнтезийных компьютерных игр, в которых зависала половина сотрудников офисного планктона в обеденное время.

Лица в темноте я, конечно, не смогла различить, потому что нижняя его часть была спрятана маской-платком. Разглядела только в отсветах факела, что волосы тёмные, хоть и мокрые, видно, после сражения. Прихваченные морозом, они падали на выпирающую острую скулу длинным чубом. Огонь тускло играл всполохами в чёрных тенях глазниц под такими же тёмными, сведёнными мрачно бровями. Он явно был главным. И тут я поняла, что по-прежнему лежу на земле прямо на ледяном покрове. И что темнота кругом, а вместо ухоженного парка скалистые просторы. Это было уже за гранью моего понимания.

— Нам не нужна ноша, — ответил мужчина, обглодав меня взглядом, будто волк — кость.

Его довод, как окончательный приговор, свалился на мою голову. Я нисколько не удивилась тому, что хорошо понимаю незнакомую мне речь со странным шипящим звучанием. Голос того, кто только что решил мою участь, утопил меня на самое дно, такой тяжёлый, глубокий в своём равнодушии, надменный в беспощадности.

Он шагнул в мою сторону, а внутри меня что-то толкнулось и оборвалось. Мужчина с ловкостью убийцы выдернул из ножен изогнутый кинжал и холодно полоснул меня взглядом, обжигая изнутри. Что он собирается сделать?! Я раскрыла губы, чтобы закричать. Я не хотела умирать, хотя физическая и душевная боль потери напоминали, будто догоняющим отголоском, о том, что здесь недавно произошло что-то чудовищно-страшное. Эта боль толкала на самую грань. Толкала на острие лезвия в руках незнакомца.

Титан опустил на колено. Я отвернулась, зажмурившись — не могла смотреть на него. Почему? Даже сейчас, на краю Ледяной Бездны осознавала, что так нужно, внутренний голос подсказывал мне этого не делать — не смотреть в глаза. Я чувствовала его дыхание, чувствовала этот давящий, обжигающий не хуже льда взгляд, опасный для меня. Инстинкт подсказывал это по мере его приближения, хотя и чувствовала остальных,

что подтянулись к месту казни, окружили меня и наблюдали молча, быть может, с сожалением и огорчением, а может, и с таким же равнодушием, как этот убийца. Он положил плашмя клинок мне на глаза, видно, для того, чтобы я не смотрела. Что он собрался сделать? Добить, чтобы не мучилась? Я почувствовала прохладу кожи его перчатки, она чуть коснулась шеи, а потом твёрдые пальцы решительно и жёстко сдавили её.

— Давай же скорее и закончим, — сорвалось злое шипение с моего языка.

Титан застыл, а потом сжал моё горло сильнее, вовсе передавив воздух. Одно движение — и всё, этот кошмар закончится.

— Проклятье! — выругался палач.

Холод лезвия исчез.

Он резко отдёргнул руку, будто сунул её в пламя. Я, перестав вовсе дышать, чувствуя, как обжигают слёзы, застывающие на почти бесчувственных щеках, покосилась на него, видя в его стылом взгляде — надо же — изумление. Но оно быстро растворилось, сменяясь на гнев. На милость он явно был не способен.

В следующий миг он рывком сдёргнул с моей головы, как оказалось, платок, а не шапку. Рассыпалась по плечам копна светлых, как белое золото, волос.

— Ты... ассару... — голос незнакомца сгустился. — Как твоё имя? — потребовал он тут же.

Сказать своё настоящее имя было сомнительным ходом, да и выдавать тот факт, что я не та, за кого они меня тут все приняли — опрометчиво. От этого воина исходила такая мощная энергетика, что я почти забыла о своих муках, он впускал страх, желание сжаться и спрятаться.

— Как твоё имя? — повторил он, сдёргивая свою маску, и я поняла, что после третьего раза он просто перережет мне горло.

— Истана... — почти беззвучно шевельнула губами, вспоминая ту злостную старуху, которая, провожая меня так любезно в другой мир, сказала мне имя.

Голос окончательно пропал, потому я сомневалась в том, что спаситель — или каратель — слышал его. Я смотрела на его грудь, на сильную шею и подбородок, поросший недлинной тёмной щетиной. Его челюсти были стиснуты, отчего скулы казались ещё резче и твёрже — идеальные скулы, идеальное тело. Такой порции тестостерона мне ещё не приходилось ощущать. Я закрыла глаза от притока дурноты, подкатившей к горлу. Не смотреть.

В следующий миг он протиснул руки под моё тело, рывком поднял с

земли, словно перышко. Я застонала от пронзившей колючими болями, в глазах потемнело, и почудилось, что вот-вот потеряю сознание. Но только не сейчас. Казалось, что едва уйду за грань, как меня уже не спасёт ничто.

— Ты не сильно ранена, но потеряла много крови, ко всему исчадия Бездны покусали тебя, и их яд отравляет тело.

«Прекрасно, только этого мне и не хватало». Я взвыла, простонала. Попасть в иную реальность, населённую неведомыми тварями, которые, видимо, разодрали всех жителей этого холодного пустынного места — мой день явно не задался. И зачем я только выходила из квартиры?! Ведь выходные, можно было подольше поваляться в постели.

— Не понимаю, как ты ещё жива, — вернул меня из зыбкого полузабытья страж. — Я выжгу яд в твоей крови.

Яд? Мысли с бешеной скоростью взвихрились в голове. Это точно кошмар, но, чёрт, как же больно! Как же, чёрт возьми, больно!

Пока он нёс меня куда-то, я не могла думать ни о чём, кроме как о раскачивающейся волнами тошноте, мой мир сузился до раскалённых краёв огненного жерла, в котором я погрязла уже по горло.

— Маар, что прикажешь делать? Части порождений удалось уйти, — раздался совсем рядом голос. Он принадлежал статному, такому же слаженному мужчине, только немного ниже в росте, и волосы у него были светлые.

Значит, его зовут Маар... По моей спине прошлась болезненная судорога, от его тела исходил жар, и я поняла, что согрелась, и более того, начало клонить в сон.

— Останемся здесь, нужно убедиться, что они ушли совсем. Разбивай лагерь.

Этот светловолосый воин выслушал приказ внимательно, а потом опустил взгляд на меня и как-то хищно усмехнулся.

— Наш путь проделан не зря. Одна пойманная ассáру заменит сотню порождений.

— Ты слышал, что я тебе приказал, Донат? — Маар напрягся, я почувствовала, как буквально вскипает его кровь.

Донат вытянулся, прекращая ухмыляться.

— Поезжай в соседнее селение, отыщи женщину умелую, хорошо, если она окажется целительницей.

— Понял, — кивнул тот и удалился к остальным.

О чём они говорили, мне было совершенно непонятно, но последнее заявление стража Доната, кем бы меня тут ни считали, вызвало досаду. Сказал так, будто я не человек. А человек ли? Судя по тому, какое было

выражение в глазах этого волка, я чем-то отличаюсь от обычных девушек.

Маар снова зашагал, удаляясь от места бойни, что случилась здесь ночью.

Мне бы только выжить...

Он внёс меня в какую-то приземистую хижину. Внутри остро пахло гарью и кровью, запах въедался под самую кожу, и меня вновь затошнило. Одним движением руки он смахнул с длинного стола всё, что находилось на нём, комната наполнилась грохотом. Маар уложил меня прямо на этот стол, ничуть не осторожничая.

Глава 2

Перед ним лежала ассáру, в этом не осталось сомнений. Едва Маар прикоснулся к ней, как понял это мгновенно, ощутил всем естеством. А потом он увидел цвет её волос...

Ткань штанов едва не лопнула от того, как напрягся его член, как забурлила кровь, наполняя его, причиняя боль. Почему?! Почему в тот миг, когда он уже почти забрал её жизнь, ощутил, что она ассáру?! Обычная простолюдинка не выжила бы, но только не ассáру — их не так легко уничтожить, и этот яд в её крови испарился бы сам, но на это ушло бы куда больше времени, а ему не нужен такой груз, ему нужно, чтобы уже утром она смогла сесть в седло. Он должен отвезти её королю, хотя разумнее было бы её прикончить.

Маар вдохнул тяжело и, оторвав от девушки взгляд, отвернулся, прошёл к очагу. Протянул руку над остывшими углями. Они занялись с новой силой почти мгновенно — сейчас исгáр в нём бушевал. Запахло дымом и смолой. Страж кинул в топку ещё несколько поленьев, которые были заранее заготовлены. Теперь всё брошено, хозяйева мертвы. Маар всё думал и никак не мог понять, как ассáру появилась здесь, в долине Сожи? Как её ещё не нашли? Но теперь она лежала перед ним, ослабленная и беззащитная. Но стражу не стоит поддаваться на эту уловку — ассáру коварны. Она назвала ему своё имя. Нет, ему попалась всё же глупая ассáру. Или это часть уловки? Зачем она раскрыла своё имя, чтобы привязать его? Околдовать? Истана... Маар смотрел на огонь и понимал, что мышцы от её близости каменеют, и пульсирует кровь в паху, застилает глаза пелена.

Он повернул голову на притихшую девушку. Она ожидала, он чувствовал её страх и трепет — это удивляло. Лживая ассáру, она это делает намеренно. Маар развернулся, он смотрел на неё и не мог оторваться, оглядывая её всю жадно и пристально: эту тонкую шею, которую он едва не сломил, эти узкие плечи, маленькую упругую грудь, узкую талию, покатые бёдра, длинные ноги, её тонкие пальцы, что напряжённо вцепились в край столешницы. Дико захотелось сорвать с неё платье и взглянуть на её тело. Он прошёл к ней, и её страх волной накрыл его. Маар сузил глаза.

— Тебе нужно уснуть, — мужчина принудил её успокоиться, пустив на неё свои чары.

Грудь её начала вздыматься тяжелее и опадать медленнее. Она поморщилась. Кажется, ассáру не понимала, что с ней происходит, но веки стали тяжелеть, как и всё тело. Слишком бледная, платье в клочья, волосы, разметавшиеся по столу снежным покровом, сияют в полумраке. Они ценнее всяких драгоценностей.

— Посмотри на меня, — приказал он, склоняясь.

Ресницы девушки вздрогнули, тёмные густые веера тяжело и медленно поднялись, и на него посмотрели ледяные голубые глаза цвета тех озёр, что лежали в заснеженных подножиях Излома. Они холоднее самой Бездны, и в них дрожит белое золото её волос, как снежные шапки гор отражаются в тех озёрах. Их заволокло пеленой — она отключалась. Маар шумно выдохнул через ноздри. Он качнулся к ней и тут же остановился, призывая себя к разуму. Ему следовало бы немедленно, прямо сейчас занести нож и вонзить лезвие в её сердце. Но вместо этого он смотрел на её волосы, белыми ручьями струящиеся по столу, и в тонкие черты её лица, искажённые страхом и изумлением. Он шагнул к ней, скомкал платье и одним рывком разодрал его с лёгкостью, как старую тряпку. Ассáру только поморщилась сквозь полусон — ей было больно. Ещё один рывок, и платье лоскутами расстелилось по столу, оставляя ассáру обнажённой. Она застыла, как ледышка, да и в самом деле была вся белая, как снег, только синяки и кровоподтёки рисовали на её теле уродливые узоры. Маар помнил, что должен был сжечь яд, но не спешил, иначе она обретёт силу и воспользуется своими чарами. Или она уже ими воспользовалась.

Проклятая ассáру!

Он снял перчатки, положил ладонь на её грудь с розовым тугим бутонем соска. Такая нежная кожа. Истана не пошевелилась, хотя никак не хотела проваливаться в сон, боролась с чарами. Маар смял её грудь в ладони. Упругая, с сочными и бархатными сосками, хотелось прильнуть губами к ним, прихватить зубами, словно спелую ягоду, ощутить на языке её пьянящий сладостью сок. Член болезненно вздрогнул при этой мысли. Его повело от запаха, источаемого её сосками, он сжал грудь сильнее, втягивая жадно её аромат. Ему следовало бы остановиться, но он не мог. Маар высвободил её грудь и скользнул по плоскому животу вниз, туда, где золотились завитки светлых волос. И даже немного пожалел, что усыпил Истану, ему хотелось ласкать её и смотреть в её голубые глаза, видеть её желание или ненависть, что угодно. Огладив нежный пушок, до судороги в пальцах, он обошёл стол, смял её бёдра, раздвигая колени в стороны. Её ноги были стройными и крепкими, с тугими икрами и тонкими щиколотками. Она была рождена для любви, хотелось брать её без конца,

раз за разом.

Он закаменел, когда взгляд его углубился между её ног. Во рту всё пересохло от вида её розовых складочек, таких сокровенных, манящих, словно бутон лотоса, который ещё не раскрылся. Маар облизал пересохшие обветренные губы. Небесные вседержители, зачем он это всё делает? Он спиной чувствовал дверь, но не мог заставить себя выйти, зная, что в любой момент сюда может завалиться кто угодно, он слышал за бревенчатыми стенами голоса воинов, чувствовал, как на горизонте забрезжили первые лучи. Ему нужно было поторопиться, но он стоял и поедал взглядом эту маленькую ассáру, ощущая, как его член жаждет немедленно оказаться в этом узком, тугом и влажном лоне, растягивать его, врываться. Он хочет её до рези и багровых всполохов в глазах. С этим нужно что-то делать, иначе его просто разорвёт на куски от острого вожделения. Маар оказался очень неосторожен, не ожидал встретить в этом захолустье ассáру, не был готов впервые в жизни.

Страж расстегнул ремни своей брони, скинул с себя, бросив на пол, обхватил её колени крепче, рывком придвинул ближе, прижимаясь пахом к её лону, содрогаясь, едва не испепеляя ткань штанов. Он обхватил её затылок, нависая, вдавился бёдрами между её ног жадно, исступлённо и кончил прямо в ткань штанов, настолько остро, ослепительно больно. Содрогаясь крупной дрожью, вдыхая запах её виска, завитков волос, мучительно застонав, он бессильно потёрся о спящую ассáру, проклиная себя за это, дыша судорожно, надрывно. Отстранился, когда взгляд прояснился, а дрожь перестала бить его тело. Отсветы огня играли переливами на красивом лице девушки, густые тени от ресниц падали на её скулы, и мягкие губы были так близко сейчас. Маар крепко выругался, понимаемая, что этого было слишком мало, он хочет её ещё, он хочет проникнуть в лоно, заполнить её изнутри, кусать её соски и вдалбливать её в этот стол безостановочно и безумно.

Маар отстранился, решая поскорее избавиться её от яда и уйти. Он накрыл её живот ладонью, вливая свой огонь в её тело. Истана застонала во сне, но чары были крепки, она не смогла проснуться. Когда Страж закончил, он подхватил плащ и накрыл её, сам отошёл к очагу, кинул ещё дров. Найдя глазами в хижине бадью с ключевой водой, он немедленно напился жадно, делая большие глотки, а потом распустил тесьму штанов и смыл следы уже подсохшего семени со своего члена, отёрся полотенцем. Женщин в его жизни достаточно, чтобы утолить его голод, он имел их, когда хотел и как хотел, ему даже не нужно было прилагать к тому усилий, они сами прыгали к нему в постель. Он трахал и тех девственниц, что так

желали, чтобы он был первым. Но ни одна не вызывала в нём столь бурного отклика. До помутнения. И это плохо.

Маар чуть повернулся, слыша размеренное дыхание ассáру. Теперь она была в тепле и размягчённая, её жизни уже ничего не угрожает, хотя, с какой стороны посмотреть. Маар ощутил, как кровь в жилах вновь начинает сгущаться, и поспешил покинуть хижину.

Я не помнила, в какой миг отключилась, помнила только, как Маар стоял ко мне спиной у очага, а потом он оказался рядом и заставил посмотреть ему в глаза. В тот миг я растворилась в его глазах, чёрных с бордовым, как виноградное вино, отливом. Они окутывали и одновременно жгли, проникая в самую душу, заставляя стелиться на раскалённом лезвии ножа. А потом темнота. И во всей это тягучей, такой невероятной реальности я ощущала на себе чьи-то прикосновения, ладонь на своей груди, тягучий взгляд, бесстыдно и жадно ласкающий всю меня, тяжёлое дыхание. Оно обрушивалось на всё тело, придавливая к столу, и этот жар, будоражащий, пульсирующий, вынуждал извиваться. Мне, конечно, снились эротические сны, но таких беспощадно явных, бесстыдно откровенных — нет. И когда я вновь открыла глаза, всё это свалилось на меня рухнувшим небом, лицо страшно горело, и, наверное, краснело до самых корней волос.

Я проснулась, вновь обнаружив себя не в своей уютной квартире, а в мрачной, пропитанной смоляным запахом лачужке. Кошмар продолжался. Паника было накатила с новой силой, но она не успела завладеть мной, потому что я была не одна.

У очага женщина в простеньком платье, в чистом опрятном переднике, в платке, завязанном замысловатым узлом, наливала из котелка что-то в плошку. Она повернулась, когда я пошевелилась. И тут я с ужасом обнаружила, что совершенно голая, лишь прикрыта грубым плотным и неимоверно тяжёлым сукном.

— Проснулись, — бодро поприветствовала она.

Женщина оказалась приятной наружности, с зелёными, как весенняя листва, молодыми глазами. Улыбка её была ласковой и доброжелательной.

— Где я? — спросила, поморщившись, обращаясь с тем же произношением.

Откуда-то изнутри тянулись знания этого странного, непривычного мне языка. Говорят, такое бывает, когда вспоминаешь что-то из прошлых жизней под воздействием сильнейшего потрясения, но что-то во мне явно пробуждалось. И лучше поддаться этим изменениям, иначе можно просто

рехнуться от всего, что происходит со мной.

— Мы в Сожи, — женщина моему вопросу не удивилась, напротив, на её лицо легла тревога, сожаление и страх. — Не волнуйтесь, всё уже позади, — добавила утешительно.

Я вспомнила, что на это селение напали какие-то твари, и все волосы на моём затылке приподнялись от осознания, что и сама я была в шаге от смерти.

— Как вас зовут?

— Лаура, — смущённо откликнулась она.

— А мои родственники? — спросила я осторожно.

Женщина взяла деревянную чашу, поднесла мне.

— К сожалению, никто не выжил.

Я приняла плошку с тёплыми боками, источающую травяной пряный запах. Решила пока не продолжать этот разговор — лучше не знать тех, кого никогда не знала.

— Пейте, это придаст вам сил.

За стенами послышались голоса, поднимая во мне тревогу. Из щелей уже сочился свет, и я поняла, что начался восход, но убедиться в этом окончательно не могла — окна здесь если и имелись, то были закупорены наглухо.

— Кто они?

Горечь с лица Лауры испарилась.

— Стражи его сиятельства во главе с Мааром ван Ремартом.

Очень содержательно. Я горько усмехнулась. Но, наверное, этот титул имел для людей здешнего мира особое значение, и судя по внешности стражей, не безосновательно. Хотелось узнать больше, но пока я размышляла над услышанным, делая маленькие глотки снадобья, обжигая губы и пытаясь уложить ту информацию, которую получила, в хижину вошёл он, тот самый титан, что хотел ещё недавно добить меня. Я обожгла язык и едва не поперхнулась, когда мне на колени он свалил охапку одежды, холодную с мороза.

— Что это? — только и смогла спросить, невольно сжимая пальцами сукно у подбородка, но казалось, мужчина видит меня сквозь него, таким хлестким был его взгляд.

— Оставь нас, — велел он Лауре, даже не посмотрев в её сторону.

Женщина, опустив голову, незамедлительно подскочила, как ошпаренная, вылетела прочь. Похоже, не даром я чувствовала от него опасность. Маар ван Ремарт...

— Это твоя одежда. Мы и так задержались тут надолго, одевайся, нам

пора уезжать.

Я бросила взгляд на одежду, а потом на Стража. Нет, я не смотрела ему в глаза, это было невозможно. Под его взглядом, таким резким, таким удушливым я чувствовала, как горло сжимается.

— Не вынуждай меня ждать, ассáру, — облокотился он о столб, подпирающий потолок.

Что? Он хочет, чтобы я одевалась перед ним? Я сглотнула.

— Может, ты выйдешь?

Наверное, эта просьба была моей ошибкой, потому что ван Ремарт в два шага пересёк комнату и сдёрнул меня со стола, подхватив падающую чашку и отбросив прочь.

— Запомни, ассáру, здесь приказываю я. Если я сказал «одевайся», значит, ты одеваешься.

Грубая холодная кожа перчаток царапала, ван Ремарт не рассчитывал силу, стискивая мои плечи до хруста в лопатках. Я не поняла, в какой миг волна гнева накатила на меня от этой дерзости, не вписывающейся ни в какие рамки. Стиснула зубы, но так и не смогла взглянуть на него.

Он выпустил, и я едва удержалась, чтобы не упасть. Накидка с меня давно соскользнула, открыв мою наготу взгляду мужчины. Похоже, такое обращение считалось здесь за норму. Меня затрясло, я лихорадочно потянулась за одеждой, ощущая его голодный звериный взгляд на своём теле. Казалось, он сдирал с меня кожу лоскут за лоскутом, а я всё не могла справиться с выбором одежды — она вся для меня была незнакомого странного кроя, да ещё руки перестали слушаться, и я не могла ничего сообразить.

— Коварная ассáру решила надо мной поиздеваться? — усмехнулся Маар, явно теряя терпение.

И он вновь шагнул ко мне, нависая, жёстко схватил, развернув к себе спиной, с силой вжимая в своё тело. Мои глаза округлились, когда я ощутила упирающийся мне в поясницу твёрдый бугор, такой огромный. И моя злость испарилась тут же, на смену ей пришёл страх и что-то ещё, немеющее у меня в животе.

— Я тоже могу издеваться... — прохрипел он, обжигая дыханием моё ухо и шею.

Его тяжёлая ладонь легла мне на живот и поползла вниз. Я всхлипнула, рванувшись из его хватки, но справиться с этими полутора центнерами мне определённо было не под силу. Его пальцы протиснулись меж бёдер, заставляя задохнуться и гореть от возмущения и стыда, такого жгучего, опаляющего. Свободной рукой он перехватил мне шею, надавила на клитор

другой да так, что крупная дрожь забила в моём теле от этого ощущения холодной кожи.

— Отпусти, прошу. Не надо.

Пальцы принялись тереться о лоно. Псих, просто псих. Его ласки усилились, и движения пальцев стали ритмичнее, я ощущала, как вздрагивает его плоть, и внутри меня происходило что-то невообразимо мне чуждое и одновременно знакомое, моё тело поддавалось его сильным рукам, сладкая мука разлилась по животу тяжёлым свинцом так, что колени подогнулись. Мне хотелось оттолкнуть его прочь. К горлу подкатывали волны жара и падали в низ живота, растекаясь по бёдрам. Я закусила губы, чтобы не застонать, с ужасом понимая, что хочу, чтобы эти пальцы оказались внутри меня.

— Раздвинь ноги, — потребовал он. Ни намёка на пощадку.

— Иди к чёрту...

Его палец резко и неожиданно вторгся в меня, упираясь в преграду, причиняя боль. Слезы проступили на глазах.

— Мне больно! — всхлипнула я.

Сдавленный стон Стража прокатился по моей щеке, я ощутила горько-терпкий запах. Он убрал руку.

— Истана ещё ни с кем не была? — усмехнулся он противно, сдавливая горло сильнее, продолжая тереть клитор, вынуждая захлебнуться.

Но крепкие пальцы на моём горле не позволяли издать ни звука больше. И когда пик наслаждения вместе с зудящей болью и омерзением едва не опрокинул меня в бездну, он грубо толкнул меня вперёд, заставляя сжиматься от пульсирующего саднящего наслаждения, гуляющего по моему телу и сотрясающего его, но так и не достигнув выброса. И это было омерзительно гадко.

— Я надеюсь, ты проснулась и станешь теперь более собранной. Я жду тебя на улице, ассару.

Я схватилась за стол, зло глянула на него через растрёпанные волосы. Титан вышел, хлопнув дверью. А во мне столько было ненависти, сколько я не испытывала за всю свою жизнь.

Маар вышел, его трясло от острого, разрывающего на части желания. Эта маленькая лживая ассару оказалась ещё и девственна. Эта мысль пестрела перед глазами, как кровь, будоража и сбивая дыхание. Только злость не дала ему совершить то, чего так вождделело его тело. Но Маар не сдержался, ассару привяжет его к себе, а это не позволительно. Стражи

Бездны не должны привязываться к женщинам. Да он и не способен на это, но об Истане он думает слишком долго... За это утро, пока они ездили к границе Излома в дозор, она не выходила из его головы. Это плохо. Скверно! Маленькая дрянь накидывает на него путы. И надо бы поставить ей клеймо, чтобы заковать её чары, но так не хотелось портить эту белую шёлковую кожу. В пути до Излома, во время которого они успели с отрядом подняться в горы, Маар всё думал о том, как она могла жить всё это время здесь, на краю Бездны, и скрывать свою сущность. Никто не знал, кто она на самом деле. Эта женщина, целительница из соседнего селения, ничего не знает об Истане. Она всё отрицала, какие бы Маар не задавал ей наводящие вопросы. Очень странно. И непонятно. Маар не любил неизвестность.

Женщина-целительница, едва Страж вышел из хижины, напряглась вся. Он ощущал её благоговение перед ним.

— Помоги ей одеться, — приказал он.

Та послушно кивнула, нырнула обратно в хижину.

Как назло, та старуха, с которой жила Истана, исчезла, и больше не у кого было спросить об ассару, но ведь должны же остаться где-то её родственники. Кем была ей эта старуха, с которой жила Истана, Маар ещё узнает, а пока ему нужно было срочно избавиться от этого сводящего с ума вожделения, иначе придётся туго, а ведь ещё длинный путь впереди. Он оглядел в белизне снега своих соратников, что толпились у костра, готовя еду. Ночь была тяжёлой, они уничтожили сотню порождений, пусть и многим из тварей удалось скрыться, но всё же воины заслужили отдых. Маар зацепился взглядом за повозку, на которой прибыла эта знахарка, взяв в помощь и свою дочь. Глупая женщина. Маар усмехнулся и прошёл к повозке. Но девушка оказалась хоть и молоденькой, да замужней, на шее поблёскивало свадебное ожерелье, и косы были спрятаны под меховую шапку. Она вздрогнула, когда Маар приблизился, ворочая на повозке меховые шкуры.

— Идём за мной, — приказал Страж.

Девушка, испугавшись его появления, оставила всё, прошла за ним послушно. Маар шагнул в хозяйские постройки. Сгорело не всё, часть зимних запасов осталась целой, только кому теперь нужно все то, чем полнились закрома, мешки и ящики? Растащат если не звери и грызуны, то соседние жители.

— Чем я могу вам помочь? — спросила робко дочь целительницы, не смея поднимать взгляда.

Маар взял её за плечи, вынуждая посмотреть ему в глаза. Её очи были

орехового тёплого цвета, напоминающие дубовые рощи, окаймлённые тёмными ресницами, словно сень прохладной тени. Вздёрнутый носик и маленькие губы придавали её чертам нежности. Член напрягся, когда он представил, как эти губки обхватят его ствол. Девушка и впрямь ничего не понимала, и Маар движением указал опуститься на колени, дёрнул тесьму, выпростав налившуюся сталью плоть. Девица отвела глаза, краснея густо, уголки губ смущённо дёрнулись в улыбке. Она не испугалась, напротив, смутилась сильно, хотя очень хотела рассмотреть его, потрогать.

— Я замужем, мэниер, — дрогнули её ресницы, но губы от возбуждения дрожали.

Маар видел, как в ней борются чувства: она хотела его испробовать, почувствовать вкус. Быть может, муж никогда не осмеливался на такое?

Он взял её за острый подбородок, повернул к себе, обхватил член, скользнул головкой в раскрывшиеся губы, такие гладкие. Ротик её был тёплый, маленький. Маар сорвал шапку с её головы, положив ладонь на затылок, задал нужный темп. Девушка послушно положила ладони на его бёдра, устраиваясь удобнее, заскользила вперёд-назад, снова вперёд. Она делала это неумело, слишком, и он, конечно, не мог войти в неё до упора, но невинность этого действия тоже возбуждала. Вперёд-назад, Маар ощутил, как в нём нарастает напряжение, как волны жара растекаются по телу лавой, отяжеляя его с головы до ступней, хотелось сорваться. Маар прикрыл глаза от удовольствия, толкаясь в её рот сначала медленно и плавно, а потом всё резче и порывистей. Девушка с охотой начала принимать его глубже. Она ощущала его возбуждение, ей это нравилось, она хотела доставить ему удовольствие, очень хотела, скользя губами по гладкому твёрдому члену, огромному для её ротика. Маар нырял в глубину, ощущая её язычок, но этого всё равно было мало. Перед глазами стояла обнажённая ассáру, её белая грудь с розовыми, как вишнёвый первоцвет, сосками, её желанное узкое лоно, которое он хотел растянуть, заполнить собой. Её девственность нектаром растекалась по горлу, скапливалась в солнечном сплетении, опускаясь в пах. Затуманенный этим желанием, он уже не видел, как девушка начала задыхаться, как на глазах проступили блестящие слёзы. Он размеренно вдавливался в её ротик, напрягая ягодицы, слыша её всхлипы. Она старалась изо всех сил, чтобы он кончил, она вождедела этого. Ощущая, как его едва не разрывает на части от подкатывающей волны блаженства, Маар обхватил её голову двумя руками, вошёл до упора, напрягаясь с силой, задерживая отяжелевшее, ставшее частым, дыхание, когда её губки коснулись его яиц, смыкаясь туго в плотное колечко. Он издал гортанный стон, тугая горячая струя заполнила

горло девицы, желанная тяжёлая истома разлилась по телу, ослабляя стража. Излившись до последней капли, он резко выпустил девушку, позволяя той отдышаться. Она судорожно ловила воздух, глотая его семя, покрасневшись, как варёный рак. Маар заправил штаны, вытащив две золотые монеты, бросил ей на подол — ему понравилось.

Он молча вышел, направляясь к своему отряду, а следом выбежала и девица. Её мать схватила дочь, потрянула с силой, но та молчала, рьяно пытаясь высвободиться. Женщина только хмуро посмотрела в сторону удаляющегося стража. В следующий раз пусть думает, прежде чем брать молодую довольно милую дочку в отряд мужчин.

Глава 3

Я лежала и хватала ртом воздух. Он просто чудовище, маньяк! Куда меня занесло?! Мне остро захотелось вернуться назад, в парк, и пусть всё это окажется сном, страшным сном. Между бёдер жгло, и ощущение его пальцев внутри, наполненности всё ещё не проходило. Он всего лишь прикоснулся, не повредил меня, но как же больно. И что за имя, которым он меня называет постоянно? Что значит «ассáру»?

Я, так и оставшись распластанной на столе, пошевелилась, решая, что лучше поторопиться, иначе он вернётся. Оглядела себя там, где он касался. Кожа краснела, будто от ссадин. Одно я поняла — этот мужчина в праве мной распоряжаться, как пожелает, и не у кого мне искать защиты и опоры. Я тут совершенно одна. Мысли бились, как волны о скалы, отчаянно и безысходно.

Дрожащими пальцами я потянулась за платьем. Длинное, тяжёлое, шерстяное, такое если носить весь день, устанешь быстро, но на улице зима, и нужно одеться как можно теплее. Я покрутила вещи, догадываясь, что под них нужно надеть что-то из приятной ткани, но они все были из грубой шерсти и сукна, никаких украшательств: ни рюшек, ни кружев — всё строго и сурово. О нижнем белье тут, видно, и думать не приходилось. Я бессильно опустила руки, рассмотрев очередное платье. Оно одно было оторочено мехом, кажется, куньим. Я любила практичную одежду, лёгкую и удобную, поэтому выбрать из имевшегося было сложно.

Дверь скрипнула, я мгновенно прижала платье к груди, прикрываясь. Но опасаться не следовало — вошла Лаура. Хмурая и какая-то задумчивая.

— Давайте помогу, — буркнула она, приближаясь.

Переворотив кучу, она быстро сделала выбор, разложив целых три платья. Синее-серое с длинными рукавами, бежевое кроя попроще и третье из льна, плотного, но светлого. Рядом легли двое просторных штанов и юбка из рогожи. И я поняла, что всё это мне придётся на себя надеть.

— Вы поедете верхом, потому эту юбку вам нужно повязать поверх всех платьев, — объяснила она.

Я не стала спорить, доверившись этой женщине полностью.

— Лаура, — обратилась я, когда женщина услужливо помогала мне облачаться. — Кто такие ассáру? — спросила, надеясь, что это станет ключом к разгадке того, почему и как я здесь оказалась.

— А вы разве не знаете? — откровенно удивилась моя помощница.

— Слышала, — неуверенно заговорила я, облизав пересохшие губы. — Просто хотела понять...

Боже, что я говорю. Я отчаянно подбирала в мыслях слова, не зная, как теперь выкрутиться.

Лаура тяжело вздохнула, стягивая шнуровку на моей спине.

— Ассáру — дочери Богини Ильнар, и этим всё сказано, — как-то грустно ответила она.

Кто такая Ильнар, видимо, тут известно даже детям, потому я оставила попытку дойти до истины. И вообще решила держать язык за зубами. Что бы ни происходило, мне не нужно выдавать своё происхождение. Достаточно того, что этот вулкан ван Ремарт домогался меня, надо сказать, очень непривычным для меня способом. И мне это вовсе не понравилось. Такой грубости, такого откровенного пренебрежения я никогда не встречала. Но видимо, здесь другие правила, другие ценности и нравы, здесь с женщиной явно не считаются, и плевать, что она при этом испытывает. Или... это относится только ко мне — ассáру, дочери богини Ильнар?

Я сунула ноги, перемотанные лоскутом ткани, в сапоги, ступни утонули в меху. Надо же, по размеру. Хотя это же сапоги прошлой хозяйки тела. И так стало сразу ногам жарко, будто в духовку их опустила. Женщина подала мне верхнюю одежду, нечто похожее на тёплый сюртук, только мех был внутрь, а не наружу. Сверху я надела накидку, застегнув что-то наподобие заклёпки, кованной из железа. Похоже, красота тут была не на главном месте. Волосы Лаура заплела мне в косу как-то нарочито медленно — любовалась ими. Их я спрятала под меховую шапку, так сказать, от греха подальше. Мои волосы при жизни всегда были русые, хотя наличие роскошной блондинистой шевелюры меня несколько не удивило, будто с рождения привыкла. И вообще я чувствовала себя в другом теле так, словно оно мне было каким-то родным, будто я всё это знала когда-то и теперь вернулась после долгого путешествия. Странное ощущение пробуждалось внутри, и мне оно не нравилось категорически. Мне нужно попасть домой. Но что самое худшее — это привыкание с каждым вздохом, с каждым стуком сердца. Моя работа, квартира, которую подарил мне отец, когда сам уехал жить за границу... Всё это безнадежно ускользает туманным воспоминанием сквозь мои пальцы. Может быть, потому что меня там никто не ждёт? Ну, кроме друзей и работы, на которую я, видимо, не выйду в понедельник. Всё это было очень сложно воспринять.

Одевание оказалось для меня настоящим испытанием, даже спину pokryla испарина. Я старалась не думать, куда повезёт меня Маар ван

Ремарт, и что теперь со мной будет. Пока я жива, и это главное. Может быть, я найду какие-то нити в другом месте. Истана жила тут, пусть и в захолустье, но выбиралась же куда-то ранее.

Я уныло оглядела чуть закоптелые потолки и тяжело вздохнула. Хотелось надеяться, что она была не какая-нибудь дикая отшельница.

— Зеркало бы, — проговорила я вслух, хотя мне было страшно на себя смотреть, в лицо той, которую я никогда не знала. Или знала?

Лаура улыбнулась снисходительно, будто я глупость сказала.

— Такой драгоценности в наших краях не бывает, — ответила она.

Я ещё покрутилась в хижине, чувствуя, как накатывает тошнота от того, что нужно выходить. Выходить в неизвестность и быть в поле внимания ван Ремарта. Даже дрожь по плечам прокатилась, когда я вспомнила его тёмные, горящие углями глаза. Взгляд хищника — голодный и обжигающий.

Собравшись с волей, втянув в себя воздух, я-таки шагнула к двери.

Я вышла из хижины, и сразу колючий мороз вгрызся мне в незащищённые от холода участки лица и рук. Обомлела от увиденной красоты. Место, открывшееся моим глазам, нельзя было описать никакими словами. Я будто на самой вершине Эвереста: снежные гряды тянулись на горизонте закаменелыми морскими волнами, верхушки пик вспыхивали малиново-розовыми шапками. Невероятно пронзительное, глубокое и такое кристально чистое небо раскинулось надо мной, оно явно было другим, непохожим на то небо из моего города — оно было живое настолько, что по спине к пояснице побежали сотни мурашек. Целый неизведанный мир. Ночью я не заметила этой красоты, да и не до того было.

Я жадно вдохнула, и голова закружилась от воздуха, чистого, прошибающего до самого нутра, даже лёгкие раскрылись, неистово поглощая его. Воздух был тоже другим, совершенно. Всё вокруг было другим: диким, хищным, не тронутым. Девственная целина раскинулась от края до края.

Пришла немного в себя от потрясения, и мой взгляд зацепился за отряд мужчин. Внутри дрогнуло всё, когда моим глазам предстали все как на подбор воины в доспехах, сверкающих в утренних лучах, как ледяные тотемы, в драгоценных мехах и при оружии. Нет, это точно не может случиться со мной. Я невольно сглотнула, облизывая разом пересохшие губы, вспоминая своих коллег, этих тощих доходяг. Невольно горько усмехнулась, насколько те по сравнению с этими атлантами хлипки. Оскудел ныне род людской, ничего не скажешь. Этих же статных гор мышц, красоты и власти бери и хоть в эротик-фильме снимай. Но не стоит

поддаваться внешней оболочке, что они из себя представляют, мне уже «посчастливилось» испытать.

Я не спешила к ним подходить, да и страшно, признаться, поэтому издали изучала пришельцев. Человек двадцать. Все вооружены, лошади паслись чуть в стороне, несколько довольно пузатых возов, видно с припасами, стояли вместе у построек. Я всё бегала взглядом, выискивая ван Ремарта. Если этот тиран имеет столь громкий титул да возглавляет целый отряд воинов, значит, имеет особое положение в окружении короля. Изучив некоторые детали, я поняла, что воины всё же имели некоторые отличия, красивые доспехи в готическом стиле имели всего двое, не считая Маара: Донат — воин, которого я уже видела, и ещё один мужчина значительно старше Доната. Тот статный блондин стоял у костра. А потом внутри меня всё замерло и покрылось инеем, когда мой взгляд наткнулся на него. Маар стоял спиной ко мне, чуть расставив ноги, с одной стороны казался расслабленным, но с другой каждый мускул шеи, плеч, спины и ног напряжён и туго напружинен — хищник, который никогда не спит, готовый в любой миг броситься в атаку. Он словно почувал мой взгляд, обернулся, а меня будто прострелило насквозь стрелами, дыхание исчезло из груди. Его недавние ласки вспыхнули на моём теле огнём, такие жгучие, причиняющие боль, невыносимые. По его взгляду я окончательно убедилась, что вовсе не вызываю в нём лестных чувств, что усугубляет моё положение в сто крат. Осознание того, что он бы мог с лёгкостью меня изнасиловать прямо в хижине — его мужское достоинство явно на это намекало — вызывало во мне подлинный страх. Но почему-то он не стал. Такой мужчина не будет поддаваться первому позыву, это я поняла отчётливо. Что же его сдерживает?

Вслед ему повернулись и остальные воины. Я вдруг вот так просто стала объектом всеобщего внимания целого отряда голодных до женских прелестей мужчин. Кажется, Маар упомянул, что они достаточно долго уже в пути... Присоединиться к ним мне категорически перехотелось. Я отвела взгляд, посмотрев в сторону небольшой повозки. Возле лошади стояла девушка. Надо же, не заметила сразу. Видно она приехала вместе с Лаурой, и по тому, как они были похожи, я поняла, что это её дочь.

Я, не раздумывая, направилась к ней, ощущая на себе обжигающий взгляд Маара. Он тугим сгустком падал в низ живота, не позволяя двигаться свободно. Девушка не совсем обрадовалась моему обществу. В глазах растерянность, бледная такая, словно ей нездоровится. Лучше бы и не тревожить её вовсе, но я не могу не воспользоваться любой возможностью узнать больше об этих людях.

— Куда этот отряд направляется? — сразу задала я главный вопрос, надеясь, что та может дать ответ.

— Так всем известно, — она погладила морду лошади, поглядывая в сторону мужчин и как-то ещё сильнее побледнев. — В крепость Ортмор.

Ортмор... Название не предвещает ничего хорошего.

— Для чего?

— Приказ короля, — отмахнулась девица. — В Изломе найдена прореха, порождения слишком часто нападают на людей. Король отправил Стражей, и теперь мы будем под защитой.

Вот как, выходит, Стражи — это особые приспешники короля. И тут картинка в моей голове сложилась: этот горящий углями жар в глазах, эта бешеная энергетика — мужчина явно обладает сверхсилами, должно быть, какой-то магией.

«Да, Снежа, попала ты», — посочувствовала я в мыслях самой себе.

Но не время раскисать и жалеть себя, кем бы этот зверь ни был, пусть узнает, что я тоже не лыком шита. Девушка вдруг сжалась вся и как-то благоговейно посмотрела поверх моей головы. Тут же на меня обрушилась лавина жара — ван Ремарт стоял за моей спиной.

Я невольно отступила. Мужчина положил на повозку два железных шипа, на которые были нанизаны ломти жаренного на углях мяса, исходившего паром.

— Ешь, скоро мы отправляемся в путь, следующий привал будет нескоро, — прозвучал его грудной до режущей стали голос, не выражающий ничего.

— Я не хочу, — поджала я губы.

Он бросил на меня строгий угрожающий взгляд, будто ножом полоснул.

— Если ты не поешь, я накажу тебя, и ты знаешь, как...

Я судорожно сглотнула, вспоминая его недавнее покушение, и зло скрипнула зубами. Девушка же, напротив, из снежного идола превратилась вдруг в зарумянившийся пирог. Маар, не отрывая от меня взгляда, сжал челюсти так, что желваки дёрнулись на скулах, поросших тёмной трёхдневной щетиной, а у меня толкнулось что-то изнутри при виде этого титана, неумолимо жёсткого, сурового и беспощадного. Сумеречно-чёрные колдовские глаза под такими же чёрными росчерками бровей на белом фоне буравили насквозь, я поняла, что вовсе перестала дышать. Дочка Лауры совсем притихла, отводя смущённо глаза от Стража. Ремарт развернулся и пошёл прочь, не оставляя мне никакого выбора. А я медленно и неумолимо иду ко дну — я проиграла, опять. Познать бы свои

силы, что сокрыты в этом теле.

Я тряхнула головой, понимая, что это всё похоже на безумие, наваждение, дурман — это всё для меня слишком невероятно!

Сладкий запах, исходящий от мяса, перебил во мне все мысли. Я глянула на принесённую Стражем еду, и пустое нутро тут же отозвалось урчанием. Я в самом деле страшно хотела есть. Взяла шип, втянула аромат. Обжигая губы, отщипнула зубами. Жёсткое, но такое сочное. Невообразимо сладкая мякоть растаяла на языке.

«Да это же лосятина», — тут же поняла я, однажды пробовавшая её в ресторане, только это в сотню раз было вкуснее. Я попробовала ещё и ещё, предложив и дочке Лауры, глянула в сторону отряда, и ком встал в горле. Маар смотрел, и даже издали его ухмылка сверкала ослепительней снега горных вершин, отражая абсолютную власть надо мной. Будь он неладен.

Глава 4

Маар отказался от еды. После того, как он кончил в ротик той девицы, ему не хотелось забивать свой желудок. Ко всему он чувствовал ассáру, которая была сейчас за его спиной, и ему требовалось больше силы, чтобы отгородиться от неё. Но как бы ни ставил защиту, тугая истома разливалась внизу живота, когда он вспоминал её голое тело, идеальное совершенное тело, абсолютно чистое, не тронутое никем. Эта мысль пьянила его голову крепче навреимского эля, разбивая в дребезги любые преграды, что он выстраивал перед собой. Как ей удалось оставаться целой и нетронутой всё это время? Ему нравилась мысль о том, что она невинна, нравилось, что она сохранила себя. Или он ошибся? Но эта тугая щель, что так крепко обхватила его пальцы даже сквозь перчатку, не пуская глубже внутрь, говорила об обратном. Он мог бы окончательно проверить это прямо сейчас, развернуть спиной, поставить девушку на четвереньки и взять, насадив на себя, иметь её, как ему того хотелось, сколько и куда хотелось. Эта ассáру, появившаяся неизвестно откуда, явно была непростой, и с ней ему нужно быть осторожней. Ко всему не покидало ощущение, что она насмехается над ним, водит за нос. Но он не будет спешить, теперь она от него никуда не денется, он остро чувствует её запах и может определить место её пребывания. Аромат ассáру сладостью оседал на языке и будоражил, вынуждая внутреннего исгара рычать и рвать зубами плоть. Во льду её глаз, под которым толщи стылой чистой воды, не читалось ничего, кроме холода и пустоты — это не давало ему покоя.

Маар стиснул кулаки, решив выбросить эту девчонку прочь из мыслей. Всё утро она мешает ему думать, а ведь были дела куда более важные. Но как назло, сосредоточиться мешало и то, как остальные приспешники короля пялились на ассáру. Хорошо, что та додумалась спрятать волосы. Каждому, кто смел смотреть на неё, Маар хотел выколоть глаза, и потому те, кто напарывался на взгляд стража, понимали, что лучше забыть о выжившей девушке.

Маара боялись, он чувствовал их страх, что ядом разливался по жилам, парализуя. Его боялись все. Даже самые могущественные маги страшились демона, живущего в нём, а всё потому, что помимо исгара, который обрёл своё пристанище в его теле, кровь Маара несла в себе чёрную силу, которой так щедро одарил его Бархан — владыка тьмы. Недаром его называют чёрным огнём, он способен не только испепелять

оболочку, но и проникать внутрь, в самые потаённый уголки души, и разрушать изнутри, рвать, сжигать и подчинять. Исгар Маар ван Ремарт, порождение Бархана — верный подданный короля и его личный цербер, Страж Ледяной Бездны. Каждый из тех, кто был сейчас в отряде, прекрасно знал, что вставать на пути у Маара не следует, и потому воины поумерили свой пыл, перестав пялиться на ассару.

Огненное око начало подниматься над Гребнем, и нужно было отправляться снова в путь. Отряд собрался быстро, один за другим воины вскакивали на жеребцов. Ассару Маар выдал лошадь. Каков же был его гнев, когда девчонка вздумала дурачить его, делая вид, что не может справиться с животным, даже испускала ауру страха. Можно было восхититься таким подлинным чувством, так умело и искусно она лгала, что Маар почти верил ей. Почти, если бы не знал, кто она на самом деле. Эта лживая маленькая ассару решила проверить его терпение. Что ж, с Мааром тоже шутки плохи, он проучит её после, а пока помог справиться с кобылой, усадив девушку в седло, всунув в её пальчики поводья, ударив кобылу по крупу.

Страж не слишком рьяно подстёгивал отряд, опасаясь того, что ассару может свалиться ненароком и свернуть себе шею, эту тонкую белую шею... Он даже испытал сожаление, когда представил на миг, по какой глупости может умереть ассару, и по какой глупости он потеряет эту ценность для Его Сиятельства.

Миль через десять Истане надоело притворяться и злить Маара, теперь она ловко управляла животным. Отряд пустился чуть быстрее, нужно было успеть к ночи добраться до Артмауса.

Путь до твердыни Ортмор был неблизкий. Выезжая из замка, прежде чем добраться до места, Маар решил обогнуть Северные горы, чтобы проверить, есть ли ещё прорехи. За последнюю луну разрывы Защитной стены случались слишком часто, и это не позволило королю остаться в стороне и не предпринять меры. Закрыть дыры во власти сильнейших магов, уничтожить тварей под силу только Стражам. Очаги вспыхнули сразу в нескольких местах и, как ни прискорбно, в противоположных, потому придётся делать большой крюк, что займёт несколько лун кряду, и подчистить землю от порождений.

Когда день начал клониться к закату, небо уплотнилось тяжёлыми низкими тучами. Маар всё чаще выделял из вереницы ассару, её проклятое волнение и мука от трудного пути били хлыстами по спине. Маар поставил защиту, чтобы Истана не отвлекала его, но всё равно взгляд его возвращался к девичьей фигурке, что устало покачивалась на лошади.

Когда начало темнеть, на землю хлынул снегопад. Он бил колючей крупой, сбивая с шага коней, вынуждая воинов уклоняться от тугих порывов. Маар подстегнул скакуна, поравнявшись с лошадью девушки. Истана сваливалась бы с неё, если бы он не подставил руки. Страж пересадила девушку к себе, укрыв продрогшее до костей тело ассáру своим плащом, приказывая исгáру пылать жарче. И поздно понял, что её близость стала для него настоящей пыткой. Чувствовать прижавшийся к груди тонкий стан, её округлости ниже поясницы, в которые всю дорогу упирался его возбуждённый член, было невыносимо. Проклятая ассáру воспользовалась своей слабостью, чтобы в конец довести его. Вскоре Истана в его жарких объятиях разомлела, Маар заставил её отключиться. Она, откинув голову ему на грудь, уснула, но это нисколько не принесло ему облегчения.

К ночи буря усилилась, но за плотной пеленой показались долгожданные огни.

Хозяин гостиного двора небольшого городка Артмаус хмуρο окинул взглядом прибывший отряд воинов во главе со стражем и незамедлительно принял путников. Ассáру проснулась, когда Маар спешил вместе с ней с жеребца. Она встrepенулась, поморгала ресницами, озираясь по сторонам, не понимая, куда она попала и где находится. Маар посмотрел на её раздумянившееся от жара его тела сонное лицо и понял, что сегодня ему не уснуть. Его это страшно возбуждало и злило, он не переставал хотеть её, вожделение росло в нём с каждым ударом сердца, хотя Маар считал, что его у него нет.

Истана отстранилась, предпочитая передвигаться самостоятельно.

Девчонку Маар сразу устроил в одной из комнат в верхнем ярусе, хорошо заплатив корчмарю, чтобы тот позаботился об Истане как следует. После долгой скачки она передвигалась тяжело, и Маар чувствовал её муку.

Людей в зале помимо воинов стража было полно, метель всех загнала под крышу, вынуждая коротать ночь в тепле. Маар ловил косые взгляды, обращённые на пришлых, заметно стало тише. Ремарт выпил не одну кружку эля, что горячил и сильно горчил на языке. Он хотел отвлечься, забыться и не думать о своей находке, но хмель не брал его, и мысли вновь и вновь отбрасывали мужчину к ней, как бы он ни боролся, вынуждая его всего гореть от желания, такого, что кровь густела в жилах. Сегодня девчонка умудрилась изрядно позлить его, ей почти удалось вывести его из себя.

Маар сжимал кулаки, едва удерживая себя на месте, чтобы не

подняться к ней и вновь не ощутить под ладонями шёлковую кожу, гладкость волос и запах, что источали её соски и лоно. Он слышал разговор Доната и Шеда — двух стражей, с которыми король отправил Маара. Это были лучшее воины владыки. Но с Мааром никто не мог сравниться. Сам король считал, что холоднее крови он не сможет отыскать на своих землях. Исгар с холодной кровью был страшнее смерча. В храме, куда его отдал на воспитание колдун, Маар только укрепил и закалил свой подлинный дух. В нём живёт чёрный огонь, способный выжечь любого.

Маар вспомнил мать, ведьму с такими же тёмными, как у него, глазами, но ласковой улыбкой и нежными руками. Когда-то давно ходил слух, что она родила Маара от тёмного духа, демона. Злые разговоры не привели ни к чему хорошему. Маленький Маар помнил отчётливо своё детство, помнил, как однажды зимним утром матушку втайне увели люди в чёрном — каратели и палачи. Он проследил за ними. Они отвели её в лес, сложили костёр, привязав женщину к дереву, но не стали поджигать сразу, а разорвав её одежду, насильовали по очереди, один за другим, все пятеро. Она молчала, наверное, знала, что Маар всё видит и слышит, чувствовала это. Мать могла его видеть без глаз, она всегда находила его, когда он прятался от неё, играя, и когда палачи терзали её тело, она сжимала зубы и связанные кулаки, не выпуская и звука. Но, когда вспыхнул огонь, Маар услышал её крик, разрывающий на куски сердце, разливающийся ядом по замёрзшему дрожащему телу, отравляющий и причиняющий невыносимую боль. Маар испытывал и её боль — она была куда сильнее его, он едва не умер от неё, потеряв дыхание. Он закрывал уши, зажмуривался и прижимался спиной к дереву, не чувствовал стука своего сердца, порываясь броситься к ней, но она запрещала. Она отдала все силы, чтобы удержать его, знала, что он не может ничего сделать, ребёнок не справился бы с теми вооружёнными палачами.

Маар тогда едва не замёрз в лесу, не в силах пошевелиться сидел в снегу, запах палёной кожи и гари выедал глаза и горло, он дрожал и не ощущал ног и рук. А потом, когда стемнело, мелькнул в ночи огонь, Маар его скорее почувствовал. Он разлепил застывшие от слёз ресницы и увидел полы серого плаща и палку. Чьи-то руки подхватили его и унесли от места казни, где так жестоко расправились с его матерью.

Мальчик не разговаривал целый год и просыпался в холодном поту и в немом крике по ночам. Колдун обходился с ним хорошо, он заботился о нём, как о своём сыне — наверное, колдун думал, что тот не выживет, но изо всех сил старался, чтобы худшего не случилось. А после в Мааре что-то надломилось, он ярко помнил этот миг, миг, когда в нём проснулся дар...

— Тебе нужно уметь владеть им, — говорил старик. — Я не могу тебя этому научить.

В его серых глазах, оплетённых паутиной морщин, разливались сожаление и горечь. Маар не понимал, о чём тот думает, что породило эту боль в его глазах. Он не хотел сам её испытывать и выжигал внутри себя. У старика это вызывало тревогу, он запретил ему так делать, но именно в тот миг наставник потерял надежду, которая теплилась в нём весь год, пока Маар жил у него.

Потом в какой-то день колдун молча собрал его и отвёл в храм. Пекло, откуда выходят воины с потерянной душой, с прахом собственного сердца в ладонях. Прах этот с годами превратился в меч, он стал его сердцем, способным карать или миловать. Меч в его руках. Но милости Маар не знает, только справедливость — истинную благодетель. На зло отвечать злом.

Минуло много лет выживания в храме, когда к нему явился король и забрал юношу, сделав его стражем, дав титул и звание. А после Маар узнал о смерти своего старшего брата... Узнал, что его убила ассáру... Она просто вонзила ему нож в сердце после ночи соития, беспощадно и кровожадно.

Ассáру лишённые сердца, им нельзя верить. Стоит отвернуться, они вонзят нож в спину.

— Что ты собираешься с ней делать? — разорвал тяжёлые мысли стража Шед, отпивая из кружки эль.

Маар стиснул кулаки, чувствуя надсадную давящую боль — старые раны открылись, а ведь он залечивал их много лет. Страж остро пожалел о том, что, когда нашёл Истану там, в ледяных горах, не сделал с ней того же, что сделала другая с его братом. Почему он остановился? Она будто ослепила его. Коварным ассáру под силу усыплять ум мужчин.

— Поедет с нами в Ортмор, — ответил Маар.

Когда прибудет на место, он решит, что с ней сделает. Если, конечно, не прибьёт её в пути.

Шед покачал головой, соглашаясь, но ему не понравилась эта затея, он бы тоже предпочёл, чтобы ассáру была мертва — они приносят только беды.

Маар разжал пальцы, до этого сжимающие нож, когда женские пальчики прошли по плечам.

— Мениэр напряжён, — обжёт ухо приятный, чуть хриловатый голос.

Маар глянул на Доната, которого ласкала в углу, обхаживала одна из шлюх гостиного двора. Шед усмехнулся, поднялся, направляясь к стойке, за

которой суетились прислужницы и сам хозяин двора. Сегодня у него будет бессонная ночь — полно народу, и всем нужно угодить.

— Я помогу тебе расслабиться, — шептала незнакомка, лаская шею стража, опуская руки на грудь.

Маар и в самом деле был напряжён, слишком, даже порождения не измотали его, как эта девчонка Истана, до звона в голове, до ломоты в висках. Внутри тлело одно желание — убить ассáру прямо сейчас, отомстить за смерть брата, пусть даже убийцей была не она, но так он сможет воздать этим бездушным сукам по заслугам. Маар вспомнил её льдистые, несовместимые с жизнью глаза, их пустоту. Исгар в нём начал пробуждаться слишком стремительно, запылал, обжигая внутренности. Маар схватил девушку, что ластилась, как текущая кошка, позади, посадил на колени, смял её грудь.

— Как тебя зовут? — прохрипел в налитые вишнёвым соком губы, чувственные и умелые. Эти губы могут доставить ему удовольствие.

Девушка была совсем молоденькой, но уже пропитанной запахом продажности. Она слегка удивилась его вопросу, но ответила:

— Эллара.

Маар усмехнулся, сильнее сжимая и сводя её полные груди с точащими через тонкую ткань платья сосками. Эллара — красивое имя для потаскухи. Девица с зелёными глазами, замутнёнными элем и жаждой наживы, похотливо смотрела из-под ресниц. Она призывно выгнулась, поёрзав на его члене, потянулась к его губам. Маар резко сжал её челюсти, и губы её раскрылись. Он оглядел её, продирая жгучим гневным взглядом, ощущая телом её жар, желание. Кажется, эта грубость её возбуждает, и ей не терпится поскорее раздвинуть ноги и ощутить его внутри себя. Маар не целует шлюх, он их трахает жёстко и больно, но молодая служанка корчмаря ещё об этом не знает, не знает, на кого она осмелилась покуситься.

Маар не помнил, как сгрёб её в охапку, обезумев от вожделения, добрался до своей комнаты, опрокинул Эллару на постель. Сорвал с себя ножны, всю верхнюю одежду, оставшись нагим. Довольное лицо девицы изменилось, когда её восхищённый взгляд скользнул вниз живота мужчины. Она судорожно сглотнула, облизав губы, и коротко улыбнулась, задирая подол своего платья. Раздвинув ноги, легла на спину, но Маар хотел не так.

Он подступил, схватил её за щиколотки, грубо дёрнул девушку к себе, опрокидывая её на живот, скомкал платье в кулаки и разорвал на части, распаковав её тело, молодое, гибкое, сочное, с аппетитными округлостями ниже поясицы. Он лёг на неё сверху, придавливая весом своего тела,

потёрся сочащийся головкой о её ягодицы. Эллару затрясло в нестерпимом предвкушении, её дыхание сбилось, сердце застучало быстрее, а по телу поползли мурашки. Маар раздвинул своим коленом её ноги и ворвался во влажное ещё нежное лоно. Девушка всхлипнула, схватилась за постель, вжимаясь в неё от жёсткого сухого напора исгара. Она пустила его не до конца, не ожидала, её опытности ещё не хватало, чтобы принять любого мужчину. Маар немного облегчил ей задачу, поставил её на четвереньки, положив ладонь на поясницу, протиснул между округлостей большой палец, погружая его в узкое кольцо. Оно туго обхватило его фалангу, и одновременно он проник членом глубже в лоно, заскользил, сначала размашисто и размеренно, потом рвано и резко, до упора, погружая в растянувшуюся дырочку и второй палец.

— Мениэр... Ах... — взметнула она тёмными локонами, прогибаясь под ним, как ивовый прут, разбрасывая по спине пряди.

Маар свободной рукой намотал их на кулак, потянул на себя. Вспомнил белое золото волос ассару и представил, как станет так же наматывать её волосы на ладонь, пропускать их через пальцы и брать её неистово и больно. Страж только разозлился от этой мысли, в нём по мере нарастания жёстких толчков разжигалась сила исгара, что делало его почти беспощадным и одержимым, безумно голодным. Избавив служанку от мучительного плена, он обхватил её за тонкую талию с мягким животиком, грубо дёрнул, насаживая на пульсирующий член нежное тело, пока спина и ягодицы девушки не покрылись испариной, вздрагивая, ударяясь о его пах, прилипая. Эллара кричала, металась под ним, прогибаясь и извиваясь, как зажатая рогатиной гадюка, она испытывала и боль, и дикое безумное наслаждение, что полосовало её плетью снаружи и изнутри, ей никогда не было так страшно и упоительно-сладко одновременно, её никогда так дерзко не брал мужчина, даже самый пылкий любовник. Маар брал её, брал и не мог никак насытиться, ощущая, как всё тело тяжелеет, дыхание учащается, а внутри скручивается раскалёнными прутьями похоть. Он взрывался, кусая её соски до ссадин, раздвигая шире бёдра, терзая членом лоно, заполняя до предела, вливая своё семя. Эллара измоталась. В перерывах, когда Маар позволял ей перевести дух, она пила эль и вздрагивала, убирая с лица мокрые завитки, но снова возвращалась — ненасытная шлюшка.

Так продолжалось до самой глубокой ночи. Маару хотелось продолжения, он почти начал забываться, но Эллара уже не могла убажывать его. Она совершенно пьяная лежала рядом, во сне сжимая колени, между бёдер которых кровоточило. Маар поморщился. В следующий раз будет

осторожнее со своим выбором. Страж поднялся, оделся и покинул комнату, пропитанную запахом крепкого хмеля, крови и его семени.

Глава 5

Моё тело изнывало от боли, я не могла даже пошевелиться. Вчерашняя поездка верхом была сущим кошмаром. Мало того, что справиться с лошадьёю не так-то просто оказалось, так ещё сильно натёрла между бёдер седлом. Болела каждая косточка, каждая мышца. А когда я открыла поутру глаза и обнаружила себя в чужой комнате, с чужими вещами, в чужом мире и в чужом теле, всё сразу померкло в душе. На меня нахлынул приступ паники и отчаяния, вот так внезапно и с размаху, это уже не было чьей-то злой шуткой, это была ощутимая, суровая жизнь, и впервые по-настоящему меня напугало то, что я застряла здесь навсегда. Я укуталась в одеяло, вдыхая холодный воздух — никакого обогрева здесь в помине не было. Дикие места.

Я вздрогнула, а сердце с бешеной скоростью заклокотало в груди, когда в дверь робко постучали, выводя меня из уныния. Кого принесло ещё? Дверь была не заперта, я вспомнила, как без чувств упала вчера на постель, забыв даже запереться, а ведь мог зайти кто угодно!

— Позвольте войти, — послышался глухой девичий голос, и от сердца отлегло.

— Входи, — бросила я, вновь укутываясь в одеяло, холод уже начал пробираться к коже, неприятно скользя по телу.

Створка скрипнула, в комнату вошла белолицая брюнетка в коричневом опрятном платье, подвязанном передником в полосочку. В руках она держала железный чугун. Прошла вперёд и поставила посудину рядом с кроватью, внутри оказались горящие угли. Я поморщилась: это, конечно, не спасёт, но хоть какой-то душок тепла грел помалу воздух вокруг меня.

— А мениэр? — спросила я, выглядывая из-под одеяла и едва ли не стелая от представления, что нужно будет выбираться на мороз снова.

— Они внизу, — надев перчатку и взяв железный прут, служанка сноровисто поворошила угли.

Значит уже поднялись. Я откинулась на постель, поморщившись от прострелившей боли в пояснице, а от мысли о том, что мне вновь нужно будет подниматься в седло, проступили слёзы.

«Так, Снежа, прекрати! — одёрнула себя. Никакой жалости к себе, никакой слабину, иначе мне просто не выжить. — Тут... — я тоскливо оглядела низкий, почерневший от копоти потолок, — ...видимо, выживают

сильнейшие».

— Мениэр велел вам помочь одеться, — пролепетала служанка, почти не поднимая на меня глаз, и направилась к лавке, где лежали вещи, которые собрала мне в дорогу Лаура.

Маар... Мой главный кошмар — человек, который хотел меня добить, едва только увидев. Он, похоже, вчера на меня страшно разозлился. Я вспомнила, как мне пришлось прижиматься к его каменному торсу, и как кружилась моя голова, когда я ощущала перекаты тугих мышц его рук и груди. Едва в обморок не свалилась. Его бешенная сила, она меня как будто в узлы скручивала, даже в глазах темнело. В конце концов, я всё же провалилась в небытие.

Как бы меня ни страшил ван Ремарт, а без него мне явно будет туго. И потому из двух зол выберу меньшее, до поры лучше терпеть его грубость, чем, оказавшись на улице, околеть где-нибудь в сугробе или, что ещё страшнее, быть съеденной теми тварями, хоть я их и не видела в глаза.

«За что мне это всё?» — выдохнула тяжело, прикрыв ресницы, и тут же вновь одёрнула себя, успокаиваясь — ни к чему лишние стенания.

Служанка уже вытащила подходящие платья. Я с горем пополам села в постели, собрала волосы, перекинув через плечо — они у меня оказались до самой попы, такие густые и гладкие, их не хотелось выпускать из рук, только гладить, пропускать через пальцы. Даже не верилось, что эта шикарная красота — моё достоинство. Любопытство вспыхнуло во мне, как пёрышко от огонька, ведь я себя так и не видела! Тело моё под тонкой сорочкой было таким же идеальным, как и волосы, ни грамма лишнего веса: тонкие кисти, узкие щиколотки, и стопы такие маленькие, как у девочки, с крохотными розовыми пальчиками, точно у куклы. Грудь тоже небольшая, от силы второго размера. Я провела пальцами по лицу, очертив скулы и подбородок, ощущая гладкость кожи, провела по носу — ровный, прямой, губы мягкие, чуть пухлые. Служанка как-то странно на меня посмотрела, и я тут же одёрнула руку, прекратив себя исследовать.

Быть может, на мне какая-нибудь уродливая метка? Почему те воины так глазели на меня?

— Как я выгляжу? — спросила у девушки.

Девушка, чего я не ожидала, растерянно уронила взгляд.

— Вы очень красивы... — коротко, стараясь быть вежливой, улыбнулась она и тут же поникла, взгляд потух.

Девушка отвернулась и принялась торопливо складывать вещи обратно в мешок. Что её так расстроило? Впрочем, я передумала пытаться её, дабы уж совсем не казаться странной. Откинула одеяло, сцепив зубы от

нахлынувшего холода, зябко потеснилась к углям.

— Мне бы зеркало... — проговорила я, покосившись хитро на служанку, хотя прекрасно помнила, что такая вещь здесь редкость.

Девушка расправила плечи, глаза её вдруг забежали тревожно. Она мельком глянула на дверь, облизала пересохшие губы. Было видно, как она взволновалась ни с того ни с сего, а потом, решившись, сунула руку в складки платья, вынимая что-то круглое. Вот это да! Откуда? Я оглядела её более внимательно и с некоторым удивлением: молодая, опрятная, с румянцем на щеках и... всё сразу сложилось — служанка постоянного двора может подрабатывать не только подавая гостям и убираясь. Или она выкрала у богатых заезжих? Хоть думать о том было неприятно, я её не осуждала, даже понимала в какой-то степени.

Девушка прошла к кровати. Твёрдо посмотрев на меня, протянула в деревянной резной оправе зеркало. Небольшое, в ладонь умещается, но этого было достаточно — хоть одним глазком взглянуть на себя. Я подняла его перед собой: вспыхнули белые кудри и бледное уж слишком лицо, совершенно чужое, с голубыми озёрами глаз, но даже рассмотреть ничего не успела. Что-то больно и неожиданно ударило меня по рукам, выбивая из пальцев зеркало. Маар резко подобрал его с постели, стиснул в кулаке, раздавив, одновременно он выпростал руку в сторону. Что-то сверкнуло хищно в воздухе — страж занёс нож, воткнув в ухо девушки лезвие. Послышался мерзкий хруст. Служанка тут же обмякла, её удивлённый взгляд, направленный в пространство, застыл и мгновенно поблек, а из края рта потекла струйка алой крови. Девушка, покачнувшись, когда Маар убрал руку, и, опрокинув скамью, с грохотом упала на пол. Тёмное пятно стремительно расползлось вокруг её тела.

Кажется, я открыла рот, чтобы закричать, но из горла не вырвалось ни звука. Сердце сжалось в узел, дёргаясь судорожно и больно.

«Он убил!» — всплеснул внутри ледяной волной ужас от осознания того, что только что произошло. Просто вонзил нож, прирезав, как какого-то зверька. Я перевела ошеломлённый взгляд на возвышающегося надо мной мужчину — убийцу. На каменном лице ни единой эмоции. Чудовище. Он и в самом деле был таким. Вся оболочка, в которую я успела его обличить, опала, словно змеиная кожа. Эти нечеловеческие всполохи в глазах, вязкая чернота узких зрачков — взгляд зверя, нет, даже хуже. Он — исчадие Пекла. В ушах звенело, моё тело отказалось мне подчиняться, я хотела рвануться и бежать прочь, но лишь молча наблюдала, как Маар подобрал осколок и подступил ко мне. С головы до ног меня обдало жаром, обожгло, как будто раскалённой лавой. Я почти чувствовала, как

покрывается волдырями кожа и начинает оползать, но это мне только казалось. Страж сомкнул пальцы на моей шее и сдёрнул меня с кровати так, что моя голова едва не оторвалась. Я отчаянно вцепилась ногтями ему в руку и отбивалась, как могла, скользя ступнями по постели, хотя глупо было противиться. Маар пожирал меня разъярённым взглядом, въедаясь в самую душу, но я его почти не видела — застилала глаза пелена, кажется, я плакала. Он поднёс осколок к моему лицу и медленно провёл по щеке.

— Я запрещаю тебе в него смотреть, слышишь? — проговорил он спокойно, будто не убил только что, и сжал мне шею туже. — Иначе... — он вдавил осколок в кожу, — ... иначе мне придётся вырезать из тебя это желание.

Я поняла, что задыхаюсь от его хватки и слёз, от того, что сердце едва не разрывается от напора. Маар сжал губы, пронизывая меня лютым взглядом, а потом швырнул обратно на постель, как тряпичную куклу. Я накрыла голову руками, ожидая удара, но ничего не последовало.

Послышались и заглохли шаги, Маар задержался рядом с недвижимым телом девушки.

— Одевайся, нам пора выезжать, — бросил мне страж так же спокойно и бесцветно.

Дверь скрипнула — он вышел.

Я лежала и не шевелилась, меня забил озноб, лютый, холодный. Я коснулась дрожащими похолодевшими пальцами щеки и поморщилась — жжение полоснуло лицо. Запах крови жёг ноздри, и першило в горле, тошнота подкатила к самой глотке, я задохнулась, подавляя рвотный позыв.

Всё по моей вине. Зачем я спросила об этом проклятом зеркале?! За что он так?! Что сделала плохого эта несчастная?!

Я втянула в грудь больше воздуха, убирая с лица налипшие пряди, бросилась подбирать с постели осколки, все до одного. И сама не понимаю, что делаю, но мне стало теперь необходимо посмотреть в него, и пусть он катится к чёрту, проклятый исгар!

Замотала в платок остатки зеркала и, стараясь не смотреть на труп, быстро оделась. Взяв вещи, перебарывая тошноту, обошла недвижимое тело, лежащее в луже крови, и вылетела из комнаты. Когда я спустилась вниз, в этот пропитанный запахами кислой браги и снеди зал, Маар, кажется, остался доволен тем, что я собралась быстро. Только пошёл он к чёрту, мне его довольство не нужно.

Подниматься в седло было для меня мукой. Унылый серый двор и тяжёлое хмурое небо, исторгающее редкие белые хлопья, давили и навевали хандру. И снова дорога, почти без остановок, я затылком ощущала

горячий, словно раскалённое жерло, взгляд стража, ловила потемневшие взгляды и его воинов. Они мне были не рады, и я догадывалась, что у них на уме, думать о том было скверно. Казалось, стоит Маару отвернуться, как меня тут же привяжут к первому дереву и выстроятся в ряд — такое вожделение крылось в каждом. Теперь я догадывалась об истинной причине их похоти, и заключалась она именно в моей сущности и природе. В потрясении от всего случившегося я забыла спрятать волосы и сейчас закуталась в плащ, надвинув на глаза капюшон, да только было уже поздно.

На этот раз дорога вывела в чащобу. Исполинские деревья неведомой мне породы мелькали по обеим сторонам, они скрипели от мороза и стонали, словно призывая на помощь. Здесь явно обитают опасные звери, наверняка огромные, в два человеческих роста: медведи, сохатые, секачи.

Сколько дней мы ещё будем в пути? Как долго до Ортмора, о котором упоминали в разговорах люди стражей? Я прислушивалась к каждым переговорам, пытаюсь выведать для себя всё, что могло бы стать мне полезным. Но, в основном, воины говорили о тех тварях и о каких-то разрывах. А потом я перестала вслушиваться, когда снова натёрла между ног по старым ссадинам и только и могла, что кусать губы до крови, грезя встать на ночлег. Благо метели не было.

Я почти была в беспамятстве, когда дорога привела отряд к воротам очередного гостиного двора, на этот раз куда более скромного. Внутренний двор оказался настолько тесным, что едва вместил в себя двадцать всадников. Покачиваясь, я спрыгнула с лошади, не чувствуя опоры под собой. Всё моё тело стало одной пульсирующей болью, даже слёзы проступили.

Замелькали факелы, забегали прислужники, и хозяева двора снова встречали свору мужчин в доспехах хоть и гостеприимно, но с мрачными минами. На этот раз то были муж и жена. От моего внимания не ушло, какие совершенно другие были лица у людей — строгие, суровые. Как я поняла из разговоров, эти земли до самого Излома и даже за его пределами принадлежат королю Ирмусу Нолду Фервейку.

Я оказалась в комнате, напоминающей больше лачужку с оконцем, закупоренным наглухо ставнями, освещённую каким-то подобием керосиновой лампы, правда, что именно используют в качестве горючего, по запаху так и не поняла. Здесь стояла застеленная мягко кровать и одно кресло.

Я устало скинула верхнюю одежду. Когда раздевалась, в комнату мне принесли тёплой воды для умывания и полотенце. Я отослала прислужницу, отказавшись от помощи — хватило мне уже одной.

Распустив волосы, облегчённо выдохнула, дав лёгкость голове. Слыша, как недра высокого дома громыхают мужскими голосами да мебелью, я сняла все верхние платья и, оставшись в сорочке, умылась, намочив полотенце, осторожно протёрла внутреннюю сторону бёдер, где щипало нестерпимо. Прохладная вода принесла облегчение. Потом достала из складок одежды свёрток, да охнула, порезав палец, и едва не вскрикнула, когда тут же послышались за дверью тяжёлые шаги. Оставив тайник, я кинулась к двери, хотя точно помнила, что защёлкивала задвижку, но было уже поздно — в комнату вошёл Маар.

Его горящий тягучий взгляд упал мне на плечи густой смолой. От него пахло спиртным. Я попятилась. Страж по-хозяйски прошёл к креслу, опустился в него, вальяжно вытянув длинные ноги. Комната сразу стала неимоверно тесной. Моё дыхание сбилось, а мысли бешено заметались, когда его узкие хищные крылья носа вздрогнули.

— Подойди, — велел он.

Я не стала испытывать его терпение, приблизилась на подгибающихся ногах. Он взял мою руку, глянул на кровоточащий большой палец и поднёс его к губам, горячий, влажный язык прошёлся по пальцу, слизал кровь. Я прикрыла ресницы, судорожно втянув в себя воздух. Не то чтобы мне это было неприятно, мне стало страшно, что он поймёт, откуда у меня этот порез. Но Маар на том не остановился, сунул палец в рот, чуть втянув в себя. Вся кровь прихлынула к низу живота от этого простого, но слишком интимного жеста.

— Тебе нравится? — прошептал глухо он.

— Нет.

— Лжёшь, маленькая ассáру. Я чувствую твоё желание.

Он снова втянул мой палец, чуть посасывая, вытолкнул его языком, когда я качнулась. Проклятый демон!

— Иди ко мне, — он притянул меня ближе, поставив на колени рядом, и вопреки моим ожиданиям расправил штаны.

Я дёрнулась, распознавая его замысел, но он не позволил.

— Прикоснись ко мне, — потребовал он чуть севшим голосом, полным едва сдерживаемого желания.

— Нет.

Он схватил мою руку и положил на своё пах. Твёрдый, огромный, дико напряжённый, горячий член был в тесном плену кожаных штанов.

Страж качнул тазом, ударяясь набухшим членом о мою ладонь.

— Высвободи.

Я посмотрела на него, испытывая страх, мой мозг не воспринимал его

команды. Из-под каймы тёмных с выгоревшими от солнца кончиками ресниц смотрели ядовито-чёрные глаза — глаза аспида с узким зрачками. Его брови хмуро сведены, челюсти плотно сжаты. Без доспехов исгáр выглядел молодым волком, двадцати восьми лет, не больше, сильный самец с идеально сложенным телом, созданным для войны. Убийца хочет, чтобы я его трогала. Протест обжéг изнутри ядом, только выбора у меня не было никакого, я могла в любой миг оказаться мишенью для его ножа.

— Не вынуждай меня наказывать тебя, ассáру, расправь штаны, — спокойно потребовал, но в этом спокойствии таилась угроза. — Ты меня возбуждаешь весь день, и я хочу тебя. Ты такая горячая, такая мягкая, податливая.

Я сглотнула, опуская взгляд на его пояс.

— Ну же.

Я придвинулась и принялась расстёгивать кожаный ремень, стараясь думать холодно и рационально. Если бы он хотел меня насиловать, он бы непременно это сделал раньше, я для чего-то нужна ему — это было понятно отчётливо. Так пусть получит своё и проваливает. Наконец я справилась с одеждой. В ореоле тёмных жёстких завитков волос плоть выпросталась наружу, и мне стоило больших усилий, чтобы сохранять спокойствие, хоть к лицу, казалось, вся кровь прильнула. Вид его меня напугал: упругий, твёрдый, гладкий, с налившейся кровью головкой. Мне и раньше доводилось лицезреть подобное, но размеры его были впечатляющими.

— Сожми, — озвучил Маар следующий приказ.

Я сглотнула и подчинилась, обхватив, но пальцы мои так и не смкнулись. Орган в моей руке вздрогнул, будто живое, отдельное от тела исгáра существо.

— Оближи.

— Что?

— Ты слышала, ассáру, оближи, как это сделал я с твоим пальцем. Не доводи меня до крайности, тебе лучше поторопиться, иначе я причиню тебе боль.

Воздух в груди стал таким горячим, что я задыхалась. Под замутнённым вождедением взглядом стража я прикрыла ресницы и, задерживая дыхание, сделала так, как он велел — провела языком по стволу к головке. Моё лицо воспламенилось от жгучего стыда.

— Умница. Твой язычок такой нежный, сладкий. Я хочу ещё, оближи и захвати его губами.

«Ну, уж нет!»

Я отпрянула, и вдруг в глазах резко потемнело, гортань мгновенно ссохлась и будто слиплась, как жабры выброшенной на берег рыбы. Сжавшись, я хватала ртом воздух, понимая, как разрастается и ширится боль в груди, осыпаясь пеплом.

— Тебе лучше подчиняться мне, ассáру, — равнодушно, видя, как я краснею от нехватки воздуха, проговорил Маар.

Хватка ослабла, и я судорожно глотнула воздух и закашлялась, подавившись.

— Выполний то, что я тебе велел, иначе я продолжу мучить тебя.

Отдышавшись, я взяла его член в кольцо пальцев, провела языком к самому навершию и обхватила губами сочащуюся смазкой головку, ощущая на языке солёно-горький вкус. В этот миг он приподнял бёдра, проталкивая член глубже мне в рот. Я среагировала моментально, вытолкнув его изо рта языком, и сжалась в ожидании его кары.

— Хорошо... — лишь протянул он, понижая голос до хрипоты. — Теперь ещё раз. Ротик ассару ещё девственен, — мерзкая ухмылка искривила его сухие красивые губы, с которых срывалось горячее дыхание.

Тёмные пряди волос упали на его лицо, делая чёрные провалы глаз ещё глубже, а на дне их тлел демонический огонь. Теперь я не сомневалась в том, что передо мной сидел, расставив широко ноги, демон во плоти. Свет от лампы выхватывал его ствол, оплетённый венами, с красной крупной головкой. Он взял мою руку, принудив обхватить его плотно, заскользил сначала медленно и размеренно, потом резче, дёргая мою руку вверх-вниз, подбрасывая узкие бёдра, врываясь в кольцо пальцев бурно, неистово и порывисто. Старое кресло ходило ходуном от тяжести тела исгáра. Он вцепился в подлокотник, напрягаясь до предела, качая бёдрами, продолжая скользить членом в моей руке, сминая мою грудь, больно щипая и потирая соски через ткань до тех пор, пока его лицо не исказила гримаса боли. Такую пронзительную муку видеть на лице сильного властного мужчины было мне удивительно, и в тоже время волнение залило всю меня, отяжеляя. Я чувствовала его напряжение, оно отдавалось в его член. И то, как мужчина содрогался под моими касаниями, вызывало во мне неведомые доселе ощущения, они щекотали изнутри и скручивали узлами.

В гортани Маара раздался тяжёлый надрывный стон, страж не дал ему выхода, зажав в своей глотке с сухо ходящим под кожей кадыком, сжал с силой зубы. Моего гонителя накрыл ярчайший оргазм, доказательством тому послужило то, как из влажной кроваво-красной головки выплеснулась сперма, обжигая мне руки горячим густым желе, а я в этот миг вошла в какое-то оцепенение, что раскатилось по моим плечам жаром, это не дало

мне тут же одёрнуть руку. По телу Маара пробежала дрожь, он продолжал двигаться по инерции, надсадно и резко, выплёскивая до конца семя мне на кисть, а потом застыл, дыша туго и часто. Я не видела его лица — тёмные пряди упали на глаза и скулы мужчины, скрывая их в тени. Он резко отпрянул от спинки кресла, схватил мою руку, вытер своей рубашкой семя, а потом встал и вышел из комнаты, оставив меня так и сидеть на полу в полном смятении.

Что творилось у меня внутри, трудно было разобраться, но почему-то хотелось напиться — такого отвращения и ненависти к самой себе я ещё не испытывала, рвалось изнутри понимание неправильности, кричало о том, что так не должно быть! Но в тот миг, когда он излился мне в руку, я испытала удовольствие, такое острое, пронзительно-будоражающее, совершенное мне чуждое и новое чувство, вызвавшее тошноту, что хотелось провалиться сквозь землю.

Кровь бешено стучала в висках, язык жёг терпкий вкус его соков, и запах спермы, щекочущий нос, пьянил голову. Я не сразу поняла, что меня трясёт, хочется рыдать. Я встряхнула волосами и тяжело поднялась с пола. Нет, я не сломаюсь, я не доставлю ему такого удовольствия.

Глава 6

Маар, оставив Истану, вернулся к своим людям, но находиться в этой шумной дымной корчме не было никакого желания. Он покинул гостиный двор, даже не одевшись, да ему и не нужна одежда, особенно сейчас, когда исгар в нём бушует и может противостоять холоду, даже самому лютому. Он прыгнул на коня и умчался в лес, подальше от ассáру, этой упрямой девчонки с белым золотом волос и с холодными озёрами глаз.

Он не выдержал, пришёл к ней, он даже не помнил, как оказался возле её порога. Маар безумно хотел её. Весь день он не спускал с Истаны глаз, ловил каждый взгляд своих воинов, обращённый на неё. Внутри его жгла злость и ревность, он бы мог рассмеяться самому себе в лицо из-за того, что демон внутри него ревнует ненавистную ассáру, деву, которая способна убить в нём исгара.

Снег сыпал с чёрного небосвода и таял на коже Маара, делая волосы и рубаху мокрыми, но ткань быстро высыхала на его коже. Тело стража всё ещё вздрагивало от той бурной разрядки, которая окатила его с головы до ног и ослепла вспышкой наслаждения. Розовые мягкие губы Истаны вынуждали его трепетать под их касаниями. Маар пытался выкинуть девушку из головы, он весь день боролся с этим чувством, он вообще не должен ничего испытывать, прочь отвергать любые движения души. Чувства — удел слабаков.

Маар оглядел кроны деревьев, сощутив глаза от надоедливых белых крупинок. Думал и не понимал, зачем держит ассáру живой, почему не убьёт? Почему не прикончил сразу? Это облегчило бы ему переход к крепости. Но он не сделал этого ни тогда, когда держал в пальцах её тонкую шею, ни сейчас, когда кончил ей на руку. Уничтожить ассáру, которая убила его брата жестоко и беспощадно. Она заслуживает смерти. Но запах, что источала кожа Истаны, слаще цветущей липы, он вынуждал забывать обо всём. Её запах будоражил и возбуждал, проникал под самую кожу, дурманил голову и усыплял ум, пробуждая одно лишь желание — взять.

Страж окончательно решил поставить клеймо своей пленнице. Слишком опасным становится его влечение к ней, слишком неконтролируемым, и он рискует сорваться с острия. Правильно сказал Шед — зачем она ему? Зачем он везёт ассáру в крепость? Наверное, он хочет, чтобы она мучилась, он хочет отомстить за смерть брата, чтобы она кричала под ним и стенала, когда он станет насиловать её, чтобы она

испытывала боль. Маар пришёл к ней именно с той целью — подчинить и взять, а в итоге сам пошёл на поводу своего желания. И это страшно злило, внутри рвало всё на части. Маар вспомнил вкус её крови на пальце, солёно-сладкий, пьянящий, наверное, это было ошибкой — испробовать вкус её крови, в этом его ошибка. Но ум будто отключился, когда он увидел капельки крови, чистой, как сок клюквы. Пораненный маленький пальчик этой суки.

Маар сцепил зубы, опустил голову, вглядываясь в черноту леса. Конь под ним беспокойно перебирал копытами, тревожно вскидывал гриву — животное чувствовало угрозу от своего хозяина.

Внутри мужчины билась одна мысль: вернуться и прикончить! Ему попаласть бесстрашная ассару, она даже не пытается убежать, зная, насколько он опасен. Маар думал об этом сегодня, наблюдая за ней. С этой ассару было явно что-то не то. Страж вспомнил, как нашёл её в Сожи, раненную и отравленную ядом. Может, она наложила на себя забвение, потому и не понимает ничего? Страж знал, что эти исчадия Бездны способна на многое, они умеют заковать свою душу в лёд, усыплять, морочить. Что-то не так было с этой маленькой девчонкой. Ведь ни одна ассару не решится посмотреть на себя в зеркало, а эта, видно, решила убить себя? Только зачем, почему именно так? Та служанка, что дала ей зеркало, хотела ей зла, позавидовав красоте ассару — она желала ей смерти, дав это проклятый осколок. Маар стиснул челюсти. Нужно было позволить ей умереть, это бы избавило его от муки. Но вместо этого он убил служанку, не раздумывая, мгновенно.

Глупая, отважная ассару...

Маар хмыкнул, тряхнув влажными волосами, что налипли на скулы и шею, поддел пятками скакуна, пуская его в ночной лес. Демону нужна темнота.

Маар вернулся под утро, сменил одежду и присоединился к своим воинам, велел служанке, чтобы та сказала Истане спускаться. За ночь Маару удалось избавиться от горячивших тело мыслей о девушке, он даже встретил её равнодушным взглядом, когда она спустилась во двор. На этот раз он держался от неё далеко и не смотрел в её сторону, хотя её растерянность и, что неожиданно, стыд подлили масла в огонь. После того, как она попробовала на вкус его член, Истана испытывала стыд. Не ненависть и злость, а простую застенчивость. Это его позабавило. А может, она лжёт? Хитрая дрянь хочет усыпить его бдительность? Но что скверно, Маару вновь захотелось ощутить её губы на своей плоти. Он хотел кончить

не на руку ассáру, а на её нежный влажный язык, ему хотелось, чтобы она глотала его семя и испытывала такой же стыд и наслаждение, пусть даже она бы соврала ему...

В этот день Маар не следил за мной, по крайней мере, не так пристально. Я ещё вздрагивала от воспоминаний о том, что произошло вчера. Я никогда не делала этого, и то, что смогла, выворачивало меня наизнанку. С исгáром шутки плохи, в нём и в самом деле было что-то демоническое, я убедилась в этом окончательно, когда он испытал на мне свои силы. Только непонятно, почему он меня так ненавидит, что я сделала?

Местность, через которую мы двигались, изредка вставая на привал, не менялась. Снежные скалы, буро-коричневое кружево леса, оплетающего их, просто будоражило моё воображение. Мы останавливались в низинах гор, у озер с кристально чистой водой. Они были неглубокими, часто виднелось каменистое дно. Некоторые были покрыты льдом, иных лёд не коснулся, возле таких озёр воины и делали привал. Из мужчин ни один ко мне не приближался — быть может, приказ стража, а может, они так же, как и исгáр, ненавидели меня. Порой я даже не могла отличить в их взглядах ненависть от похоти, хотя, наверное, они вмещали в себе и то, и другое. И только Донат как-то подбадривал меня, старался находиться рядом, но, когда я случайно напарывалась на взгляд Маара, я кожей чувствовала, что мне не сойдёт это с рук, поэтому Доната я тоже сторонилась.

В одиночестве я опустилась у кромки воды, чтобы напиться и наполнить бурдюк — кажется, к такому виду путешествия я начала привыкать, будто бы всегда жила в таком ритме и в такой среде. Да, чувство, что мне всё это знакомо, всё больше пускало вглубь корни. Я старалась не думать о доме, мысли о нём меня расстраивали, и хотелось плакать, но плакать мне нельзя, нельзя показывать свою слабость перед ними, перед этими волками. Я это тоже подсознательно знала. В глади воды я пыталась рассмотреть себя, но то, что видела, не утолило моего любопытства, и я вздрагивала, когда со спины подходил Маар, шурша сапогами по обмёрзшему щебню. Ему категорически не нравилось, что я пытаюсь рассмотреть себя. А потому я решила при первом удобном случае собрать осколки зеркала и понять, наконец, в чём загвоздка.

К вечеру отряд воинов въехал в небольшое селение, от силы в пятнадцать дворов. В темноте было не разобрать, что из себя представляет

деревня. С первого взгляда обычная, с деревянными домами, наверное, потому что дерево добывалось легче, чем камень в такой-то лютень. Гостиных дворов здесь, конечно, не было, но местный староста, мужчина тридцати пяти лет, услужливо предложил Маару ночевать в его доме, собрав всю семью из троих дочерей и жены в охапку и покинув дом. Жена старосты настолько была испугана и взволнована появлением свиты короля, что даже парилку истопила.

Обмыться после двухдневного перехода я только мечтала, но меня останавливал он, Маар. И вовсе не зря, мои опасения подтвердились, когда я, сидя в густом пару, вылила на себя первую кадку горячей воды. Едва успев натереться мылом, выронила его из рук — в парилку, пригибаясь под низкой притолокой, вошёл Маар. Совершенно голый. Старшая дочь, что вызвалась помочь мне обмыться, охнула, прикрыв свою наготу руками, но, разглядев в тусклом свете лампы голого исгара, безвольно повесила руки, как канаты, вдоль тела. А посмотреть, конечно, было на что. Если вчера я лицезрела только определённую часть его тела, то сейчас Маар предстал глазам таким, каким создала его природа. Совершенным, даже слишком. Просто невозможно иметь такое тело с такой чёрной, как и глаза Маара, душой. Сильная шея, литые плечи, мощная грудь, рельефный торс, по низу живота стекает полоска тёмных волос, густеет в паху, обрамляя гладкую плоть с бронзовой кожей. Он полустоял, но даже в таком состоянии вызвал спазм в моём горле. Маар скользнул по мне взглядом, и член начал увеличиваться.

Девушка кинулась к чугуну, наливая в ещё одно ведро горячей воды, а я так и осталась сидеть на мокрой лавке не в силах шелохнуться. Маар не стал приближаться, позволив мне выдохнуть. Он схватил старшую дочь старосты и притиснул девушку спиной к своему мощному телу, сжав её шею, скользнул рукой по груди с напрягшимся до состояния вишнёвой косточки соском. Ладонь его опустилась в низ живота пленницы, Страж раздвинул бедолаге ноги.

Глава 7

Девушка задохнулась, она раскрыла губы, глотая воздух, как рыба на берегу, когда страж протолкнул пальцы в её лоно. Я смотрела на это всё и не могла оторвать взгляд, видя, как девушка охотно нанизывается на его пальцы всё резче и быстрее, попутно испытав верно уже несколько оргазмов к ряду, а тем временем страж не спускал с меня пристального потемневшего взгляда.

— Тебе нравится смотреть на это, ассáру? Да, тебе нравится. Маленькая похотливая лгунья испытывает возбуждение, я слышу его запах.

Он был прав, внутри меня скручивалась тугая петля, когда девушка начала стонать и биться в конвульсиях, когда его пальцы таранили плоть девушки. Сумасшедший, просто псих, зачем он это делает? Я невольно опустила глаза, но это была моей ошибкой, огонь ударил мне в грудь, подступил к горлу, вынуждая смотреть.

— Тебе понравилось, как на тебя смотрит Донат? Ты его хочешь? Я могу приказать, и он возьмёт тебя здесь. Но потом я убью вас обоих.

Что?! Я задохнулась, замотала головой, и огонь внутри меня занялся ещё сильнее. Маар выпустил девушку, а я невольно забилась к самой стене. Но страж не был намерен меня трогать, он прогнул часто дышавшую в исступлении дочь старосты, обхватил за талию, толкнулся в неё, плавно и с напором качнув тазом. Девушка охнула:

— Мениэр...

Маар задвигался в ней, совершая жёсткие толчки, так, что его пленница не могла больше говорить, задыхаясь, извиваясь в его руках, прогибая поясницу. Мокрые длинные волосы налипли на её лицо, она вскрикивала, наверное, ей было больно. Лицо исгáра оставалось совершенно непроницаемым, он насаживал девушку на себя, смотря на меня.

— Я хочу, чтобы ты себя ласкала, — вдруг сказал он.

Ну, уж нет! Я сжала колени, подбирая их под себя.

— Делай, что говорю, или на её месте окажешься ты, ассáру.

Я облизала пересохшие губы, всё моё нутро противилось тому. Я сидела неподвижно, когда вдруг боль обожгла меня изнутри, вынуждая прогнуться и вскрикнуть, но я только плотно сжала зубы. Проклятый ублюдок!

— Ну же, не вынуждай причинять тебе боль, — он намотал влажные

волосы девушки на руку, дёрнул на себя, ещё яростей вдалбливаясь в несчастную.

Та упёрла ладони в его бёдра, хоть как-то пытаюсь сдержать его порывы. Я положила руку на своё лоно и принялась массировать. Это было дико, это выходило за все рамки, которые ещё хранились во мне в этом мире.

— Раздвинь ноги, — велел он.

Я сжала губы, но подчинилась, раздвинув колени. Взгляд его потемнел и обжёт меня между ног.

— Сильнее... Ласкай... Быстрее... Ещё...

Я выполняла короткие команды, лишь бы это всё поскорее закончилось, вся эта вакханалия. Движения Маара внутри девушки стали какими-то остервенелыми, ширя во мне ужас. Моя помощница уже без сил отдавалась ему, покрывшись крупными каплями пота. Он кончил в неё бурно, ударившись об округлости глубоко и жёстко, оттолкнув небрежно. Та упала на лавку, содрогаясь, раскинув руки и, кажется, провалилась в обморок. Я сомкнула колени.

Маар грубо подхватил меня, дёрнул к себе.

— Ты не умеешь себя ласкать, ассáру, — зло прошипел он.

Его пальцы протиснулись меж моих бёдер, обжигая нежную плоть. Он яростно начал потирать складки, ускоряя движения. От его бешеных прикосновений на меня будто вылили тонну горячей лавы, отяжеляя.

— Да... Вот так... Ещё немного, — шептал сдавленно его голос.

Жар внизу живота скапливался и давил, толкая меня в пропасть, вынуждая прогибаться. Его ровные длинные пальцы безостановочно ласкали, поглаживали, массировали, пока он не надавил большим пальцем в то место, от которого я вскрикнула и распалась на сотни частиц, в ушах зазвенело. И вопреки своему отвращению, я подалась бёдрами навстречу его пальцам, мне остро захотелось, чтобы они оказались внутри меня.

— Нет, только не так, — сказал он твёрдо, с хрипом, продолжая поглаживать теперь уже не так исступлённо, не выпуская из плена, — только не так, — дышал тяжело мне в висок, держа крепко в своих руках. — Ты не получишь, лживая похотливая ассáру.

«Что не получу?» — отдалось и потухло эхом в моём содрогающемся, сокращающемся от тягучей истомы лоне.

Он смял мои груди, склонился, тёмные, влажные от пара пряди исгáра скользнули по моему лицу. Маар прихватил зубами сосок, прикусил, покатал его языком, разливая по моему телу щекощущую боль и блаженство. Мне не хотелось двигаться, не было никаких сил. И Маар

пользовался тем, втянул сосок в себя, прижимая чуть пухлыми, но шершавыми от морозов губами, и от этого в солнечном сплетении завернулось желание. Он отстранился, я уловила его тяжёлый дрожащий вдох, его ладонь скользнула по моему животу вниз, до светлых волос, задержалась и вернулась обратно, накрывая грудь, стиснула судорожно. Он будто хотел уйти, но не мог выпустить меня. Его плоть, прижатая к моему бедру, вздрагивала, набираясь силы, и росла на глазах. Маар встряхнул волосами, отстранился, поднялся.

— Возвращайся к себе, тебя ждёт еда, — мрачно проговорил он и, больше не глядя на меня, вышел, оставив меня лежать на лавке обессиленную и растерянную.

Я тянула в себя запах страха и страсти — запах Маара. Горько-смолистый на вкус. Во мне всё закручивалось в водовороте от непонимания происходящего. Чего он хочет, зачем так мучает?

Отдышавшись, я кое-как поднялась, склонилась над дочкой старосты, та лежала неподвижно. Невольно дрогнуло сердце — не случилось ли беды? Я зачерпнула ковш холодной воды, брызнула ей в лицо. Девушка, закашлявшись, очнулась. Меня напугал её опустошённый вид, она будто не соображала, где она, и что произошло. Осторожно сев, она поджала губы и заплакала.

— Тебе больно? Может, я могу чем-то помочь? — спросила я, пытаюсь хоть что-то сделать и утешить.

Но дочка старосты вдруг стиснула челюсти и зло посмотрела на меня, ошпарив ненавистью, отшатнулась, как от прокажённой, кривя губы в презрении, скинула со своего плеча мою руку. Поднялась, чтобы уйти с гордо поднятой головой, да не вышло, лицо исказила тень муки от малейшего движения, что, верно, причиняло боль. Тяжело переставляя ноги, согнувшись, она оставила меня одну.

Я в недоумении проводила её взглядом, совсем теряя логику всего, что обрушилось на меня. Странные люди, странные нравы, что я не так сделала? Посидев немного и не найдя ответов, я тоже собралась, да и печь начала остывать — в парилке становилось заметно прохладнее. Пробежав по морозу до дома, я бесшумно на носках прошла переходами, слыша мужские голоса за закрытой дверью, юркнула в комнату, в которую привёл меня Маар, и заперлась. Только теперь могла свободно выдохнуть. На столе меня и впрямь ждал ужин — горячее жаркое, источающее сладко-пряный запах. Я торопливо скинула с себя влажную одежду, расчесала мокрые волосы широким гребнем, похоже, выточенным из кости, и, облачившись в чистую сорочку, уже почувствовала себя сноснее. Хотя, с какой стороны

посмотреть. Глянув на запертую дверь, я взяла походное платье, вытащила свёрток со своим сокровищем, решив сперва утолить своё любопытство, а уж потом голод. Кусая губы в волнении и нетерпеливом предчувствии, собрала мозаику из осколков, раскладывая на постели. Конечно, не помешал бы клей, но это уже была роскошь. Маар раздушил его знатно, некоторые мелкие осколки я так и не собрала, сохранились жалкие остатки. Когда всё было готово, я взяла ночную масляную лампу и, набрав в грудь больше воздуха, заправив за уши ещё влажные волосы, склонилась, заглядывая в зеркало.

Всё, что было потом, изменило меня раз и навсегда. Как и в прошлый раз, я увидела бледную, как жемчуг, кожу, чёткие правильные черты, наверное, слишком правильные: чуть выпирающие женственные скулы, узкие крылья носа, идеальные губы, очень красивые, чувственные и, что важно, естественные, росчерк бровей и насыщенные до пронзительной глубины голубые глаза в обрамлении пушистых тёмных ресниц. Вот тут-то я и перестала дышать, вперившись в исполозованное трещинами зеркало. Мне вдруг в один единый миг сделалось дурно. Я смотрела в свои глаза, в то время как вокруг густая темнота, казалось, пришла в движение, скапливаясь, подкрадываясь к языку пламени лампы. Я дёрнулась, чтобы оторваться от отражения, но меня будто что-то держало изнутри, не позволяя и шелохнуться.

А потом отражение перед мной начало растворяться, мутнеть, заплясали яркие всполохи и тут же погасали, открывая мне совершенно другое пространство, другую комнату — мрачную, с чёрным закоптелым потолком. Запах подгоревшей снеди заставлял слезиться глаза и першить — горло.

— Не надо, прошу, отпусти. Отпусти! — услышала голос, и он обжёг изнутри хуже сока болиголова.

Этот голос я знаю, он был настолько мне родной, что горло сдавил болезненный спазм. Я подскочила с пола и подтянулась к лестнице, спряталась за неё, а точнее, моя сестра посадила меня туда, строго и грозно наказав: что бы ни услышала и ни увидела, я не должна вылезти отсюда. Я была очень послушной и не могла перечить старшей сестре. Но когда услышала её голос, надрывный, молящий о пощаде, не могла усидеть, выглянула в щель между досок. Меня продрало оцепенение, когда я увидела его — мужчину в тёмном. Он в упор смотрел на распластавшуюся на столе девушку, скручивая в руках толстую верёвку, а потом накиннул на её шею, туго затянув, и горло сестры стало издавать только хрипы, а сам он, раздвинув ей ноги, жёстко брал её. Я смотрела и чувствовала, как слёзы

обжигают мне щёки, а внутри пронизывает острыми шипами боль, такая щемящая, невыносимая, всеобъемлющая, раздирающая меня на части. Видеть, как этот чужак с чёрными волосами долбится в почти недвижимое нежное тело девушки, стало для меня потрясением. Я не хотела смотреть, но не могла отвернуться, немой крик рвался из моего горла, но мне было страшно до дрожи, до оцепления и онемения в руках и ногах. Насильник, издав дикое рычание, рванулся в последний раз, выпуская девушку, которая к тому времени уже не шевелилась. И вдруг посмотрел ровно туда, где таилась я. Моё сердце оборвалось, когда я узнала его. Это был он — Маар ван Ремарт. Я, будто подкошенная, опустилась на пол, обхватив свои маленькие колени, задохнулась, а потом на меня упало целое небо и вся моя прошлая жизнь.

Я вспомнила всё, а главное — кто я есть по своей сущности. Этот град осознания и воспоминаний был для меня непосилен, слишком, он тянул меня ко дну. Одно воспоминание за другим, словно брошенный бульжник, било в грудь, причиняя невыносимую боль. Та маленькая девочка, которая стала свидетельницей жестокой расправы над сестрой, не стала отсиживаться в тёмном углу. В той злосчастной кухне на постоялом дворе, где подрабатывала моя сестра, я дождалась, когда этот выродок напьётся, когда ещё раз возьмёт мою сестру, ассару, уже бездыханную, а потом, как пьяный телок, свалится прямо рядом с ней, выронив бутылку, и уснёт. Я взяла нож, приблизилась к нему и ударила в грудь, в самое сердце. Маленькая девочка убила его. А потом сбежала в холод и встретила старую ведьму, что помогла избежать ужасной участи, заключив её душу в другом мире. Ведьма упокоила её тело в горах, что жило и питалось жизненными токами земли до тех пор, пока всё не стихло. Только мертвец оказался жив. Жив! Я захлёбывалась, задыхалась отчаянием, болью и страхом, я падала в черноту, срываясь с вязких краёв своего сознания, неотвратимо летела вниз, моё тело холодело и немело, я канула в бездну, где не было ничего, кроме черноты и льда. Ненавижу... Ненавижу... Чтобы ты сдох, проклятый исгар... Но лучше умереть самой, лишь бы избавиться от этой боли.

Глава 8

Маар вытерся полотенцем, бросил его на лавку. Перед глазами ассáру — голая и возбуждённая. Даже сквозь пар он видел, как горят её глаза, горят морозными инеем, обжигаяще-холодным, и вся его стойкость трещала льдом. Проклятая ведьма! Он кончил в ту девку, смотря на неё и представляя, как станет выплёскивать семя в неё. Даже сейчас его яйца скручивались в тугой узел от этого безудержного желания, выворачивающего всего его наизнанку. Но он не должен брать её. Он может стать от неё зависимым, хотя, кого Маар хотел обмануть? Он уже утонул в своём вожделении, погряз по самые яйца, и единственный способ разорвать это навязчивое наваждение обладать ей — это убить ассáру. Убить Истану. Маар провёл пальцами по ножнам, что лежали на столе, сжал в кулаке прохладную рукоять клинка. Внутри него разлилась чернота, закручивая его в воронку пустоты. Сердце бухало в груди горячо, надрывно, разжигая в нём гнев — сможет ли вонзить клинок в её сердце теперь? Ярость на самого себя за то, что сомневается в этом, ошпарила кипятком. Если бы только можно было выжечь мысли и желания! Проклятье! Маар разжал пальцы, положив оружие обратно. Одевшись, он вышел из комнаты, направившись к своим воинам. Он знал и другой способ забыться.

Внизу застолье после тяжелого дня только расходилось. Среди гуляющих были и девушки — пришли, видно, из любопытства, но от усталых, захмелевших после парилки мужчин, находящихся в слишком долгом воздержании, так просто сбежать не удалось, те охотно брали девиц в оборот. Из соседних закутков уже раздавались крики и постанывания, скрип досок. Едва насытившись, выходил один, и тут же шёл другой. У каких-то семей в этом году будет приплод.

Маар невольно глянул в сторону длинного коридора, надеясь, что ассáру заперлась изнутри. Конечно, никто не посмеет покуситься на неё, но всё же. Маар мог доверять только самому себе, хотя с появлением ассáру и в том начал сомневаться. Их переход затянется ещё на несколько недель, если, конечно, всё будет чисто, и порождения больше не встретятся на их пути. Маар ощущал тишину, холодную, неподвижную — всё замерло кругом, и пока волноваться было не о чем, ближайшие сотни миль их путь безопасен. Но не стоит слишком расслабляться, с каждым днём они приближались к самому опасному месту в Навреиме — крепости Ортмор.

Маар смотрел на покрасневшиеся лица воинов, слушая их смех, но в

мыслях чётко выстраивал план их дальнейшего перемещения, его ум работал слаженно, без перебоев и провалов и днём, и ночью.

Чувствуя в себе уже достаточно хмеля, Маар отставил кружку — с него достаточно. Разморённый духотой, он позволил себе расслабиться, но стоило это сделать, как в теле его всплеснул жар до покалывания в ладонях, вновь захотелось сжать в своих объятиях ассару, слышать, как шелестит под ладонями бархат её кожи, коснуться нежных и тёплых влажных складок. Внутренний исгáр в нём взвыл — невыносимо! Ван Ремарт и сам не помнил, как поднялся и направился в сторону её комнаты. Ему немедленно нужно утолить этот голод, иначе... иначе он испепелит сам себя от неутолённого желания и обезумеет.

Маар толкнул дверь, но та не поддавалась. Ассару заперлась. Он стукнул кулаком, чтобы Истана открыла, но девушка проигнорировала его знак. Страж сцепил зубы, втягивая в себя её запах. Она там, но не желает ему открывать. Он ударил плечом, и задвижка отпружинила, а дверь едва не слетела с петель. Маар медленно вошёл в комнату, выхватывая в жёлтом скудном свете лампы распластавшуюся на постели девушку. Он не помнил в какой миг оказался рядом. Сгрёб в охапку Истану, подбирая её с постели, и сразу заподозрил неладное. Грубо встряхнул девушку, но голова её безвольно откинулась назад, влажные волосы тяжёлым покровом разметались по постели.

— Вот же... — крепко выругался Маар, когда на простыне сверкнули злосчастные осколки.

Страж сковал подбородок Истаны, поворачивая её лицо к себе, и сложно было понять, что сейчас творилось у него внутри. Хотелось добить её за то, что она ослушалась, придушить и избавиться от этой невыносимой помехи, но он лишь крепко сжимал её в руках, шумно и рвано дыша через нос, вглядываясь в её потемневшее лицо. Она была жива, но не просыпалась, впав в забытие. И очнётся ли? Зачем он оставил это зеркало у неё? Но он и мысли не допускал, что Истана ослушается его! Несносная девчонка! Проклятая ассару!

— Я же запретил, — сказал он, хоть девушка его и не слышала.

Гнев внутри него дышал пеплом и жаром до такой степени, что он оглох, а перед глазами расплылись багряные пятна. Он судорожно провёл ладонью по женскому телу, такому вожделенному и желанному, что, кажется, обжётся, чувствуя под ладонью её изгибы через тонкую ткань. И хорошо, пусть подышает. Осознавая с мрачностью, что миг назад так желал сделать, Маар небрежно, но всё же с нажимом бросил её на постель. Задышал тяжело, туго втягивая в себя воздух, смотря заволоченными

туманом гнева глазами на раскинувшуюся на постели девушку в ореоле снежных волос. Сжав челюсти, он отступил, развернулся и вышел из комнаты, прикрыв дверь.

Маар направился к хозяину двора, велел его жене находиться рядом с ассару, отсыпал серебра, но женщина гордо отказалась от платы, добровольно осталась с Истаной. Страж вернулся в свою комнату и не сомкнул глаз до самого рассвета. Когда начал едва бледнеть горизонт над вершинами снежных гор, он поднялся. Снарядившись в походную одежду и броню, ван Ремарт спустился вниз. Его воины уже выходили во двор, готовы уже были выдвигаться. Жена старосты так и не появилась с вестью о том, что ассару очнулась, и Маар гневался, ловя себя на том, что ожидал этого всю долгую ночь. Он глянул в сторону перехода, и тут деверь комнаты, где лежала Истана, открылась, из неё вышла женщина. Увидев Стража, она заторопилась. Маар напрягся весь, в груди тугой волной плеснул жар — очнулась?

— Она очень холодная, мениэр, — с сожалением сказала женщина, опуская тусклый усталый взгляд.

Маар глянул поверх головы женщины в сторону приоткрытой двери. Внутри забурлило чёрное, как смола, смятение и ярость. Маар снял с пояса кошель, вручил женщине.

— Хорошо, мениэр, — согласилась женщина, — я позабочусь о ней столько, сколько потребуется. Она угрюмо поджала губы, стискивая плату в пальцах. На этот раз не стала отвергать, понимая, чего ей это может стоить, безропотно приняла дар. Эта женщина уже узнала, на что страж короля способен. Старшая дочь старосты рассказала матери, что сделал с ней в парилке Маар, и хозяйка дома сделает так, как скажет гость, лишь бы исгар не трогал её двух других дочерей. Ван Ремарт, поимев их первым, мог отдать девушек на ублажение своим воинам.

Маар вышел на улицу под тяжёлое хмурое небо, что синими облаками затягивало горизонт, сжирая золото рассвета. Донат, увидев, что Маар вышел один, без ассару, помрачнел. Шед, напротив, приосанился, не скрывая своего удовлетворения тем, что ван Ремарт оставил, наконец, девчонку. И Маар едва сдерживался, чтобы не выжечь его довольство вместе с потрохами. Страж злился, злился на себя за то, что его желание становилось слишком бесконтрольными, слишком одержимым и извращённым, и самое гнусное — он не хотел оставлять здесь Истану, но был вынужден — она уничтожит его. Эта хрупкая, глупая ассару сможет обратить вспять его силу. Но, с другой стороны, она воистину глупа, раз осмелилась посмотретья в зеркало, и теперь она уснула, ушла в руки

Верховного. Теперь небесный владыка волен вернуть её или забрать себе. И пусть лучше заберёт! Она не должна жить! Так будет лучше для всех.

Страж вскочил в седло, отменяя прочь мысли об этой девчонке, и уже вскоре отряд из двадцати всадников покинул селение, устремляясь на север. Только Маар уже скоро начал ощущать, как расстояние, что отделяет его от ассáру, увеличивается. С каждой милей его дыхание становилось всё туже, он начал задыхаться, словно на шею ему бросили аркан, ещё несколько миль, и он погибнет. Маар отчётливо это испытал, настолько, что взревел внутри. Мужчина остервенело подгонял скакуна, пытаясь вырваться из этой ловушки. Ассáру удалось его опутать. Удалось! Проклятая сука!

Маар натянул поводья, останавливая взмыленного скакуна. Шед, что следовал рядом, заподозрив неладное, обернулся.

— Поезжайте. Я вас догоню, — бесцветным голосом бросил Маар команду.

Но Шед только хмуро покачал головой.

— А если не вернёшься?

Маар смерил его потемневшим взглядом, раздражённо сжав в кулаках поводья, дёрнул, разворачивая скакуна, пуская его обратно к селению, удаляясь от отряда. Он убьёт ассáру и нагонит. Маар должен это сделать, иначе — Шед прав — он не вернётся, ассáру завладеет его душой. Уже завладела. Ван Ремарт мысленно сжимал в кулаке рукоять ножа, и его кровь кипела ядом. Какая это уже по счёту попытка убить её? Теперь у него нет выбора: или она умрёт, или умрёт он. Игáр внутри него бушевал, раскачивая волны жидкого огня. Огненное око поднялось достаточно высоко, Маар терял время, и всё из-за этой дрянной девчонки!

Селяне уже занимались утренними хозяйскими заботами: мужчины кололи дрова, носили сено в стойла, женщины стирали в ледяной речной воде одежду. Увидев всадника, побросали всё, уставившись на ворвавшегося в деревню Маара. Страж поднялся по ступеням, вошёл в дом старосты, сдёргивая нож с пояса. Староста не заметил, как он вошёл, Маар застал его тогда, когда он нависал над старшей дочерью, дёргая ту за косу, и крепко ругал. Она плакала, на щеках блестели слёзы, но увидела стража, и внутри неё всплеснул жар — она была счастлива увидеть его вновь. Маар это ощущал. Староста, заметив сразу оружие в руках стража, вытянулся, закрывая собой дочь, но Маара она несколько не интересовала. Гость, не сказав ни слова, зашагал в комнату, где осталась Истана, толкнул дверь. Женщина, что находилась внутри, даже плошки из рук выронила.

— Оставь нас, — приказал ей ван Ремарт жёстким голосом.

— Не надо, мениэр, прошу! — взмолилась глухо женщина, преграждая путь к лежащей недвижимо девушке. — Это последняя ассáру, пощади, не убивай! Прощу! Не надо! Она ещё совсем юная!

Но Маар её не слышал, смахнул в сторону и шагнул к Истане, заноса нож над её грудью. Всего лишь на мгновение, но рука будто отяжелела, Маар втянул воздух глубже, смотря на белое лицо Истаны, белую шею и грудь в разрезе сорочки, резко выдохнул, сжав рукоять. Ударил, метясь в самое сердце.

Женщина, что замерла с ужасом в глазах, прикрыв ладонью рот, побелела и не шевелилась.

Он проклят! Он уничтожил самого себя! Маар отнял руку, он не сделал и царапины на её жемчужной коже. Остриё застыло над самой кожей, будто воздух был твёрдым льдом, не пропустил дальше. Рука, в которой Маар сжимал нож, задрожала от натуги, как и сам он. Страж опустил руку и тут же с громким рыком со всей злостью вонзил нож в брус стены, разразившись проклятием.

Маар перенёс ассáру в более просторную и светлую комнату. На верхнем ярусе дома старосты было куда тише и спокойнее. Снегопад уже два дня не прекращался, сливая небо с землёй в одно белое полотно, на несколько шагов вперёд уже ничего не было видно. Истана не приходила в себя. Несколько раз Маар порывался оставить её, но каждый раз возвращался сюда, в эту комнату, садясь напротив её постели в дальний угол, и в полной тишине смотрел на неё неотрывно. Очнётся ли она вообще? Что, если не очнётся? Внутри Маара бурлила борьба, он не знал, чего хочет больше, его разрывало на части. Он желал, чтобы она не проснулась, и ему стало бы легче, и одновременно страшился того, что больше не увидит эти невыносимо голубые глаза.

Время давило, его отряд теперь далеко. Маар уже не мог оставаться на месте. Противоречия вскипали в нём вулканом. Почему не убьёт её, великий Бархан! Ведь он станет свободным. Маар дышал ровно, сидя в погружающейся в сумрак комнате наедине с ассáру, чувствуя её тепло, её едва заметное дыхание. Он терпелив, он подождёт, пусть высшие силы решат, что ему делать. Маар поднялся, поджёг фитили лампы, и комната погрузилась в неровный оранжевый свет. Мужчина подошёл к спящей девушке. За это время он изучил её всю, даже самые незначительные черты её лица: небольшую родинку на шее, тонкую полоску шрама над правой грудью... интересно, откуда она у неё появилась? Её губы, особенно её губы, прямую линию рта, один край которой был приподнят, словно в

ухмылке.

Маар протянул руку, подобрав лёгкий белый локон, пропустил через ладонь, ощущая, как внутри накаляется всё: каждая мышца, каждый нерв. Маар продолжал хотеть её безумно, и это желание уже не могло уместиться внутри него, оно рвалось наружу огненным вихрем. Страж коснулся её подбородка, очертив его плавный контур, тронул подушечками пальцев мягкие губы девушки, пусть и бледные. Маар остро хотел к ним прильнуть своими губами, почувствовать их вкус, именно её губ. Его яйца сжались до боли от этой мучительной жажды. Маар отступил. Впервые ему не хотелось ни одной другой, только её. Только она может утолить голод, который разбудила в нём.

Шелест одеяла заставили его застыть, а потом обернуться. Истана положила руку на живот и открыла пронзительно голубые глаза. Взгляд её устремился на него, выхватывая из полумрака комнаты силуэт, облитый густым светом огней. Протянувшись, казалось, вечность до того мига, когда вдруг синева глаз девушки замутилась влагой. Истана поджала губы, и крылья носа её задрожали. Ей было больно, Маар ощутил эту муку, как свою собственную, остро, внезапно, она разлилась ядом, отравляя. Страж в один шаг оказался возле неё, ассару отпрянула, выставив ослабшие руки вперёд, выставив преграду, растопырив дрожащие пальцы.

— Не прикасайся... ко мне... — прошелестел в неподвижной тишине её голос, по щекам девушки скользнули блестящие капли.

Она не хотела его видеть, она хотела умереть, посмотрев в это зеркало, но не вышло, Верховный вернул её обратно в руки Маара. Мужчину обожгла ненависть, исходящая из сердца девушки. Такого сильного порыва он ещё не испытывал от неё. Страж сощурил глаза, наблюдая за ней свысока, дыхание его утяжелилось, он не понимал, что с ней.

— Ты послушалась меня, ты посмотрела в зеркало, хотя я запретил тебе это делать, ты глупая, ассару. Ты заслуживаешь наказания.

— Провались ты в Пекло, ничтожество! — зло выплюнула она, пронизывая стража колючим взглядом.

Маар приподнял темную бровь. Вот как? Маленькая дрянь решила сбросить свой морок и показать истинное лицо?

Глаза её искрились самым холодным льдом, что сковывал чрево Бездны, губы налились краской — бордовая роза, а кожа белая, как сливки. Великолепное сочетание. Грудь под тонкой тканью вздымалась судорожно и опадала, Маар опустил взгляд вниз, туда, где находились тепло и мягкость, такие вожаделенные для него сейчас и такие недоступные одновременно.

— Как ты меня назвала?

— Ты ничтожество, будь ты проклят, ублюдок, — просипела она.

Маар пригвоздил её взглядом к постели, оглохнув от всплеснувшего в нём гнева. Девушка хоть и оцепенела, напряглась, сжимая в пальцах постель, но быстро смахнула себя страх, приподняв гордо подбородок. Бесстрашная глупая ассáру.

Страж обрушился на неё мгновенно. Истана отшатнулась, но теперь бежать некуда, теперь уже нет. Ум застелила огненная пелена, всё тело Маара залило тяжёлым жаром. Он трахнет её прямо сейчас, и плевать на все запреты, что он дал себе. Пора укротить эту несносную суку. Он прыгнул на постель, как дикий молодой барс, ловя ассáру за ногу. В один миг она оказалась под ним, вскрикнуть не успела. Да если бы она и кричала, никто не посмел бы сюда войти, пусть и слышны были звуки, доносившиеся снизу, хозяева, верно, собирались за общий стол.

Маар собрал полы её сорочки, рванул, ткань с жалким треском распоролась на её гибком теле. Мужчина прошёлся ладонями по упругой груди с розовыми нежными сосками, по плоскому животу, по мягкому пушку меж бёдер. Он прижал Истану своим разгорячённым и возбуждённым телом, качнув бёдрами, исступлённо потёршись каменным членом о её тёплое маленькое лоно. Ассáру вцепилась в исгáра, царапая его лицо и плечи.

— Я тебя ненавижу! — сорвался её голос на хрип, девушка глотала слёзы. — Будь ты проклят. Ублюдок!

Маар расправил штаны, высвободил налившийся горячей сталью член. Зажав одной рукой тонкие запястья девушки над её головой, скользнул губами по её мокрой скуле, собирая солёную влагу — её слёзы, слизывая их. Истана замолкла, поморщилась, отворачивая лицо, изгибаясь, чтобы хоть как-то отстраниться, но бесполезно.

— Почти убедительно, лживая дрянь. Почти тебе поверил, — шептал глухо Маар, продолжая ласкать её вожденное тело свободной рукой.

А потом он разодрал её колени в стороны, ощущая, как её трясёт. Она дёргалась и извивалась, как рыба, выброшенная на берег, пыталась вырваться, но напрасно. Маар провёл пальцами по мягким складкам, резко проник одним внутрь. Истана вскрикнула, ресницы её вновь стали влажными и тяжёлыми, как и дыхание, она замерла в ужасе, перестав дёргаться. Такая узкая, тесная. Маар засомневался, что она сможет принять его. Вот и пускай, поделом, лживая сука.

— Ну, назови меня ещё раз так, — Маар смотрел в её затуманившиеся от боли глаза, в чёрные зрачки, расширившиеся от дикого предчувствия

чего-то страшного, когда он принялся растягивать тугой захват мышц лона.

Истана поджала губы, шумно сопя, неотрывно смотрела ему в глаза, в то время как он грубо терзал её плоть.

— Ублюдок, — выплюнула она.

Это было её ошибкой. Никто Маара не называл так, никто не смел.

Маар проник пальцами ещё глубже. Лицо ассáру исказила боль, низ живота девушки загорелся, она отстранила бёдра, пытаясь вытолкнуть его пальцы. Мужчина убрал их, навис, медленно ввёл в лоно свой член, а потом резко толкнулся, врываясь в нежную плоть, насаживая девушку на себя. Истана взвилась, раскрыв губы в немом крике, сжав с силой бёдра, не пуская его дальше. Она задыхнулась, боль растеклась горячей лавой от живота к бёдрам. Маар продолжал держать её, погружаясь глубже, растягивая и разрывая узкую щель. Ассáру зажмурилась, сжав зубы и кулаки, так и не проронив ни звука. Он задвигался размеренно и быстро, вталкиваясь в неё, ощущая липкую влагу. Он ничего не соображал, его опьянила её кровь и то, какая она была узкая для него, возделенная. Задвигался ещё резче и безудержней, вдавливаясь в неё, теряя контроль и ум от ощущения тёплой тугой глубины, от запаха крови, от её сладкого, невозможно головокружительного аромата, взглядом ударяясь в лёд её непроницаемо-холодных глаз. Возбуждение в нём бешено росло и ширилось, раскачивая густые волны жара по телу, толкая его с края в пропасть. Ей было больно, он чувствовал это, но ассáру больше ни разу не вскрикнула, она лишь смотрела на него затуманенным ненавистью взглядом.

— Никогда так не говори... Никогда... — глухо и с натугой шептал он, совершая размашистые удары тазом, вдавливая в облако постели тело Истаны, такое красивое, такое совершенное, недоступное и запретное, нежное и хрупкое, маленькое, — ...и я ...никогда ...не причиню тебе боли... Просто слушайся меня... Истана. Но сейчас уже поздно...

Губы её только искривились в презрении, но она молчала, снося его в себе. Маар протолкнул руки под её ягодицы, приподнимая, проникая ещё глубже. Истана продолжала смотреть на него, но по скулам уже текли слёзы. Она крепко держалась за постель, тянула ткань, вся напрягаясь и, наверное, мечтала умереть. Мужчина, не переставая двигаться, сорвался, его толкнуло изнутри к ней, он припал к её губам. Такие сладкие, такие нежные губы ассáру, упоительные. Истана дёрнула подбородком, вырываясь, на лице её выразилось лишь омерзение. Маар впился в её губы вновь, с еще большим остервенением, то кусал их беспощадно, то ласкал, слизывая кровь её и свою, проталкивая в тёплый рот язык, одновременно

врываясь в её тело ураганом. Такая горячая, такая пленительная Истана.

Он сошёл с ума, он рехнулся, он стал безумцем, взяв так опрометчиво ассáру. Но он не мог остановиться, уже нет. Он толкался в неё всё быстрее, поднимаясь вверх, к пику блаженства, держа её в плену, целуя её всю: губы, шею, острые ключицы, слизывал с розовых тугих сосков её аромат, покусывая твёрдые горошины. Горячая волна блаженства то подкатывала, то отступала, движения его стали ещё резче, ещё безумнее. Истана выдыхала со стоном от его напора, ей хотелось, чтобы это всё скорее закончилось. И Маара подбросило в пространство, он резким толчком проник на всю длину, выплеснул семя в горячее влажное лоно, так туго сжимающее его пульсирующий член. Ощутил, как по мышцам разлилась магма истомы, отяжеляя и сотрясая его тело. От экстаза и блаженства Маар закрыл глаза, их заволокло чернотой, остановился, дыша рвано. Такой бешеной яркой разрядки он ещё не испытывал никогда и не с кем. Ещё никто и никогда не доводил его до такой грани. Но ни одна не испытывала к нему такого отвращения и ненависти, а он никогда не жаждал до вывернутой наизнанку души, до иссушающего, выпивающего до капли вождления.

Истана дрожала в его руках, когда он горячо и бурно излился в неё. Но даже тогда гордая ассáру смотрела ему прямо в глаза, без единого намёка на страх. В ней не осталось места для него, только ненависть, такая жгучая, что не будь он исгáром, сгорел бы дотла.

Маар дышал тяжело, надрывно, он не покидал её тело, находясь в ней, он сдерживался, чтобы не простонать её имя ей в губы, захватить их, ворваться членом в лоно и раствориться в ней, упасть камнем на самое дно, разбившись на осколки. Он хрипел, захлёбываясь в бурлящем через края экстазе, дробящем его тело молотом, стирающем душу в прах.

Он должен убить её прямо сейчас. Эту лживую суку, которая связала его своими чарами, накинула путы. Должен был убить, едва посмотрел ей в глаза, там, на снежной вершине, когда нашёл её, умирающую от яда. Он не должен пускать её в душу, не должен смотреть ей в глаза. Маар закрыл ладонью её пронзительно голубые, дышащие стылым презрением очи. Истана не шевелилась. Убить, испепелить, сжечь — огонь рвался из него, но Маар держал его на поводу, не позволяя выйти. Слабая ассáру не могла даже пошевелиться, она знала, что он собирался сделать, и не двигалась. Почему она не кричит, не вырывается? Тогда ему бы было легче её карать. Проклятая дрянь лежала, распластавшись под ним бабочкой, так отчаянно принимая свою участь, ненавидя его всей душой, всем естеством и даже больше. Жилы под кожей исгáра вздулись от напряжения. Он не пощадит,

она не заслуживает этого. Почему он не отдал её своим воинам? Они бы отымели её во все дырки, и эта сука быстро бы потеряла ценность для него. Маар сцепил зубы, зажимая ладонью её глаза, смотря на эти налившиеся кровью губы, с которых срывалось горячее рваное дыхание, на эту вздымающуюся в судорожном вдохе красивую грудь. Он убьёт эту дрянь.

— Давай же, исгар, если ты этого не сделаешь, то это сделаю я рано или поздно, — прошептала она хрипло и обессиленно. — Я уничтожу тебя и себя — тоже.

Маар качнулся, склонившись, втягивая её аромат, прикрывая ресницы. Её губы так близко, такие мягкие, чувственные. Маар коснулся их краями своих губ, проведя, захватил нижнюю, втянул в себя, чуть посасывая и прикусывая. Он хотел её заклеить, но до сих пор не сделал это, он безумец. Впервые так неосторожен, так безрассуден, он ходит по краю бездны, и он не сомневался в её словах. Если бы знала ассару, насколько она была близка к тому, она почти его уничтожила. Он не убил её сразу и проиграл, теперь она в его крови.

Страж всё целовал её губы, пробуя на вкус. Она его вся, каждый частичка её тела его, и никто не смеет к ней приближаться. Он убьёт каждого, кто посмеет. Он убьёт Шеда за то, что тот смеет думать о ней скверно, и Доната за то, что тот не отрывает от неё взгляда, бурля возбуждением. Страсть и дикая ревность застлала разум. Наслаждение смешалось с болью, с горьким привкусом ненависти, с щекочущим запахом крови. Но боль была острее и ярче, Маар желал вырвать её из себя, вырезать, сжечь, лишь бы избавиться от неё, но тогда он должен убить себя. Истана лежала под ним, полная ненависти к нему, этот яд забирал у неё последние силы, совершенно беззащитная и нежная, раненная его буйной атакой, словно сбитая в полёте птаха, она не шевелилась. Он покалечил её душу и истерзал тело, набросился на неё, как стервятник, порвав. Истана была чиста, и он был у неё первым. Если бы она промолчала, но несносная девчонка решила, что ей позволено так говорить. Но она права, он животное, нет, хуже. Маар — демон, он давно выжег в себе все чувства, обратив их в пепел и пустив по ветру. Истана распалила в нём их, разожгла сердце и тут же безжалостно разодрала его на куски, произнося эти слова, будя в нём страшную силу.

Маар покинул лоно, убрал руку с лица глубоко дышащей в ожидании ассару. Посмотрел вниз, на тёмные пятна на постели и подсохшие разводы крови на её бёдрах и своём члене. Он поднялся, а она свела колени. Когда гримаса муки исказила её лицо, в груди Маара что-то толкнулось. Он мог повредить её, для неё он был слишком большой, он это знал, знал и

намеренно причинял ей боль. Она права, он ублюдок, нет, хуже. Он ещё сам не знал, каким беспощадным зверем является.

Маар оделся, намереваясь отыскать знахарку и позвать женщину, что бы та помогла Истане помыться.

Глава 9

Он ушёл, этот зверь и чудовище, а его голос и дыхание всё ещё обдирают слух и кожу, они остались со мной. Я вздрагиваю и кусаю губы, до сих пор ощущая его член внутри себя. Я утопала в боли, меня будто разорвали на части, когда он проталкивался в меня резко, беспощадно, повреждая. Горят следы на теле от его касаний, оставленные его пальцами и зубами. пытка для меня только наступила, когда всё закончилось, и хлынуло потоком осознание того, что только что случилось, хотя я уже ничего не могла сообразить. Словно в густом мареве, качаюсь на грани небытия, где Маар продолжает терзать моё тело, кусать, целовать, облизывать соски и трогать, вторгаясь беспрерывно, а я жду, когда этот кошмар закончится, когда он перестанет жечь меня раскалённым железом, когда он отстранится и выпустит. Я всхлипываю и стенаю под ним. Хорошо, что он ушёл, его присутствие добило бы меня окончательно.

Я, не разгибаясь, повернула голову, уставившись в потолок, дыша рвано и всхлипывая. Меня трясло, хотя внутри разлилась такая жидколедяная пустота, заковывая в лёд моё тело. Мне казалось, что я даже дышать перестала. Чувство безысходности накрыло меня с головы до самых пят. Низ живота тянуло, между бёдер ощущалась влага, болело всё тело и не только — болела душа, мне не хотелось жить. Слёзы застилали глаза, и что-то внутри меня надломилось, лёд треснул, оставляя глубокие прорвы, и их ничем не заполнить, из чёрствой земли вырос не прекрасный цветок, а терновый куст с острыми ядовитыми шипами. Я стиснула зубы. Ничего у него не выйдет, проклятый исгар. Он не сломит меня, никогда! Пусть горит в пекле, но больше не увидит моих слёз! Он сделал ошибку, оставив меня в живых. Внутри закручивалась воронка, разверзаясь пропастью, огромным провалом, в котором росло и ширилось что-то огромное, страшное, что-то, что давало мне сил.

Я вытерла влажные дорожки со щёк. На меня обрушились воспоминания моего детства, то, что увидела, когда посмотрела в зеркало. Я не должна была этого делать, но это было неизбежно, ведьма всё просчитала. И как так вышло, что именно исгар нашёл меня? Видимо, я прогневила Ильнар, богиню судеб. Думать я сейчас не могла, просто не было сил, мысли путались, голова воспалилась, глаза жгли отчаянные слёзы. Две жизни, что я прожила, стремительно сплетались тугим жгутом воедино, многое мне проясняя, но сейчас я не могла ничего воспринимать.

И то, что этот исга́р был подобием того, кто истерзал, а потом убил мою сестру. Мысль о ней взывала дикую боль, захотелось взвыть, закричать, но к горлу только сухой ком подкатил. И всё же тут было много провалов и не схожестей, хотя бы то, что Маар молод. Если бы это был он, то ему было бы гораздо больше лет.

Через пульсирующую ломоту я слышала, как внизу поднялся шум, топот. Я не пошевелилась.

Дверь открылась, и внутрь вошёл он — вернулся. Я не смотрела на него, ощущая всем существом его присутствие, что разлилось по комнате, затопляя её и меня тяжёлой смолой — власть и сила, вот что несла его природа. В голове зашумело, когда он приблизился с полотенцем в руках, влажная ткань легла мне на кожу утешающей прохладой. Вслед за мужчиной вошла женщина, хозяйка дома.

— Тебе нужно помыться, — сказал он.

А я его даже слышать не хочу, он истерзал меня, ранил и ещё продолжает издеваться.

— Оставь меня, — сказала, но голоса не услышала, вместо него сиплый стон.

Кажется, просьба моя была услышана? Нет, я ошиблась. Маар склонился надо мной, поднял меня на руки, усаживая себе на колени, а я даже вырваться не могла, просто не получилось — ноги и руки меня не слушались, я их почти не чувствовала. Горько-сладкий запах, исходящий от его тела, проникал в меня, окутывая. Мне было противно всё, и, как назло, он не надел ничего, кроме штанов.

Пока женщина меняла постель, Маар принялся сам вытирать мне ноги, проводя по бёдрам и животу полотенцем.

— Скоро придёт знахарка.

Я едва сдержалась, чтобы не послать его, но не стала. Я потерплю пока, пусть делает, что хочет, но когда-то придёт и моё время.

Справившись с постелью, женщина выпрямилась, даже в свете ламп я видела её белое лицо, полное сожаления и боли. Она всё понимала, но молчала, страх перед ван Ремартом перетягивал верёвкой горло.

— Уходи, — приказал ей исгар, и та, склонив голову, подобрал запачканную кровью постель, направилась к двери.

— Может, нужно что-то ещё?

— Нет, — сухо ответил мужчина, не глядя в её сторону. — Хотя... принеси еды для неё.

Маар поднял меня, опустил на чистую постель.

Хозяйка дома низко поклонилась, вышла.

Я отвернула лицо, лишь бы не видеть его. Маар провёл пальцами по моему плечу, я не смогла распознать, что значит его жест, и никак не откликнулась. Одно его присутствие уже выворачивало и выдирало душу с мясом.

— Перестань себя так терзать, — вдруг сказал он.

Перестать терзать? Так равнодушно, так просто ему дались эти слова после того, как он меня сломил, набросившись. Но признаться, я и сама была в том виновата отчасти, хотя мало верилось, что, если бы я промолчала, он оставил бы меня в покое.

«Я тебя ненавижу-у-у-у, исгар! Убирайся к дьяволу!» — рвалось изнутри, когда его пальцы шелестели по моей коже, прожигая какие-то узоры. Вслух ничего не сказала, поджав губы, прикрыла глаза только, всё ещё сотрясаясь. Внутри меня и передо мной он, Маар с тлеющими углями глаз, оттенёнными блестящими прядями, что падали на его скулы.

Женщина вернулась скоро, с целым подносом еды. Маар положил меня на чистую постель и заставил есть, но мне кусок в горло не лез. Ничего мне от него не нужно было, пусть катится.

— У нас долгая дорога впереди, если ты не съешь это, мне придётся затолкать силой.

— Давись сам, а меня оставь в покое, — ударила я по его руке, когда он поднёс плошку с питьём.

Та всплеснулась, пролившись на его руки. Сложно было понять, что родилось в его взгляде в этот миг. Он отбросил плошку и поднос, тот грохнулся со всей снедью на пол. Маар поднялся, схватил меня на руки и, перекинув через плечо, направился к двери. Я задохнулась, вся кровь прилила к лицу, и страх накрыл с головой. Что он делает? Куда тащит? Маар широким шагом минул полутёмный коридор. Я по сумраку поняла, что была ночь. Отчаянно забилась, пиная и царапая его спину, обезумев, растеряв всю решимость. Ван Ремарт сорвал меня со своего плеча, как полотенце, и бросил на землю, прямо в холодный снег, совершенно голую, грубо и бездушно, словно я какая-то вещь.

— Если останешься здесь, то пожалеешь об этом, — черты его лица, словно высеченные из льда, заострились, глаза густо-тёмные, как ночь, сверкнули холодно.

А внутри меня всё закаменело, второго раза я не вынесу, просто не переживу.

Маар отступил и исчез в дверях, прикрыв за собой створку.

Я глотала морозный воздух и не соображала ничего, внутри всё

ломило и распирало — всё это было слишком, не умещалось внутри меня. Только после первого потрясения ко мне пришла чувствительность. Я осознала, что сижу в сугробе на заднем дворе. Холод продрал кожу, вгрызаясь беспощадно в тело, обжигая и кусая, а внутри меня сжалось всё до ломоты в зубах. Я обхватила себя руками.

Не верю, что это всё происходит со мной, не верю! Ненавижу! Как я тебя ненавижу! Глубокая ночь, чёрное небо опрокидывало меня в стылую бездну, в нём тускло мерцали осколками звёзды, серебря снег, изо рта вырывался густой пар. И ни души кругом. Куда мне идти? Я не знала, что это за место, так далеко от Сожи я никогда не забиралась в детстве. Кое-где в оконцах горели огни, давая мне хоть какую-то надежду. Стоять на одном месте было невыносимо — ступни жгло, как и внутренности, я отчаянно теряла тепло. Паника застелила и глаза, и ум быстрее, чем я приходила в себя. Куда мне податься в таком виде, совершенно голой? Но нужно торопиться, иначе околею. Стыд огрел не хуже удара ремнём, только оказаться ещё раз в постели этого выродка было хуже смерти. Я покинула порог и пошла к первому дому, проваливаясь в снег едва ли не по колено, наткнулась на высокую ограду.

— Помогите! — вырвался из горла скорее стон, нежели крик.

Меня никто не слышал. Страх накрыл с головой, когда я поняла, что ноги стали заплетаться, а пальцы рук — коченеть. Я обошла дом, спотыкаясь и падая, вцепилась в другую ограду, подёргав створку. Заперто.

А потом за спиной послышался скрип снега, ещё далёкий. Дыхание совсем исчезло из груди, меня парализовало от страха. Я дёрнулась, чтобы бежать, но безнадёжно рухнула на колени, сдирая их и ладони о ледяной настил, вцепилась в ивовый плетень, чтобы подняться. И не успела толком ничего рассмотреть, как сверху на меня упали тяжёлая шуба и накидка с платьями.

— Одевайся, — приказал исгáр.

Тяжёлый взгляд чёрных, как дёготь, глаз придавил меня к земле. Хотелось плакать, просто разрыдаться от обиды и отчаяния, от того, что у меня нет никакого выбора, кроме подчинения ему. Жалость к себе передало горло, я всхлипнула и тут же зло одёрнула себя. Не сметь! Судорожно вдохнула, стылый воздух прилил к лёгким. Ничего, я потерплю, это просто нужно пережить, Истана, просто пережить! Делать так, как велит он. Всего лишь на время нужно слушать его, подальше затолкнуть свою гордость, ведь я хочу жить. Жить ради сестры, Вояны. Я громко вскрикнула, скорее от неожиданности, чем от боли, когда жгучая, как острое лезвие, плеть полоснула мне ноги.

— Поторапливайся, — смял в кулаке хлыст исгáр.

Я сглотнула, боль обожгла запоздало. Из глаз всё же брызнули слёзы, застывая на холодных щеках. Сжав зубы, судорожно натянув рубаху, не сразу попадая в рукава, надела и платье. Чулки и нижние штаны натянуть на себя удалось с трудом. Я не чувствовала пальцев ног, стоять самостоятельно не могла. Маар смотрел на меня равнодушно.

Я же его убила, вонзила нож в сердце, он не мог выжить?! Да и не он это был. Но кто же тогда, почему так похожи? Может, брат? Если так, то всё сходится. Но кем бы он ни оказался, Маар ван Ремарт был таким же беспощадным выродком, я убедилась в этом окончательно. Знает ли он о том, что я убила его родственника? Если бы знал, то прикончил бы сразу же.

— Садись, — последовал очередной сухой приказ, когда я с горем пополам накинула плащ поверх сюртука, всё ещё не чувствуя тепла. Смертельный холод продолжал выламывать все кости из тела, раздирая мышцы.

Я вскарабкалась на лошадь, что Маар привёл за собой в поводу, окоченевшими пальцами вцепилась в узду.

— Я вижу, что знахарка тебе не нужна, раз твой маленький язычок способен выплёскивать яд. Не думай, что я об этом забуду.

Хотелось крикнуть во всё горло, чтобы он сдох, но я сдержала себя, давась холодным воздухом. Чёрные глаза в полумраке сверкнули, обжигая своим демоническим холодом. Как я могла стерпеть его ещё тогда, на постоялом дворе, когда он вынудил меня касаться его и пробовать на вкус? К горлу подкатила тошнота. Маар дёрнул поводья, направляя жеребца вперёд, давая понять, чтобы я следовала за ним немедленно. Но от каждого движения животного подо мной по телу разносилась такая боль, что в глазах темнело. Между бёдер ещё жгло, ощущение вторжения не покидало меня, тянуло низ живота.

Мы покидали место ночлега быстро, под покровом ночи. До утра неизвестно сколько ещё времени, но ван Ремарт явно спешил, подгоняя плетью скакуна, и мне приходилось непросто, чтобы успевать за ним. Видимо, он послал своих людей вперёд, а сам задержался, выжидая, пока я приду в себя, а может быть, чтобы сильнее помучить меня, будто мало ему было того. Зачем? Зачем я ему стала нужна, он же получил своё, зачем тащит за собой?!

Как это ни прискорбно, отвратительно гнусно, но мне не к кому было податься. На Сожи напали твари, порождения Бездны, растерзав всех до единого — тех, кого я знала в детстве, теперь не осталось в живых. Да и

родной дом, что остался без хозяев, за девять лет если не развалился, то бесхозным не остался. Родители, а точнее, отец лежит в земле, он пожертвовал собой ради двух дочерей. Он трудился на износ, чтобы прокормить нас, защитить, скрыть нашу сущность от посягательств, пока не слёг от простуды. Он умер от жара. Тогда всё бремя взяла на себя Вояна — старшая сестра, рискуя собой, показываясь на людях. Отец не просто так нас скрывал и жил едва ли не отшельником. Красота Вояны привлекала всех мужчин в округе, ей приходилось очень несладко, только другого пути заработать какие-то деньги молодой девушке, кроме как идти в услужение на постоялый двор, и не виделось. Я часто заставляла её по ночам всю в слезах, но Вояна упорно их скрывала от меня, как и синяки, оставленные грубыми руками гостей. Опьянённые притягательностью девушки, даже порой не замечая краски, которую она намеренно накладывала на лицо, скрывая гладкость и белизну своей кожи, её домогались. Только рыбий жир, источающей зловоние, которым она натирала своё тело, спасал от грубых посягательств. До тех пор, пока не появился этот ублюдок, который взял её прямо на кухне, а потом убил...

Я гнала лошадь, не упуская из виду спину исгара, покрытую плащом с мехами на плечах, вспоминая всё то, что было погребено под забвением, не чувствуя ни своего истерзанного тела, ни того, что меня окружает заснеженный, угрожающий лютой опасностью лес. Как же так вышло, что теперь я пленница того, кто сгубил Вояну? Пусть, может быть, и не истинного убийцы, а похожего на него? Который теперь хочет убить и меня, только, видимо, более изощрённым способом. И вообще, как могло случиться так, что я, ассару, попала в руки демона, исгара? Я прикусила губы, жалея, что не знаю ничего о Мааре ван Ремарте, кроме того, что он верный шакал короля, страж излома Ледяной Бездны. Жалею, что девять лет назад на моём пути попала эта ведьма, которая наложила на меня забвение, заковав душу в другом теле, в другом мире. Для чего? Зачем она меня спасла? Чтобы отдать на съедение волку? Вся прошлая жизнь как сон, как морок, и я в нём как игрушка, механическая, почти безжизненная — жить и не помнить, не знать, кто я есть на самом деле, что где-то осталась запечатанная прахом времени моя жизнь, моё тело, закованное и развивающееся в скалах. Всё это на грани...

Мать я не помню. О ней много рассказывала сестра. Ассару не жила с нами, в последние годы, перед болезнью отца, всё чаще уходила в горы — природа её тянула к истокам, она стремилась к большему, чем тратить время на обычную жизнь замужней женщины, её дорога вела в храмы, коих раньше было множество. Однажды, бросив всё, она ушла и так и не

вернулась. Только теперь я понимаю, что отец умер вовсе не из-за простуды, а от тоски. Ассáру так и не смогла прижиться среди людей, проникнуться к мужу, к детям. Покинула нас. А он ждал её изо дня в день, ждал, что она вернётся, пока надежда эта не потухла, осыпавшись пеплом сгоревшего дотла сердца.

Серые, горящие далёким отблеском глаза, полные тоски — всё, что я помню о нём.

Воспоминания прорезали сердце одно за другим. Я начала сильно отставать, едва держась в седле. Голова стала стремительно тяжелеть, как и тело. Не успела очнуться, как забрезжил розовыми всполохами над лесом рассвет, такой холодный и ослепительно красивый, он нежно красил макушки сосен искрящимся багрянцем. Только мне было не до того. Маар не собирался меня щадить и делать привалы. Местность не менялась: дремучий частокол смешивался со скалистыми нагорьями, и вновь сплошной лес. Я ёжилась, косясь в стылую пугающую глубину, дышащую угрозой. Несколько раз во мне вспыхивало желание рвануть в заросли, но оно так же быстро остывало — инстинкт самосохранения во мне пока ещё преобладал. После всего того, что я успела за эту ночь пережить, если и бежать, то не в руки холодной смерти — нет, не так глупо!

Ещё через несколько миль остатки сил начали стремительно покидать меня. От ночной безостановочной скачки верхом болело всё, каждая косточка, каждая мышца и клеточка кожи, ко всему меня начало трясти, как в лихорадке. В груди будто сгущался воздух, давил на рёбра и горел, пальцы едва сжимали поводья, а перед глазами всё сливалось и плыло белым тягучим маревом. Едва кобыла подо мной наскокивала на кочку или выемку, это тотчас отражалось в моём теле простреливающий с пят до затылка болью. Кажется, уже совсем рассвело, когда я, измотанная до смерти, повалилась на холку лошади, едва не рухнув с седла в снег — сильные руки успели меня перехватить. Наверное, я простонала от очередной вспышки боли в спине, только этого всего я уже не помнила, проваливаясь в самое пекло, где было нечем дышать, где я совершенно не могла двигаться, а только тяжело ворочать руками и ногами пласты снега, отодвигая наваливающиеся на грудь неподъёмные глыбы, чтобы не утонуть, чтобы вдохнуть, и стараться, чтобы очередной вдох не был последним.

Глава 10

Истана упала прямо ему в руки. Маар хотел задушить её, чтобы не мучилась, и не мучиться самому. Сделать то, что он хотел сделать изначально — оборвать пути, но вместо этого он понёс девчонку в хижину, где жила старая ведьма Тхара.

Он надеялся и страшился одновременно, что Истана умрёт сама в дороге, но ассáру осталась жива, плелась за ним из последних сил, стараясь не отставать. Бездушная сука хотела жить, а он рвал себя на части, чтобы не остановиться. Чтобы не дать ей понять, что она может управлять им, чтобы она уяснила себе, что она ему безразлична, что она не имеет для него никакой ценности, чтобы она признала для себя, что он — хозяин, что она его пленница, его рабыня, его трофей, с которым он имеет право сотворить всё, что ему вздумается. Только с каждым ударом сердца Маар понимал, что твердит это самому себе, выжигая клеймом на своей плоти. Если бы она попросила его об отдыхе, он либо дал ей его, либо трахнул, а потом заставил волочиться за собой на ногах, привязав к своему седлу. Гордая, надменная ассáру держалась до последнего, хоть и была сломлена, ни разу не проронила ни звука.

Маар стиснул хрупкое ослабленное тело Истаны, прижал к груди. Он ненавидел себя в этот миг. Ненавидел за противоречивые желания, что рождались в нём, когда он прикасался к ней. Ненавидел за то, что с ней он становился зверем, хуже зверя, за то, что она пробуждала в нём огненную тьму, готовую испепелить её и себя дотла. Всё это становилось слишком бесконтрольным, слишком неуправляемым, слишком сложным и опасным для него и не только. Голод и желание брали над ним верх. Маар ошибся. После того, как он лишил её девственности, жажда нисколько не умерилась в нём. Стало ещё хуже. Намного хуже. В нём ещё больше разрасталось вожделение, до безрассудства, до помутнения. Он улавливал сладкий, как нектар, запах, источаемый её кожей, лишался разума, хотел её снова, неистово и жадно до искр в глазах и боли в паху. Он жаждал вновь испытать, как растекается сгустком по позвоночнику и бёдрам жар, толкая его с края, жаждал испытать, как заливает голову темнота, как всё его естество мощным прибоем ударяется о скалу, распадаясь на тысячи брызг. Он хотел, чтобы она так же смотрела ему прямо в глаза, а он тонул в их пронзительной стылой синеве, вдальбливался в неё безостановочно и бешено, наблюдая в накатывающем блаженстве, как Истана прикрывает

ресницы, выкрикивает его имя и стонет под ним, забившись в экстазе. Но такого никогда не будет. Он взял её грубо, разорвал лепестки нераскрывшегося бутона, не позволив ему расцвести самому. Она и не способна на это. Ему не стоит ждать подобного от бездушной твари, никчёмной шкуры, что он тащит за собой.

Маар с ассару на руках перешагнул порог конуры отшельницы, пропитанной запахом трав, низко пригибаясь под притолокой. Ведьма посторонилась, давая дорогу, смерив нежданного гостя мрачным взглядом. Страж чувствовал её недовольство, продирающее позвоночник.

Ему не пришлось ничего объяснять ей, старуха молча указала, куда положить девушку, зажгла ещё одну лампу, поднесла к недвижимой Истане. Оглядев её всю, тронув лоб, расстегнув петли одежды, обвела пальцами синяки и ссадины на груди, опустила руку между бёдер девушки. Отнял руку, полоснула мужчину осуждающим взглядом.

— Это ты её так повредил?

— Завтра она должна сесть в седло.

— Ты просишь невозможного.

— Не болтай и займись ей.

— Я не всесильна, есть вещи, которые мне неподвластны.

— А если я подожду твою хижину, отрежу тебе язык и отдам псам?

— Ты в праве делать это со старухой, но можешь просто оставить её здесь, и я постараюсь исцелить её.

Маар усмехнулся.

— Нет, Тхара, она поедет со мной.

— Хочешь, чтобы я восстановила её, чтобы ты вновь её разорвал? Ты потеряешь рассудок с ней.

— Это не твоё дело.

— Не моё, но ты знаешь, чем это всё может кончиться. Исгáр, потерявший человечность, будет приговорён к смертной казни.

— Плевать.

Тхара горько поджала синеватые от старости губы, и чёрные глаза налились недовольством — попытки вразумить посыпались пеплом. Старая ведьма насколько древняя, настолько и упрямая, она всегда была чем-то недовольна. Сколько Маар её помнил, любила излишне поворчать, хотя сейчас поводов для этого было более чем достаточно.

Она поставила лампу, сняла с плеч шерстяной платок, принялась раздевать девушку.

— Она сильная, она может отнять у тебя душу, — не унималась ведьма, будто это ещё могло что-то изменить.

— Замолчи, Тхара, просто поставь её на ноги — это всё, что от тебя требуется.

Зачем ведьма его дразнит, он и так на грани.

— Это ни к чему хорошему не приведёт. Тебе лучше её убить, ты причиняешь ей страдания. Если ты оставишь её в живых, она найдёт способ тебе отомстить за всё, что ты делаешь с ней.

Маар сузил глаза, ему не было понятно, к чему клонит ведьма, хочет она спасти или, напротив, погубить ассáру? Истана заворочалась, лицо её исказила боль, и она застонала.

— Как ты её нашёл? В округе не было ни одной дочери Ильнар.

Избавив Истану от панциря верхней одежды, ведьма шаркающим шагом прошла к очагу, поставила на огонь железную чашу, налила туда воды. Вырвала из пучков трав, подвешенных на верёвке, нужные стебли и бросила в закипающую воду.

— В скалах. Её терзали порождения. Я бы тоже хотел знать, как ей удалось спрятаться, — ответил Маар, отрывая от девушки взгляд.

Даже сейчас она была красива, на неё хотелось смотреть и смотреть, в груди что-то тупо ткнулось.

— Она твой яд, исгáр не должен приближаться к дочери Ильнар. Теперь ты боишься её потерять.

— Я ничего не боюсь, Тхара.

Ведьма помешала деревянной ложкой отвар, недоверчиво посмотрела на Маара.

— Когда-то маленький Маар испытал боль, увидев казнь своей матери. Боль породила одиночество, одиночество — страх. А страх всегда порождает жестокость. Насилием ты добьёшься только её ненависти и ещё больше боли и одиночества для себя. А затем придёт страх, который вновь будет толкать тебя на жестокость. Это замкнутый круг, и из него нет выхода. Всё может только усугубиться.

— Она неуправляема...

— Поэтому ты её сломил? — обратила на него старуха гневный взгляд. — Ты обманываешь меня и себя, Маар. Ты хочешь присвоить её себе, подчинить не для того, чтобы она стала послушной, ты хочешь, чтобы она на тебя смотрела по-иному...

— И как же?

— С желанием. Маар жаждет любви от этой ассáру. Но боль, которую ты ей причинил, только парализует и отравляет душу. Принуждением ты ничего не добьёшься.

Маар хотел рассмеяться ведьме в лицо.

— Ты ошибаешься. Я хочу её иметь и потому буду продолжать принуждать. Принуждение заставит её не быть такой глупой. И у неё нет души.

— Ты очень одинок, — сдалась ведьма, сделав вывод, покачав головой.

— Нет, я просто очень голодный.

— Испробовав её раз, ты навсегда останешься таким. Ни одна умелая любовница теперь не сможет утолить твоего голода. Тебе не стоило её трогать. У тебя есть ещё выбор, но совсем скоро его уже не станет. Просто отпусти её.

— За кого ты меня принимаешь, Тхара? Я сверну ей шею, когда она мне надоест.

Ведьма не стала спорить, добавила в кипящую воду какого-то порошка, вновь помешала.

— Разрывов у неё нет. У неё достаточно созревшее тело, чтобы принять мужчину. Первый раз всегда болезненный, ко всему ты не сильно позаботился о ней, проникнув на сухую. Но есть жар и хрип в груди, если получится за ночь его остудить, завтра она встанет на ноги, — сказала Тхара и поднялась, подхватывая полотенцем чашу, перелила отвар в деревянную плошку.

— Завтра она должна встать. Мне необходимо нагнать свой отряд.

Ведьма сокрушённо покачала головой, больше не сказав ни слова, вернулась к Истане.

Маар посмотрел на огонь, колышущийся в каменной печи, развернулся и вышел на улицу, возвращаясь к лошадям, которых он оставил на морозе под открытым небом. Застряв в этой лесной глуши, так или иначе он вынужден ждать, хоть это его страшно злило. Следующее селение было недалеко. Маар, подумав немного, прыгнул на коня и помчался в сторону опускающегося к горизонту огненного ока. Старая Тхара права, она вновь распоролла затянувшиеся было раны. Когда-то он испытал боль, которая что-то изменила в нём, и наставнику пришлось отдать его в храм, в место, где каждый подкидыш лишается сердца, глохнет к боли и состраданию. Зверское отношение заставило исгара окончательно пробудиться внутри Маара. Заставило обороняться, чтобы выжить, стать сильнейшим. Стать убийцей. Маленький Маар когда-то мечтал обрести в своих руках бледное золото, которое сияло от него бесконечно далеко в облаках, грея безнадежно мало. Он хотел иметь своё личное солнце, но каждый раз в его руках оказывалась скользкая холодная гадюка, которая желала ужалить его как можно больнее. Он выработал противоядие, его не брал их яд, он трахал, а потом душил этих змей голыми руками и выбрасывал прочь, как

использованную, ставшую ненужной вещь.

Страж уже в сумерках добрался до селения, раскинувшегося на покатом берегу замёрзшей реки. Он зашёл в одну из лавок, заканчивавших работу, но молодая девушка помедлила, увидев уважаемого мениэра, приторно липко улыбнулась желанному гостю. Маару нужна была только одна вещь — зеркало, в которое могла бы смотреться ассáру. Благо в таком захолустье было полно всякого дешёвого барахла, и вместо настоящего зеркало здесь продавали металлические диски в достаточно красивой оправе — то, что нужно. Продавщица услужливо завернула товар, нарочито медленно посчитала монеты, которые отсыпал ей страж.

— Здесь больше, — хлопнула она рыжеватыми ресницами, и зелень в глазах торговли загнулась.

Маар рванул её на себя, и девушка, рассыпав монеты, охнула, вжалась в его тело плотнее. Он подхватил её за округлые ягодицы и опрокинул на прилавок, распял, раздвинув колени, придавливая своим телом, задирая подол платья.

— Сюда могут войти, мениэр, — возмутилась она, строя из себя приличную особу, будто её никто тут не трахал раньше.

Маар не дал ей говорить, высвободив возбуждённый член, рванулся внутрь, смяв ягодицы, насаживая на себя. Девушка, открыв рот, беззвучно вскрикнула, задохнулась. Маар задвигался резко, порывисто и размашисто, скользя яростно в её лоне во всю длину, ударяясь о её бёдра.

Тхара говорила, что ни одна не сможет заменить ему ассáру?

Маар жёстко врывался, заполняя девушку, не выпуская из захвата, он двигался непрерывно, долго, терзая и порабощая её тело, вынуждая двигаться с ним в такт. Он чувствовал сухость и саднящую боль, но всё ещё никак не мог достичь желанного пика. Стоило горячей волне ударить исподнизу, как она тут же отступала, бросая его в ярость и жар. А когда эта потаскуха осмелилась пялиться на него, его накрыла пелена, а в голове зашумело. Он накрыл её лицо ладонью, вдавливая пальцы, закрыл глаза сам, продолжая безудержно долбиться в неё, разрывая изнутри.

— Мениэр... мне больно, — проскулила она, вскрикивая.

Ладонь скользила по её щеке от проступившей влаги. Удар, ещё один удар, и Маар резко вышел, когда она сдавила его член внутри себя, кончил на её бедро. Зрение начало возвращаться к нему, восстанавливался слух, а вместе с ним обожгла слепая ярость, такая жгучая, острая, раздирающая в ключья, словно в открытую рану насыпали соли. Невыносимо. Проклятие! Он отстранился, с омерзением наблюдая, как белые струйки текут по бедру продавщицы к колену. Она всхлипнула, но не двигалась. Маар заправил

одежду, подобрал зеркало, спешно покинул лавку.

Глава 11

Я очнулась от какого-то странного треска, и сразу же густой терпкий запах трав забился, казалось, в самую глотку, оседая вязкой горечью на языке. Медленно вырываясь из пут полудрёмы, я не могла ничего сообразить толком: где я и что со мной? И лучше бы я не просыпалась. Я жива. Слезы отчаяния проступили на глазах, их не хотелось открывать. Чувство острого разочарования осколком вонзилось прямо в сердце. Я не свалилась замертво с седла, и мне придётся возвращаться в этот ад.

Я задрожала, ломящая боль прокатилось по телу горячей волной с головы до пят. Саднило и жгло лодыжку от удара хлыста, и это липкое противное чувство грязи внутри и снаружи меня задушило, заковало моё тело в панцирь льда, я мгновенно потеряла чувствительность. Хотелось немедленно отмыться, отскоблить с кожей все следы, оставленные им. Как я могла остаться в живых после такого?! Он — чудовище, демон, не человек, он не знает жалости, у него нет сердца, мне не на что надеяться. Я в ловушке, словно птица, угодившая в силки, и мне теперь с обломанными крыльями не улететь. Немое отчаяние, граничащее с болью, раскололось в груди с оглушительным треском. Он ломает меня до конца. Теперь я его игрушка, его вещь. Он будет терзать меня и мучить, пока я ему не надоем. Мне не стоит надеяться, что исгар пощадит — это невозможно.

Задышав часто и обрывисто, я сдержалась, чтобы не простонать, не зарыдать в голос, осознавая в полной мере, на что я обречена.

Всё же разлепила веки и тут же зажмурилась от яркого света — уже утро, горел очаг где-то рядом, трещали в нём поленья. Я лежала в чьей-то чужой постели, пропитанной влагой моего собственного тела, всё здесь было мне незнакомым. Мне нужно привыкать к той мысли, что у меня нет ничего и никого — я одна, совершенно одна, мне не к кому обратиться, и просить о помощи тоже некого: мать отреклась, отец давно мёртв, сестра погибла, теперь мой хозяин — он, Маар ван Ремарт.

Через толщу шума в голове вдруг просочился его голос. Всё тело закаменело, дыхание исчезло из груди — он был тут. Звучание его было ровное, проникновенное, и можно сказать, что голос его приятный, он разносился совсем рядом, продирая мой слух и сердце тупым ножом. Как это чудовище, этот убийца и палач может иметь такой красивый голос?! Как этот ублюдок, который пользуется девушек и выбрасывает, как порченую вещь, может иметь тело Аполлона?! Всё это не умещалось во мне,

отяжеляло и топило. Нет, не нужно раскисать, жалеть себя — всё это мне не поможет. Нужно найти выход, он есть, я знаю, сестра мне говорила — сильнее нас нет никого в Наврииме. Только вот незадача, никто меня не учил этой силой пользоваться, раскрывать её в себе. Да и в чём она, собственно, заключается, я не знала. Мать унесла эту тайну с собой, а отец... отец запрещал. Вояна молчала, да и что я могла понять в девять лет?! Это тупик.

Страж не заметил моего пробуждения, а я и не сразу поняла, что он не один здесь и с кем-то разговаривает.

— Когда Ирмус узнает о твоей находке, он непременно пожелает её забрать у тебя, — услышала я старческий клокочущий голос и застыла.

— Он не узнает, он за сотни миль от нас.

— Её видело слишком много глаз, слухи разносятся быстрее ветра, тебе ли об этом не знать.

— Значит, я поставлю ей клеймо на лицо, и он не захочет её.

Я содрогнулась от произнесённых жестоких слов Маара, меня пробрал мороз, но я не шевелилась, чтобы никак не выдать своего пробуждения.

— Дело не только в красоте, она не просто девушка с красивым телом.

— Значит, мне всё же придётся её убить.

— Ты твердишь, что она не имеет для тебя значения, и в то же время ты не хочешь её ни с кем делить. Значит, она для тебя всё же имеет ценность.

— До тех пор, пока я не отымею её во все дыры.

Проклятый ублюдок! Я сжала кулаки, а к горлу подкатила дурнота, загорелось в груди.

— Ты противоречишь сам себе.

— Кажется, мы об этом уже говорили Тхара, — прорезалось раздражение в красивом и в то же время омерзительном голосе этого выродка.

— Не нужно её портить, Маар, сила в этой ассáру спит, она не знает её.

— Откуда тебе это известно?

— Я ведьма, мне не сложно узнать.

— Я не верю, она изворотлива. Она пыталась меня одурачить, и ей почти это удалось, а потом она показала своё истинное лицо...

Повисло молчание, такое гнетущее, тягучее, оно горячей смолой облило меня, обездвижив совсем, казалось, они уже обнаружили, что я не сплю.

— Буди её, нам нужно выдвигаться, — приказал страж, а следом

послышался шелест одежды и скрип ржавых петель.

Лёгкий сквозняк мазнул кожу, и я смогла свободно выдохнуть, забыв, как дышать, за ту долю мига, пока исгáр покидал лачугу.

— Никогда не притворяйся спящий, он может это почувствовать. Вообще ни в чём не притворяйся, — строго заявил клокочущий голос.

Я приподняла веки и повернула голову.

— Он может простить глупость, но не ложь. Так что тебе лучше сразу отказаться от неё.

Со скамьи поднялась морщинистая старуха со смуглым лицом и направилась ко мне.

Я поднялась, хотя это мне далось с большим трудом. Перед глазами сразу всё поплыло, на языке ощущалась липкая горечь, в груди — тошнота. Всё тело будто из ваты, будто все кости из меня выдернули, оставив только мясо. Хотелось упасть обратно на постель и больше не вставать. Тхара подала мне чашу с каким-то травяным отваром, я приняла, выпив — другого выбора не было. Маар похоже не собирался задерживаться, и мне нужно восстановиться как можно быстрее, хотя всё тело по-прежнему ломило, болел весь низ от пояса, саднило между бёдер, но боли такой сильной, будто все внутренности выворачивает, уже не было, только неприятное стеснение внутри.

— Ночью у тебя был жар, он может вернуться к вечеру, — старуха встала, загоразивая собой низкое, оно единственное оконце в лачужке и то затянутое чем-то мутным и плотным. — Я соберу тебе в дорогу трав, ты должна будешь их пить.

Я, сжимая дрожащими пальцами пузатые, чуть тёплые бока плоски, кивнула, отпивая.

— Он везёт тебя в Ортмор, — вдруг более приглушённо заговорила она. — Если ты туда попадёшь, то оттуда, — она подалась немного вперёд, вонзив в меня острый, как серп, взгляд, — уже не выберешься.

Я натянула на голое плечо сорочку, сжимая её на груди почти бесчувственными похолодевшими пальцами, поёжилась, всматриваясь в карие буравящие глаза старухи.

— Я сбегу, — ответила упрямо, опуская ступни на потёртый коврик, отставляя пустую плоску на лавку.

Стало тесно находиться под вниманием чужачки, что оплетало, как липкая паутина.

— Без союзников у тебя это не получится. Тебе не хватит мудрости сделать это правильно, без лишних потерь.

— Что же мне делать? — приглушённо спросила я.

Горло сдавил ком отчаяния, вновь я почувствовала жалость к себе, вспоминая всё то, что случилось ещё совсем недавно, каждый синяк и ссадина на моём теле отозвались жжением этому безысходному порыву. Я понимала, что эта женщина толкает меня в ещё большей тупик, загоняя в самые сети, но не могла этому противиться — слишком слаба и выпита сейчас. Но всё же что-то теплилось во мне, внутри, давая тусклый, почти призрачный свет надежды. Я вспомнила, что старуха упомянула Ирмуса...

Тхара покосилась на дверь, потом вновь повернулась ко мне.

— Я бы могла дать тебе яда ещё ночью, чтобы ты не проснулась, а ему сказала бы, что ты сгорела в лихорадке, чтобы избавить его и тебя от страданий, на которые вы обречены. То, что с тобой случилось — это не предел, ты опасна для него, и он опасен для тебя. Вы оба опасны для этого мира.

Я не понимала, о чём она твердит, но по спине продрали острые когти страха от её слов. Меня затошнило. И в самом деле, во власти Тхары было это сделать — отравить меня, но она того не сделала. Втянув в грудь больше воздуха, пропитанного старостью дерева и травами, я посмотрела на неё прямо, и она прочла мой вопрос по лицу.

— Но я не могу пойти против Ильнар, — продолжила она уже спокойнее, — если ты до сих пор жива, значит, ей так угодно. Я не вправе решать твою судьбу и забирать жизнь дочери Великой Богини.

Весомый довод, ничего не скажешь. Но это несколько не помогает в моей беде.

— Он думает, что ты обладаешь силой, но это не так, ведь верно? Ты для него безвредна, но он думает иначе, хотя подлинную опасность он пока ещё не распознал. Но это только пока, а как только он узнает...

Ведьма замолкла, разлилась тягучая тишина, с улицы донеслось ржание коней — Страж уже подвёл их к двери, и нужно бы поспешить. Старуха продолжила:

— ...если он узнает, что ты убила его брата Дарлана, то...

— Можешь не продолжать, — оборвала я, скидывая на неё помутневший взгляд.

Тхара смолкла, сжимая синие морщинистые губы. А я опустила взгляд, ощущая, как внутри всё холодеет. Так значит, всё же брат... Что-то оборвалось внутри.

Ведьма отступила, дав мне возможность немного подумать, но думать я не могла — голова трещала по швам. Всё очень скверно, хуже, чем я предполагала. И видит великая Ильнар, лучше бы я не смотрела в это проклятое зеркало! Скверно, очень скверно. Воздух как будто смогом

сгустился вокруг меня, и стало нечем дышать, в глазах потемнело от комьев разных отвратительных чувств. Если бы не вспоминала, было бы всё намного легче. Но теперь ничего поделать нельзя, разве что вновь отправиться в забвение, обратить себя вспять, чтобы то, что творилось внутри меня, погresti под толстым слоем пепла и попробовать ещё раз вздохнуть свободнее. Теперь уже это невозможно. Уже нет. От этого не уйти, оно вновь найдёт меня и потребует выхода, где бы я ни была. Это мешало мне жить в другом мире, это станет проклятием в следующем. Как Вояна это называла — кармой? Искуплением? Судьбой? Пороком?

Тхара положила на постель всю мою одежду, она теперь уже не вмешивалась в ту бурю чувств, что крутилась внутри меня месивом грязи и пыли. Плетью по сердцу била боль утраты, разжигая во мне гнев и ярость от того, что, пусть даже убийца моей сестры мёртв, но его часть, заключённая в Мааре, жива. Осознание того, что этот выродок касался меня и истязал так же, как когда-то это сделал его брат с моей Вояной, было хуже всяких пыток. Ненависть заполонила душу, застлала глаза, заклокотало в груди омерзение, распирая рёбра до треска.

Скрипнула дверь, заставив меня встать в пол. Внутрь вошёл Маар.

Он прожёт меня взглядом чёрных глаз, его зрачки тут же сузились до точек, распаяя во мне ещё больший гнев. Маар открыл шире дверь, указывая мне выходить. Я подхватила приготовленные Тхарой вещи, глянув на старуху, что смотрела на меня непроницаемо и твёрдо, направилась к двери, покидая лачугу. Когда поравнялась с ван Ремартом, меня буквально чуть не отшвырнуло той сбивающей дыхание силой, что исходила от исгара. Я старалась пройти мимо спокойно, не показав и доли того, насколько я была сбита с толку, но как только исчезла с поля зрения этого мужчины, рванула на улицу, задышав полной грудью.

Щуря глаза от ледяного воздуха, я вглядывалась в сизую стылую чащобу, которая постепенно, но всё ярче окрашивалась в бледно-сиреневый цвет. Мороз ободрал лицо и руки, с ночи он был слишком сильный, до скрипучего треска деревьев. Здесь, на краю снежной гряды, зима тянется намного дольше. В этих диких первозданных местах она казалась вечной, насколько красивой, настолько и смертельно опасной, ведь никогда не узнаешь, что может появиться из леса или сойти с гор в любой миг. Я помнила, что порождения были только на слуху. А теперь эти твари могут подобраться к людям и разодрать целое селение!

Кони, что нетерпеливо топтались у плетня, смотрели чёрными, полными беспокойства глазами в дебри леса, вскидывали гривы и недовольно фыркали, выпуская клубы пара. Я, поправив ворот, осторожно

сошла с обледенелого порога, приблизилась к своей белой, как снег, кобыле, стараясь не замечать, как от каждого движения кости разламывает, и плескался в груди жар вместе с хрипом. Маар не позволил побыть в одиночестве, вышел следом, и казалось, хлипкий порог рухнет под тяжестью его сильного тренированного тела. Да и по сравнению с лачужкой воин в доспехах и мехах выглядел внушительно, поражая своим видом простых смертных. Я отвернулась, когда он поднял взгляд, и с трудом вскарабкалась в седло. Наверное, сейчас у меня бы это не вышло из-за слабости, но злость придавала сил совершать невообразимое. Маар с лёгкостью барса запрыгнул на своего жеребца и, не сказав ни слова, пустил его по дороге, мне оставалось только лишь поспевать за ним. Тащиться ещё неизвестно сколько времени, с болью осознавая, что следующий привал будет не скоро, и что самое худшее меня ждёт впереди. Я смотрела в его спину жгуче-ненавидящим взглядом, удивляясь тому, как это чудовище может легко перевоплощаться из демона в благородного воина, из воина в убийцу и насильника, и так по кругу.

Изба ведьмы удалялась быстро, потому что ван Ремарт решил пустить коня рысью по каменистой, чуть заснеженной с ночи пустоши. Его синий плащ развивался парусом, сверкала бледным серебром сталь брони и оружие. И видит богиня Ильнар, он это сделал для того, чтобы измучить меня до конца, травя и полосуюя своим равнодушием, будто желая мне показать, насколько я ничтожна: животное, рабыня, которая должна тащиться за своим хозяином. И самое скверное — у него получалось задавить меня, без особых усилий он вытряхивал меня наизнанку, разжигая во мне и боль, и ненависть, и отчаяние. Эта ядовитая смесь выматывала куда больше, чем физические страдания, которые я испытывала в пути, подпрыгивая в седле на кочках и едва не вскрикивая от выстрелов рези, таких, что на глаза проступали слёзы ненависти. Исгар всё же делал короткие остановки, но только для того, чтобы справить нужду. Едва он скрывался из виду, я бессильно приваливалась спиной к какому-нибудь камню или дереву, несколько мгновений стояла недвижимо на трясущихся ногах, ощущая, как знакомый жар, о котором предупреждала Тхара, поднимается изнутри так явственно, что белые крупинки снега, падающие сверху, обжигают кожу лица, причиняя, кажется, нестерпимую боль. Мне необходим был отдых.

Но бешеная погоня и пытка продолжались до тех пор, пока небо не стало заметно темнеть. Спасением стали далёкие огоньки, вспыхивающие в ночи за снежными перекатами, барханами и холмами. Только по мере приближения стало ясно, на мою беду это был никакой не город, и даже не

селение или хотя бы заброшенные дома, а разбившийся на десяток костров лагерь. Встречать главу отряда вышел Шед. Недобро глянув на меня, он поприветствовал своего предводителя, о чём-то заговорил, я не слышала, ведь едва не валилась с седла, вцепившись в повод онемевшим пальцами, сжимая от напряжения коленями бока лошади. Сама я с неё не слезу, это я поняла ещё до того, как опустилась на долину ночь. Но даже теперь Маар не глянул в мою сторону.

Я поджала губы, собираясь с силами, хотя жар заливал голову так, что уже ничего не соображала. Меня спасительно подхватили чьи-то руки и стянули на землю, но стоять сама я не могла, а уж сделать шаг и подавно. Не успела я что-либо ответить, как страж подхватил меня, словно пушинку, на руки и понёс вглубь становища. Я попыталась возразить, вырваться, но слишком была вымотана, чтобы шевелить хотя бы языком, а стоило оказаться в надёжных сильных руках, как усталость накрыла меня с головой, будто штормовой прибой. Я погрузилась в полубредовое состояние, бесконечно падая в кипящий котёл усиливающейся в теле лихорадки. Я помнила, как меня занесли в шатёр, освещённый костром, и положили на что-то мягкое, накрыли тяжёлыми шкурами.

Глава 12

Маар, положив Истану на постель, скинул с себя плащ и броню, бросил охапку хвороста в очаг, вырытый прямо в заледенелой земле и обложенный камнями. У ассáру вновь поднялся жар, и он злился на то, что женщины такие слабые и невыносливые. Их хрупкие тела могут выносить ребёнка, но не способны перенести какую-то лихорадку. Он злился на себя за то, что вновь пришлось гнать во весь опор, иначе надвигающийся буран мог забрать её жизнь, не успей они добраться до лагеря. И снова каскад противоречивых чувств хлестал нещадно так, что вставала красная пелена перед глазами. Истана протяжно простонала. Очнувшись, Маар взял её походной мешок, вытряхнув из него все вещи. Тхара сказала, что дала ей трав. Найдя узел нужного сбора, Маар, зачерпнув снаружи снега в железную плошку, поставил таять и закипать на огонь.

Пока он готовил отвар, в шатре несмотря на то, что стужа крепла, скоро стало нечем дышать. Остудив немного на холоде взвар, страж вернулся к девушке, сдёрнул с неё шкуры, ощупал её лицо и руки — горячая. Она вся горит, как угли. Он отёр смоченной в ледяной воде тряпкой лицо и шею девушки, приподнял затылок, осторожно поднося к сухим губам отвар. Истна, задышав часто, никак не принимала питьё, но Маар держал крепко, заставляя пить, и она пила судорожно, мелкими глотками. Выпив всё, ассáру даже не открыла глаз, легла обратно на постель. Маар стянул с неё сюртук и сапоги, всю верхнюю одежду, оставив в одной сорочке. Девушка не отозвалась даже на то, что страж прикасался к ней свободно. Смочив вновь ткань, он положил ей на лоб, накрыв её тонким одеялом, подбив шкуры под бока, чтобы не дуло от стен шатра, хоть и плотных — любой сквозняк был опасен.

Сам страж опустил на шкуры, облокотившись о толстую балку, смотря неподвижно поверх языков пламени на бледное лицо Истаны, наблюдая, как поднимается и опадает её грудь в глубоком дыхании. Маар лишь единожды испытал боль и страх на вкус, когда слышал крики женщины на костре, навсегда запечатав это воспоминание в себе. Казалось, выжег все остатки его, но сейчас, при виде ослабленной до смерти ассáру, внутри рвало всё от бессилия как-то облегчить ей страдания. Он явственно ощущал, как лопается плоть на лоскуты, и была ли это её боль или его собственная от вида это хрупкой, как хрусталь, ассáру, слишком беззащитной сейчас, Маар не мог понять.

Всю дорогу он думал о том, что сказала ему Тхара. Ведьма права, о том, что он везёт найденную ассáру в крепость, скоро узнает совет и сам владыка. И от этой мысли ярость была страшнее молнии. Он соврал ведьме, он не только хотел иметь Истану, он жаждал, чтобы ассáру была его вся, без остатка, до последнего волоска, до холодных глубин её души. Эта маленькая лживая дрянь тянула из него жилы, его ломало от одной лишь мысли о том, что кто-то ещё к ней прикоснётся, сможет посягнуть на неё...

Проклятие!

Маар сомкнул веки, прогоняя прочь эти мысли. Внешне Страж оставался спокоен, но внутри него огненная буря билась, раздирая его на части, сгущая кровь. Сквозь треск сучьев в очаге и плотную духоту, напитанную травами и смолой, чувствовал он сущностью и видел внутренним взором приближение снежной бури, надвигающейся с севера. Ощущал, как воздух стал тяжёлым, словно свинец, и твердь замерла в ожидании стихии, ветер уже подхватывал белую крупу, разнося по долине стылые вихри. На несколько дней они застрянут тут.

Он открыл глаза и неотрывно смотрел на лежащую неподвижно девушку, бледную, почти прозрачную, только жидкое золото перетекало в её разметавшихся по постели волосах — блики костра.

С другой стороны, буря застала вовремя — ассáру необходим отдых, чтобы поправиться, и ему не нужно приказывать своему отряду остаться, чтобы они не думали, что эта падшая что-то для него значит. Хотя, кого он собирался одурачить? Шед уже давно всё пронюхал и понял, что девчонка имеет ценность для него, последней разгадкой стало то, что Маар вернулся за ней, оставив своих воинов.

Если она сядет завтра в седло, то погибнет. Он хотел этого и страшился одновременно.

В тканную стену шатра ударил первый порыв ветра, рассыпав льдистую крупу по куполу. Послышались голоса воинов и зычное гарканье Шеда, отдающего короткие приказы. Маар поднялся. Кинул ещё одну охапку сучьев, приблизился к Истане, убирая с её лба тряпку, коснулся кожи, теперь уже влажной от проступившей испарины — жар начал спадать.

Гостя почувал заранее, до того, как за тканной перегородкой, отделяющей очаг от входа, поднялся полог, и внутрь вошёл Шед. Маар вышел ему навстречу. Шед с позволения ван Ремарта прошёл внутрь к тлеющим углям, хотя был ближе всех остальных воинов и мог позволить себе не ждать одобрения. Он опустил на шкуры перед очагом, чуть меньшим, чем во внутренней части шатра, но не менее жарким. Маар сел

перед ним, завалившись на ворох тюфяков. Сложная выдалась поездка и в какой-то степени более непредсказуемая, чем появление тварей Бездны.

Шед за кружкой крепкого эля подробно донёс о том, что произошло в пути за время отсутствия Маара. И оказалось, ничего существенного, только то, что один конь сломал ногу, и его пришлось убить. И, конечно, не пропустил то, что они застряли в этой пустоши одному Бархану известно на столько. Шед не упоминал об ассáру, но Маар считывал его напряжение при каждом движении мысли о ней. Нет, Маар не мог читать мысли, хотя в этом его подозревали все, он мог только улавливать поток ауры, но то, что Шед думал об ассáру, Маар нутром чуял и убеждался в этом каждый раз, когда тот возвращал взгляд на тканную перегородку, за которой спала Истана. Маару не нравилось, что Шед продолжает показывать своё недовольство. Несмотря на то, что стража это злило, он будто намеренно так поступал, будто имел на это какое-то право. Шед, который на протяжении многих лет был верным союзником, теперь осуждает выбор Маара и его решение?

— На рассвете двинемся в дорогу?

Маар мрачно глянул на него.

— Нет. Ни утром, ни вечером. Буря на несколько дней.

Сделав большой глоток тёплого хмеля, Шед отставил чашу.

— Это нас ведь не сможет остановить?

— С чего ты взял? — ван Ремарт бросил на воина беглый взгляд. — Лошади не вынесут такой нагрузки, да и каждый раз ставить шатры отнимет больше времени и сил, проще переждать сейчас.

Шед покачал головой, задумавшись над чем-то своим.

— Она не выживет, зачем таскать её за собой? Это лишняя ноша и забота, кругом много сук разных, неужели её дырка чем-то отличается от всех других?

Страж резко вернул на воина взгляд. Глаза Маара потемнели до такой степени, что слились с чёрной каймой. Взгляд Шеда изменился, погасло в нём что-то.

— Запомни, Шед, сейчас и на потом: что мне с ней делать, решаю только я. Это моя находка и она принадлежит мне. Я её нашёл, и мне решать, оставить её в живых или же свернуть шею. И если я всё же решил оставить девчонку у себя, это не должно обсуждаться и оспариваться ни тобой, ни кем-либо другим.

— Конечно, тебе решать, мне до неё нет никакого дела. Я просто забочусь о нашем передвижении и только. Моё дело исполнять волю, явленную свыше.

— Твоё дело — слушать меня и выполнять мои приказы, а не влезать носом, куда тебя не просят. Отрежу тебе его, если и дальше будешь продолжать диктовать, что мне нужно сделать.

Шед выслушал и на этот раз благоразумно промолчал. Он сидел так же расслабленно, но пальцы его рук давно сжались в кулаки. Тишина, что разлилась по шатру свинцом, начала давить на слух и вены, её нарушали только шум крови в голове и где-то в горле, удары ветра и завывания вьюги, что глухими звуками просачивались в тёплый кров.

— Я всё понял, — наконец ответил Шед, поднимаясь с нагретого места. — Пойду посмотрю лошадей, — бросил он чуть сдавленным голосом, направился к выходу.

Маар проводил его долгим взглядом, поднимая хлеставшей через края силой исгара жар в углях. Он перевёл взгляд на пламя, только видел перед собой не яркие всполохи, а Истану, её нежное белое тело и блестящие, гладкие, как шёлк, волосы, розовые губы, чуть приоткрытые в выдохе, голубые, как зимнее небо, глаза. По телу потёк густой жар от одного лишь воспоминания того захвата её лона на своём члене, в глазах потемнело. Теперь, когда напряжение спало, Маар испытал мучительную, почти болезненную тягу прикоснуться, погладить, втянуть запах, ворваться и долбиться в её плоть безостановочно. Она принадлежит ему и только ему, никто не может отнять её у Маара, даже Ирмус, даже сам Бархан. Маар выдернет кадык каждому и отрежет яйца, если кто-то отважится пойти против его решения, если кто-то посмеет на неё посягнуть.

Давя в себе желание, страж допил эль и растянулся на шкурах, смотря на низкий, натянутый на толстые рей потолок из воловьих шкур. Чуть покачивались подвешенные на столбы масляные лампы с язычками пламени. Маар не помнил, в какой миг сон утянул его в глубины, он не собирался спать, но последние бессонные ночи давали о себе знать. Пусть он и выносливее обычных смертных, но всё же в большей степени человек. Но стоило закрыть глаза, Маар резко пробудился от того, что кожей ощутил Истану — она очнулась.

Глава 13

Пробуждение было мучительным. Я с трудом разлепила веки, пошевелилась, обнаружив себя на мягкой постели в тёплом, почти жарком помещении, а точнее — мой взгляд скользнул по балкам и стенам, завешенным тканями — в шатре. Во рту горечь трав. Я сглотнула, страшно хотелось пить. Взглядом выхватила кувшин, но я не успела за ним потянуться, как сбоку от меня колыхнулась тень. Маар шагнул за занавес, заполнив собой почти всё пространство, оно стало вдруг тяжёлым и душным. Я невольно подтянула ноги, укрыла плечо, сглатывая сухой ком. При виде исгара внутри всплеснула прежняя неприязнь, полосую меня плетью. Наверное, отныне так будет всегда происходить, даже против моей воли. Исгар — враг до последнего дня моей жизни и даже после.

Маар, оторвав от меня гипнотизирующий взгляд, взял охапку сучьев, бросил в очаг. Пламя вспыхнуло мгновенно, затрещали ветви, внутри стало гораздо светлее.

— Сейчас ночь? — спросила я простуженным голосом, хотя заговаривать с ним вовсе не хотела, вопрос вырвался сам собой.

Маар приподнял подбородок, будто прислушивался к чему-то, а я невольно скользнула взглядом по его телу, такому сильному, статному: узкие бёдра и мускулистые ноги обтянуты коричневой кожей штанов, в свете огня скулы, шея и кожа груди в распахнутом вороте туники отливали загаром, тёмные, почти смоляные волосы чуть взъерошены, Страж, видно, только пробудился сам. Мне он был омерзителен, я не хотела на него смотреть, но взгляд всё равно цеплялся за его силуэт, будто назло.

— Скоро будет рассвет, — ответил он, когда я уже перестала ждать.

Я ощущала, как мороз давит до треска на стены шатра. Прикрыв ресницы, я представила, как розовеет горизонт и искрится снег в лучах.

— К исходу ночи буран стих, но это ненадолго.

В этом крае нет ничего ценнее огня — это я помнила с далёкого, такого недоступного теперь прошлого. Запоздало, но я обнаружила, что мне гораздо лучше. Сквозь туман ко мне стали просачиваться воспоминания минувшей ночи: крепкие руки, короткие приказы. Страж заставлял меня пить отвар, а мне хотелось послать его к чёрту, только не способна была и глаз открыть. Теперь он снова близко — опасный, несущий для меня большую угрозу. Мне хотелось, чтобы он ушёл, но Маар не собирался этого делать. Он повернулся ко мне, его чёрный взгляд из-под

ровных в разлёт бровей, чуть сошедшихся на переносице, вынудил всю сжаться. Его полыхающий диким огнём взгляд испепелил покрывало и кожу на моём теле, добираясь до костей, мне казалось, что если он сделает сейчас шаг, то я осыплюсь хлопьями пепла.

— Убери с себя покрывало.

— Что?

— Ты слышала, убери, я хочу на тебя посмотреть.

Я ещё выше натянула на себя, до самого подбородка моё хрупкое, ничего не стоящее для моей защиты, но всё же укрытие. Сердце подскочило в груди к самому горлу. Нет! Нет, если он прикоснётся ко мне ещё раз, мне кажется, я тут же умру. Маар шагнул ко мне с грацией хищника, одним рывком сдёрнул с меня покрывало, а мне казалось, кожу содрал. Я отчаянно скомкала мягкую ткань сорочки на груди, сжав губы, наблюдая, как взгляд исгара меняется. Чернота его глаз сгущалась плотнее, а по скуле прошла мелкая судорога, кадык мужчины нервно дёрнулся. Я никогда не видела такого взгляда раньше — затуманенного, одержимого, жадного. Я провалилась в черноту от той мощи, что хлынула на меня от исгара. Опустила взгляд, подчиняясь его воле впервые, мне просто непосильно было её снести.

— Сними.

— Нет, — обхватила я плечи руками, будто это ещё может меня спасти.

— Тебе лучше слушаться меня, ассару, иначе будет только хуже, я умею причинять боль, и ты ещё не знаешь, на что я способен. Всё то, что ты успела ощутить на своей шкуре — это далеко не предел.

— Делай, что хочешь, — посмотрела я исподлобья, хмурия брови.

Мне хотелось рыдать, но он не получит ничего. Хотя зачем я себя успокаиваю, он прав, он получит всё, если захочет, и напрасно я вступаю в борьбу с исгаром. Он качнулся вперёд, а я вскинула руку, выставляя преграду.

— Не надо, я сама.

Я сглотнула. Всё же повиновалась ему, собрав полы сорочки, потянула с себя, открывая своё тело глазам стража. Пусть смотрит, он может брать моё тело, сколько угодно, но никогда не доберётся до души. Я не смотрела на него и застыла в ожидании, ощущая, как на спину упал тяжёлый каскад волос, прикрывая плечи. Мне было страшно поднять на него взгляд, даже леденело всё внутри, казалось, что вот-вот он накинется на меня, как зверь, вонзить зубы в мою плоть, растерзает. Оставшись без одежды, теперь я ощущала, что здесь не так и душно: по коже скользил сквозняк, тревожа чувствительные соски, они сжались, завязываясь в тугие комочки и

призывно-откровенно топорщась. Меня накрыл жар от смущения. Глупое тело. Но я всё же удержала себя, чтобы не закрыться, чтобы он не думал, что я уязвима сейчас больше, чем когда-либо. Всё внутри смешалось, я не понимала, куда делась моя злость. Она растаяла. Его взгляд безысходно распался во мне стыд. И кажется, что он насмехается надо мной, делает так, чтобы расшатать мою без того хрупкую, держащуюся на руинах уверенность.

Молчание затянулось, и я слышала в нём тяжёлое дыхание Маара. Я видела только его чуть расставленные ноги, напряжённые, жилистые, идеально ровные, красивые: мышцы то напрягались, то расслаблялись, вызывая во мне волнение, бьющее наотмашь. В горле пересохло так, что язык прилип к нёбу.

— Мне бы не пришлось делать тебе больно, если бы ты держала язык за зубами и исполняла мои приказы так же послушно, — прозвучал его чуть севший голос, и в нём немое возбуждение, как терпкое послевкусие красного вина — опьянило разом.

Я одёрнула себя, выстраивая преграду. Так дико страшно мне не было никогда, но это был другой страх, исходящий не от боли и запаха крови, а от какого-то ещё не ведомого мне чувства.

«Его брат убил мою сестру!» — всплеснулась внутри огненными, багряными густыми пятнами боль, как кровь от жертвенного быка.

Маар такой же ублюдок, как и его кровный вымесок! Он ничем не отличается от него, яблоко от яблони недалеко падает... Страж пользуется мной, он выкинет меня на растерзание своим воинам, как только я ему надоем, а потом полоснёт лезвием по горлу, разве не это он говорил Тхаре там, в хижине? И сейчас страж не удовлетворится лишь одним созерцанием моего тела.

— Ты пользуешься моим бессилием, но рано или поздно всё может поменяться местами. Я никогда не буду послушной, и тебе до меня не добраться. Ты сдохнешь, но никогда не получишь то, чего хочешь, — выплеснула я на выдохе, буравя его взглядом, зная, чем это всё может обернуться для меня.

Маар хмыкнул.

— Нет, ты всё же глупая и ничем не отличаешься от тех сук, которых я трахал.

Он протянул руку, а я едва удержала себя, чтобы не зажмуриться и не отвернуть лицо, с вызовом ожидала худшего. Страж коснулся моих волос, а я задержала дыхание, сотрясаясь неизвестно от чего, от напряжения, остро, дико, изматывающего. Я словно на плахе с болезненным

замиранием жду, как вот-вот обрушится на мою шею наточенный клинок гнева стража, жду того, как он набросится на меня и причинит боль ещё большую, чем уже причинил. Он убрал пряди за плечо, открывая мою грудь полностью. В сей же миг я посмотрела на него, подняв подбородок, и дух захватило. Маар смотрел на меня так, как не смотрел никогда до этого, дико, первобытно. Мне бросило в жар. Те маски, что он надевал на себя, вдруг растаяли в одночасье. Сейчас он больше всего походил на зверя с пылающим, таким живым, голодным взглядом, что стены шатра поплыли от моего бессилия смотреть в тёмные вязкие глубины его сузившихся до точек зрачков.

— Смажь все ссадины той мазью, что дала тебе Тхара, и пей отвар, ты должна встать на ноги прежде, чем утихнет буря, — он убрал руку, так и не прикоснувшись к коже. — Вон там, в бадье, вода. Помойся и переоденься в чистое, от тебя несёт, как от взмыленной кобылы. Я вспомню твои слова чуть позже, ассáру, когда ты меньше всего будешь ждать моего наказания, и обещаю, ты пожалеешь о том, что посмела открыть рот и выплюнуть свой яд.

Я выдохнула, до этого сжимая и задерживая воздух где-то в груди, погружаясь до глухоты в недоумение от того, что он даже не тронул меня. Маар скрылся в другой половине шатра, оставляя меня одну. Воздух сгущался где-то в глотке, дыхание срывалось и дрожало, по телу растекался жидкий колючий холод, а сердце колотилось так, что вот-вот проломит рёбра.

Сцепив зубы, я схватила покрывало и поспешила прикрыться.

Завернувшись плотно в плед, я поднялась со своего ложа. Немного подождала, пока темнота в глазах рассеется, а тело привыкнет к вертикальному положению и окрепнет. Ступая по деревянным доскам, покрытым коврами, я прошла к своим вещам, что лежали на массивном деревянном сундуке, и застыла. Прямо сверху лежало зеркало. Я едва не отшатнулась, как будто увидела огромного паука или змею. Страшно вновь испытать тот опыт, который не принёс мне ничего хорошего. И только когда присмотрелась, поняла, что это не настоящее зеркало — оно было чуть мутным.

Как здесь оказалось?

Я растерянно глянула через плечо на занавес и снова повернулась, сузив гневно глаза, уставившись на находку. Пусть забирает к чёрту свои подарки! Мне ничего от него не нужно. Всё, к чему он прикасается, становится грязью! Я холодно посмотрела на красивую вещь и отвернулась. Если приму, то это будет значить для него, что я смирилась,

но это не так. И буду бороться до последнего вздоха, пусть демон горит в аду! Я тряхнула головой, пытаюсь хоть как-то прийти в чувства. То, что происходит сейчас — самое тёмное время в моей жизни. Я во власти самого опасного для меня человека. Человека ли? Мне это ещё неизвестно. Исгарами называют тех, на кого пал огненный меч Бархана — владыки подземного царства, повелителя Нижнего мира — вырезав им сердце и влив тьму.

Напившись из кувшина, я всё же ополоснулась, яростно смывая все следы, оставленные этим чудовищем, тщательно оттирала кожу везде, где он касался, а потом намазала ссадины теми снадобьями, что собрала мне в дорогу ведьма. Нужно позаботиться о себе, чтобы выжить, ибо пытки мои только начались, но, с другой стороны, хотелось броситься с первого попавшегося обрыва. Расчесала и заплела волосы в косу, скрутив на затылке в улитку. Но расслабиться всё не выходило, взгляд то и дело возвращался на полог, за которым находился он.

По мере того, как светлело в шатре, лагерь оживал вместе с восходом. Мужские голоса доносились почти со всех сторон. Исгар появлялся в моём углу часто, принося охапки сучьев, бросая в огонь. Я не смотрела на него, но кожей ощущала его дыхание, его жгущий калёным железом взгляд — он сторожил меня, как волк свою волчицу. Я могла выдохнуть свободнее, когда в шатёр кто-то заходил. Ближе к вечеру, после некоторого шума за занавесом, появился Маар с целым подносом снеди. Мои внутренности разом скрутились в узел. Он поставил это всё у очага на низкий, похожий на китайский, столик и выпрямился.

— Ешь, тебе нужно набираться сил.

Хотелось пнуть поднос и перевернуть всё к чёртовой матери, но я хорошо помнила, чем поплатилась в прошлый раз за это, и упрямо сжала губы. Не подчинюсь ему, лучше с голоду умру, пусть проваливает! Маар глянул в сторону сундука, на зеркало, которое так и осталось лежать нетронутым, вернул на меня взгляд, обжигающе полоснув гневом не хуже плети. Секунда ожидания растворилась в вечности. Страж вышел, вновь оставив меня одну, а я смогла выдохнуть. Неотрывно смотрела на исходящий паром кусок зажаренного до золотистой корки мяска и вспоминала, сколько уже без еды — двое-трое суток или больше? Я едва в голодный обморок не упала, когда шатёр наполнился вкусным, до спазмов желудка, ароматом, хоть не знала раньше, что это такое — испытывать подлинный голод. Перед глазами у меня стояла еда, даже когда я закрывала глаза. Голод толкал броситься к подносу, словно голодный зверь. Но я сумела сдержаться — не стану принимать его подношения!

Мне ничего не оставалось делать, кроме как лечь и отвернуться к стене.

К предводителю заходили ещё люди. Я слышала негромкие переговоры воинов, в основном, они касались непогоды и лошадей, что остались под открытым небом. А потом вновь поднялся ветер. Он свирепо бил по стенам, поднимая страшный вой, но вскоре я к тому привыкла и даже провалилась в дремоту, но тут же проснулась не от диких порывов, а от напряжённого давящего взгляда исгара. Послышались шаги, кажется, он остановился у нетронутой еды, а у меня что-то нехорошее ткнулось в грудь.

— Ты не притрунулась к еде, — в голосе прозвучала сталь.

Я молчала, продолжая лежать не шевелясь. Тишина затянулась, вынудив невольно сжаться, и не напрасно, потому что в следующий миг на меня выплеснулось что-то ледяное, обожгло кожу. Я вскочила, захлебнувшись от потока воды, что вылил из кувшина страж. И сообразить толком ничего не смола, как стальные руки сковали моё тело, мужчина рванул меня на себя. Я ударилась о каменную грудь Маара, как волна о скалу, не успела вскрикнуть — его губы завладели моим ртом. Я рванулась, пытаюсь увернуться, Страж зажал мне руки, плотнее притянул к себе, впиваясь в губы ещё больнее, заполняя мой рот своим языком, выталкивая воздух.

Укусив за губу, потянув её, он освободил моё дыхание, давая жадно глотнуть воздух, и вдруг грубо толкнул. Не почувствовав опоры, я полетела навзничь, падая на постель. И как бы мягко она ни была застелена, а остатки воздуха выбило из груди от удара спиной. Маар обрушился на меня, придавив своим мощным телом, устраиваясь между моих ног.

— Нет, не надо! Прошу, я не хочу! Оставь меня, оставь! — билась я, как пойманная птица, упираясь в его грудь, но не смогла и на сантиметр отстранить его от себя.

— Уже поздно... — прошептал Маар, накрывая мои губы своим горячим жадным ртом.

Исгар задрал плаття, едва не разрывая в клочья, твёрдо провёл ладонью по чувственному месту между ног, раздвигая складки, а я вытянулась струной, вся напрягаясь, сдавливая коленями его бёдра, не желая пускать его пальцы внутрь себя.

В какой-то миг во мне что-то надломилось. Мне стало вдруг безразлично всё: то, что он собирается делать со мной, то, что он трогает меня. Маар каким-то внутренним чутьём уловил изменение состояния своей добычи, и руки его прекратили свой путь.

— Ты можешь брать моё тело, но никогда не получишь меня, мою

душу. Гори в аду, проклятый исгáр, я ненавижу тебя, ненавижу всех твоих кровных родственников до последнего колена! Будь вы прокляты! — выплеснула я на одном выдохе и задышала тяжело и часто, вонзив взгляд в нависающего надо мной мужчину.

Мгновение растянулось до мучительной бесконечности, я ощущала, как с волос капает вода, стекает за шиворот, как туго поднимается грудь в дыхании, как бешено колотится сердце под рёбрами.

И от того, как он посмотрел на меня, как скрутились чёрные воронки в его резко сузившихся зрачках, окаймлённых бушующим демоническим огнём, под кожу прокрался страх, словно продели раскалённые спицы, страх который испытывает моё тело, но не я. Плевать, пусть делает, что хочет! Он сумасшедший, ненормальный, зачем расходовать на него силы, которые мне нужны, как вода и воздух.

— Ублюдок хочет моё тело, пусть получает и проваливает к дьяволу.

И всё же я задержала дыхание, ощущая, как затвердело тело мужчины, превращаясь в каменную глыбу.

Он не дышал, а меня пронизал холод. Маар пошевелился, убрал руки и поднялся. Схватил меня пятернёй за волосы. Я охнула от мгновенно растёкшейся по затылку к самой пояснице обжигающей боли. Он рванул, сдёрнув меня с кровати, швырнул на пол, как куль с соломой. Я подняла голову, успев лишь различить всполох огня. Пламя лизнуло мне по скуле, оставляя горячий след, и слегка подпалило волосы. Не успела я оправиться, как Ремарт больно сжал шею под затылком и подтащил меня к столику, где всё ещё лежала еда, давно остывавшая. Страж опустил рядом, жёстко сжав другой пятернёй подбородок, так, что скулы заломило, вонзил острый, как ножи, взгляд.

— Если ты не поешь, я сломаю тебе пальцы, один за другим, пока не станешь выполнять то, что я говорю.

— Пошёл ты, — прошипела я.

Маар перехватил мою руку, жёстко передавив запястье. Боль, что обожгла мне мизинец, отдалась к самому локтю и затылку. Я ошеломлённо распахнула глаза, задохнулась, ловя ртом воздух, слёзы всё же брызнули из глаз.

— Ненавижу тебя, как же ненавижу, — перетерпливая, шипела я.

Он схватил следующий палец.

— Это не те слова, которые я хочу слышать, — его металлический голос звучал хладнокровно, бездушно, лишённый какого-либо окраса. Его хватка усилилась.

— Ну? Я не слышу. Скажи «хорошо, Маар».

«Проклятый ублюдок, убийца, вымесок!» — перед глазами плясали багряные пятна. Я сжала зубы, едва не взыв, мой мир сузился до одной пульсирующей боли в кисти, когда неестественно вывернулся следующий сустав. Страх и боль поглотили меня с головой, Маар схватил другую фалангу.

— Говори, ассáру, ты же не хочешь остаться без пальцев? — он надавил, и я, давась слезами, проглатывая их, всхлипнула.

— Хор-рошо, Маар.

— Не слышу.

— Хорошо, Маар!

Страж склонился надо мной, низко утопив меня в бездне черноты своих сумрачных стылых глаз.

— Запомни это, ассáру, не нужно меня злить. Если ты и дальше будешь выплёскивать свой яд и не подчиняться мне, я найду способы заставить тебя поступать иначе.

На меня нахлынуло дикое, не уместяющееся во мне отчаяние, я не в силах была справиться с ним, я могла сейчас согласиться на всё, что угодно. Всё, что он скажет, я сделаю.

Он вновь схватил моё запястье, а я взвилась.

— Не надо, прошу! Пожалуйста, не надо! Я буду есть, Маар. Прошу!

Страж дёрнул пальцы и отпустил, а я прижала руку к груди, поглаживая, как ребёнка, унимая ломящую мышцы и кости боль. Страж поднялся, вынудив меня быстро очнуться и схватить ломоть мяса, впиться зубами в белую мякоть. Я не чувствовала вкус, не чувствовала ничего, едва пережёвывая, проглатывала и снова вгрызалась в кусок. Маар молча наблюдал за мной. Я не смотрела на него, я боялась, проклятое тело предало меня. Мои руки тряслись, сердце лихорадочно колотилось. Я могла всё перенести, кроме такой острой боли. Кажется, у меня была истерика, в первые в жизни я не могла контролировать свои эмоции. Я жевала, вновь вонзала зубы в мякоть, рвала и проглатывала вместе со слезами, механически, делая то, что он говорил.

— Достаточно, — жёстко перехватил он мою руку, а я вздрогнула, вся сжимаясь в ожидании в очередной порции наказания, выронив остатки еды. — Хватит на сегодня, — сказал страж уже спокойнее.

Я не смотрела на исгара, да и не разглядела бы ничего — муть стояла перед глазами, горячие ручейки текли по щекам.

— Всё, тише, Истана, тише, — прозвучал его голос, проникая в самую глубину моей безысходности, толкаясь о дно моего отчаяния, сотрясая всё внутри.

Казалось, ещё скажет слово, и я сорвусь в бездну, откуда уже не вернусь. Рывок, и меня прижало к широкой груди ван Ремарта.

— Прости, прости... Ты вынуждаешь меня так поступать с тобой, Истана. Ты такая глупая, невыносимая.

Я замерла в изумлении, что холодом окатило плечи. Что он такое говорит?! Просит прощения, но зачем? Чтобы вновь наказать меня?! Мне остро хотелось его оттолкнуть, мне были омерзительны и в то же время так необходимы его прикосновения, тело продолжало предавать меня — оно требовало утешения и заботы, а он сейчас гладит, успокаивает — исгар знает, что делает, знает на что давить. У лютого Маара не может быть жалости ни к кому, это всё ложь. Ненавижу, как же я его ненавижу! Не верю! Но уже поздно — его признание своей вины ударило по самому уязвимому, вышвырнуло из колеи. Хотелось выть от разрывающих меня на части противоречивых чувств. Его горячая ладонь огладила мне скулу, он зарылся носом в мои волосы, мягко коснулся сухими губами шеи. Только спустя миг я осознала, что полностью в его объятиях, и он покачивает меня на руках, как маленькую девочку. Я сжала кулаки, напрягаясь — чувствительность к левой кисти вернулась, но ощущение дискомфорта осталось, отчётливо запомнив то, что произошло. Я попыталась отстраниться от его распалённой жаром груди.

— Нет, — он стиснул сильнее.

Я замерла, оставалось только сносить его стальные тиски. Это ненормально, это всё уже слишком!

— Маар! — раздался зычный голос Шеда за пологом.

Я вздрогнула, а страж только плотнее прижал меня к себе, сотрясаясь от раздражения.

— Мениэр!

Ван Ремарт всё же высвободил меня, заправляя за моё ухо влажную прядь, мазнув по скуле краями губ, оставляя лёгкий след влаги. Он поднялся, а я обессиленно повалилась на ковёр, успев выставить руки, чтобы не упасть совсем. По полу колыхнулся сквозняк, тронув языки пламени.

Я не помнила, сколько вот так сидела. На виски давило, стучала боль где-то в затылке, от съеденного меня подташнивало. Я осторожно пошевелила повреждёнными пальцами.

Глава 14

Маара трясло. Эта лживая дрянь свела его с ума. Он лишился рассудка окончательно. Ассáру толкнула его к краю, где он едва не сорвался в собственное безумие. Выйдя в другую часть шатра, оставив Истану одну, едва сумев оторвать её от себя, страж дышал рвано и глубоко. Оголённые нервы вместе с жилами, казалось, вот-вот лопнут от дикого напряжения. Она ведьма. Проклятая ассáру завладела им, она получила своё, он не контролирует себя — уже нет, его хладнокровность раскололась в дребезги, как глыба льда. Когда она закусывала губы и терпела боль, в этот миг он одурел.

Когда Маар увидел, что Истана не притронулась к пище, он вскипел. Желание придушить её всколыхнулись в нём ядом вместе с вожделием, которое становилось с каждым мгновением пребывания рядом с ней всё оглушительней, исступлённее, до того болезненно-остро ощущалось, что его яйца сжимались в узел, а член наливался кровью, доводя до помешательства и оглушительного звона в ушах. В тот миг, когда он нашёл Истану лежащей на постели, уже не спящей, но не желающей даже повернуться к нему, показывающей своё пренебрежение, Маар решил сначала затрахать её до полусмерти, а потом задушить за то, что она не слушает его, не исполняет то, что он требует от неё, во благо же ей самой. Упрямая, свободолюбивая, гордая ассáру осмелилась идти против его воли. Но когда её ненависть полилась из красивых губ, ударяя по нему комьями грязи, он озверел. Он впал во всепоглощающую ярость, жаждал вывихнуть её пальцы один за другим, мучительно медленно. Этот безобидный трюк он применял частенько, и тот всегда срабатывал, в нём нет ничего вредного — умелое движение, и жертва готова сдаться с потрохами. Маар делал это с мастерством палача. Истана сломалась. Холодная, неприступная ассáру покорила. Она бросилась к еде, со страхом и отчаянием, одичало вгрызалась в мясо. Маар видел, как тряслись её тонкие пальцы, как дрожали губы, и брови хмурились от обиды и боли, вздулись тонкие нити вен, по щекам текли блестящие слёзы, её всю колотило, вся её надменность рухнула, открывая ему другую Истану, такую беспомощную, уязвимую, трепетную, что внутри стража дрогнуло что-то. С дикой силой разорвалась внутри боль, едва не проламывая рёбра мужчины.

Маар просил прощения, утешал, лишь бы её боль внутри него стихла, лишь бы хоть как-то заглушить её надрывное немое рыдание. Он схватил

девушку и прижал к себе, стиснув в объятиях, успокаивая и утешая. С ним никогда такого не случилось. Никогда. Внутри растекался адский пожар, и горло перетягивала верёвкой жгучая вина за то, что он причинил ей такую боль, как оказалось, для неё почти невыносимую. Этого Маар не ожидал. Он причинил вред Истане, такой маленькой, хрупкой, ранимой. Он своей грубой силой искалечил её, раздавил и заставил страдать и корчиться от боли. Он ничтожество, он выродок. Истана права, в нём нет ничего хорошего, нет ничего человеческого, его руки по локоть в крови, а душа давно утопла в чёрной смоле ненависти и жажды возмездия. Он желал, чтобы страдали все, как и он когда-то. Так же безнадёжно и отчаянно, до остановки сердца он жаждал, чтобы и она страдала, как он, в тот миг, когда она обрушивала на него свою ненависть, чтобы на долю испытала ту муку и глубину мрака, что и он. Она его страшно гневилась, до испепеляющей одури, до бешенства и кровавых пятен перед глазами, он готов был в любой миг убить её и одновременно прижать к груди, целовать пальцы рук и ног, бесконечно дарить нежность и ласку. Ни одна женщина не вызывала в нём такое бешеное противоречие.

Но Маар понимал и другое — чем больше и ярче он испытывал всё это, тем сильнее ожесточался в нём исгáр. Тхара права — ему лучше её убить. Но уже слишком поздно. Маар это понял, когда только что держал Истану в своих руках, ощущая биение её сердца кожей, а его собственное трепыхалось в конвульсиях. Он не сможет. Уже нет. Он боится её потерять — старуха видела его насквозь, когда говорила это. Ассáру Истана — это его яд, и если он не найдёт противоядие, то в этой борьбе он погибнет рано или поздно...

Плевать.

Маар, больше не медля, схватил плащ с сундука. Накинув меха на плечи, вышел из шатра. Порыв ветра ударил в грудь, обдав снежной волной из ледяной крупы. Он немного отрезвил, остужая кипящий магмой пыл. Шед, закутанный так, что только одни глаза виднелись из-под капюшона, указал в сторону стойбища коней.

— Волки разодрали двух лошадей.

Маар скользнул взглядом по лагерю, оглядывая островерхие шатры, занесённые сугробами, среди которых с факелами в руках сновали его воины. Мела пурга так, что невозможно было отличить небо от земли, и только-только креп рассвет, окрашивая всё вокруг бледным золотом.

— Этой напасти стоило ожидать, нужно было заранее о том подумать.

Голодные звери, теперь испробовав легко добытого горячего мяса и крови, теперь повадятся нападать, и нужно что-то решать, иначе они к

окончанию ненастья лишатся всех лошадей — самого ценного, что есть у путников. Без лошадей застрянут неизвестно на сколько дней, недель или даже месяцев. Остался последний длинный переход, а там доберутся до земель Энрейда, что едва не граничит с долиной смерти, где и начинается Излом, где ждёт Маара новое пристанище — крепость Отрмор.

Добравшись до стойла, страж ощутил, как в нос ударил запах железа.

— От кобыл ни косточки не осталось, — докладывал Шед.

Кони, укрытые толстыми попонами, беспокойно толкли снег копытами, всхрапывали и вскидывали гривы, озираясь одичало. Донат с другими соратниками пытался их как-то усмирить: тормошил холки, гладил морды.

— Ночью нужно сторожить, — приказал Маар. — Поочерёдно.

Больше ничего и не оставалось. Шед кивнул и отошёл, окрикая и подзывая мужчин. Страж, похоже, после того разговора в обиде. Маар проводил его взглядом, повернулся и пошёл прочь, возвращаясь к своему шатру, прислушиваясь к завыванию ветра и тому ненастью, что творилось у него внутри. Так ведь легко упустить и угрозу — нужно быть начеку. Туда, где проливается кровь, приходят стервятники — урок, который когда-то заучил Маар от колдуна. И не важно, кто ими станет — твари Бездны или говорезы.

Дыхание стража отяжелялось при каждом шаге приближения к шатру, бухало камнем о рёбра сердце. Маар сжал кулаки и вошёл внутрь. Он скользнул внутрь шатра вместе с холодным воздухом и вьюгой. Сразу его остро и неумолимо потянуло к ней — посмотреть, вдохнуть, коснуться. Проклятое наваждение! Проклятая ассáру! Скинув себя тяжёлый мех, мужчина прошёл бесшумно по коврам, на ходу ощущая тишину. Заглянул за полог. Истана зябко свернулась на ложе, не шелохнулась, когда он появился, на этот раз не притворялась — уснула. Маар втянул в себя воздух, пропитанный ароматом её тела, призвал всю свою волю, чтобы оставаться холодным и равнодушным. Но он полностью и безнадёжно идёт на поводу у своих чувств, а этого не должно случаться с ним. С ассáру невозможно оставаться в покое, она дурманит голову не хуже самого крепкого навриимского вина. Стоит ему приблизиться, в нём против его воли сгущается кровь, бьёт горячими толчками в пах, вынуждая плоть каменеть и вздрагивать. Испробовав ассáру один раз, ему хотелось ещё, безумно хотелось снова вкусить её губы, проникнуть в горячее лоно, заполнив её собой, ощутить тугой захват, утонуть в озёрах её глаз.

Ступая по мягкому ковру, идя на поводу своего безудержного вожделения, Маар оказался рядом со спящей девушкой. Он опустил взгляд,

подобрав с пола шкуру, навис над свёрнутой в калач Истаной. Что-то дрогнуло внутри, когда он увидел, как она даже во сне прижимает руки к груди, пряча их от него, пряча себя от той угрозы, что подстерегает её каждый миг пребывания рядом с исгаром. Маар перевёл задержавшееся в горле дыхание, осторожно накрыл девушку, чтобы не потревожить и не разбудить случайно, хотя ему очень хотелось, чтобы она проснулась, чтобы распахнулись глаза, открывая синь неба, которая сейчас спрятана под длинными ресницами. Но Истане нужен отдых, Страж это понимал. Побелевшая, отощавшая, измученная Истана спала, но теперь сыта, хоть за это можно не беспокоиться. Маар собрался уйти, но не мог сдвинуться с места, задержался. Рука сама потянулась к ней. Ван Ремарт тронул шёлк волос ассару. Так бы и гладил дни и ночи, наблюдая, как переливаются все оттенки жемчужного и золотого в свете костра. Волосы ассару, струящиеся едва не до колен, невероятно мягкие и гладкие, как у ребёнка. Маар судорожно выдохнул, он хотел уйти, но продолжал стоять на прежнем месте, весь напрягаясь, ощущая, как наливаются мышцы тела свинцом, как тяжелеет пах. Почему он не возьмёт её прямо сейчас? Он убрал густые пряди за плечо Истаны и окаменел. Тонкая шея девушки покрыта синими пятнами — следы его пальцев, его ярости и желания. Внутри стража разлилась чернота. Ему не нравились эти пятна — его метки, означающие его власть над ней, да и что значит эта власть? Попытки подчинить тело посредством боли, тем самым всё больше отдаляя душу ассару от себя. В этот раз он был с ней слишком жесток, он перегнул палку.

Маар зло стиснул зубы, сглатывая сухо. У ассару не может быть души, только бездна, ледяная бездна вместо сердца, но стук его, такой горячий, такой сильный, отдавался ударами в его теле и твердил об обратном. Теперь ван Ремарта рвало на части от противоречия: с одной стороны, он не желает причинять ей боли и наблюдать, как в глубине её бездонных глаз рождается страх вместе с ненавистью, он не желает, чтобы страх был толчком её взаимности к нему, принуждённой, насильственной, всё же в этом было что-то уродливое. Истана слишком красива, идеальна, как фарфоровая статуэтка, ей не шли к лицу ни ненависть, ни страх, ни эти синяки и ссадины... Но, с другой стороны, исгар жаждал этой боли — пусть лучше будет это, чем пустота и холодное отчуждение. Эти синяки делают ассару немного живой. И всё же Маар решил не оставлять их на её коже, по крайней мере, он постарается.

Страж отошёл, оставив Истану. Бросил сучьев в очаг, вернулся к своему ложу. Опустился на шкуры, пытаюсь игнорировать сигналы своего острого желания, растянулся возле очага.

Буря крепла. Всё сильнее поднимался ураган над долиной, обрушивая на лагерь потоки снежного крошева. Маару нравилась такая непогода, стихийная, неуёмная, бурная — она поднимала внутри него волны чего-то огромного, необъятного, сокрушающего, того, что придавало ему сил и позволяло, пусть на немного, но забытья, отрешиться ото всего. Маар любил непогоду с детства. Он ярко помнил, как, сидя возле очага с колдуном, когда тот неспешно чинил одежду или сбрую в свете масляных ламп, ощущая буйство стихии за деревянными стенами, наблюдал как переливаются кровавые угли в очаге, чувствовал спокойное дыхания жара на своей коже. Тогда, когда ненастье рвало и метало всё снаружи, тогда он чувствовал ту хрупкую грань сил. Старик поглядывал на него тревожно, но молчал, он уже решил что-то для себя, решил судьбу маленького Маара — отдать его в храм к наставникам. Боялся ли его старик, раз поступил с ним так, отдал в когти стервятникам, где он будет учиться выживать, или решил, что так будет лучше для взрослеющего исгара? Маар никогда не узнает потом. Лишь с годами он начал понимать, что, если бы не попал в это пекло измывательств и пыток, не стал бы таким, какой есть сейчас. Его бы никогда не заметил совет, и Маар не получил бы титул. Сначала он таил обиду на колдуна, потом жгучую ненависть и в конце концов чувство благодарности. Маар носил его в себе уже давно, где-то в глубине надеясь высказать его старику. Только жив ли тот? Вытянутый сторбленный силуэт, тонкие, как верёвки, руки, повисшие вдоль сухого тела, спрятанного за полотном изношенного сукна. Колдун медленно удалялся от ворот храма — это последнее, что запечатлел о нём Маар, клеймом выжег в своей памяти. Колдун ни разу не обернулся.

Страж выдохнул, когда очередной порыв хлынул на лагерь, проносясь меж шатрами остервенело и с рёвом. Что, если Ирмус и впрямь узнает об ассару и захочет забрать её у Маара? Его будто варом ошпарило при мысли об этом. Владыка хоть и доверяет стражу, считая исгара едва ли не своим преемником, и всё же иногда Маар ловил его настороженность, бывало. Тхара не зря твердит, что Ирмус как подпускает близко, к самому своему сердцу избранных, так может, если посчитает нужным, необходимым во благо себя и земель империи, отдать приказ полоснуть по горлу без предисловий.

Ирмус слишком озабочен своей властью, у него есть дела куда важнее, чем верить всяким сплетням о найденной ассару. Маар дёрнул желваками, вперившись потемневшим взглядом в потолок шатра, наблюдая за игрой теней, ловя себя на том, что готов идти против Ирмуса, но Истану не отдаст.

Он боится её потерять... Проклятая ведьма! А может, это всё морок?
Может, он заблуждается? И как только Маар насытится Истаной вдоволь,
наиграется со своей добычей, отымеет столько, сколько жаждет, он сам
отдаст её правителю?

Глава 15

Буря стихла на следующий день, но как же мучительно долго тянулось время пребывания в одном шатре с исгаром! Весь вчерашний день я проспала, когда ван Ремарт ушёл, и я почти мгновенно отключилась. Потрясения, случающиеся со мной изо дня в день, вынуждали впасть в беспробудную спячку. Сон мой был беспокойный, но главный мой кошмар я находила за пологом, даже сквозь сон его ощущала. Иногда пробуждаясь, я прислушивалась к шелесту вьюги и боялась шелохнуться, чтобы страж, не дай богиня Ильнар, не понял, что я не сплю, чтобы он не пришёл на звук и не завершил начатое. Ведь исгар чуял всё каким-то внутренним нюхом. Проклятый пёс будто предугадывал мои действия наперёд. Слава Всесущей, ночь была спокойной несмотря на мои тревоги, утро наступило уже скоро.

Но мой покой был разбит вдребезги. Пока я наскоро умывалась, раздевшись по пояс, Маар бесшумно вошёл. Я спохватилась мгновенно, прикрывшись сорочкой.

— Оставь, — раздался тут же короткий сухой приказ.

Я слышала тяжёлое дыхание Маара, и оно не сулило мне ничего хорошего. Моё сердце затрепыхалось, я чувствовала спиной его взгляд, его жар разливался по моей оголённой спине.

— Повернись.

Голос Маара был спокойным и между тем требовательным, рискованно идти на попятную. Яд ненависти расплёскивался по венам от одной лишь мысли о том, что мне приходится быть его невольницей, подчиняться ему, одно это причиняло мне невыносимую муку. Горькое предчувствие разлилось во мне тошнотой. Втянув в себя больше воздуха, я медленно повернулась. Страж был оголён по пояс, и обтянутый кожей штанов огромный возбуждённый детородный орган давал мне понять о его намерениях. Он медленно приблизился, а я перестала дышать. Я не смотрела на него, когда он положил ладонь на мою грудь. Хотелось немедленно отпрянуть, но его глаза вспыхнули тут же гневным пламенем, и я не смогла пошевелиться, слишком дорого мне это обойдётся. Он твёрдо потёр между пальцами сосок, и между бёдер разлилась тяжесть. Я сомкнула губы, противясь этому. Глупое тело реагировало вразрез с моими чувствами.

— Тебе нравится?

— Нет.

— Маленькая лгунья, — прохрипел он.

Прекратив ласкать грудь, Маар опустил руку ниже, погладив живот. А я едва не зажмурилась, принуждая себя терпеть его прикосновения. Он подобрал полы сорочки, разомкнул ребром ладони мои ноги, настойчиво погладив чувствительные складки. Висок опалил тяжёлый вздох мужчины.

— Ты очень горячая и влажная. Ты готова вновь принять меня.

— Нет, — закрыла я глаза, отворачиваясь.

— Нет? — Маар раздвинул мои ноги своим коленом шире, продолжив пальцами поглаживать лоно.

Я не успела перевести дыхание, как палец стража скользнул внутрь меня. Я зажмурилась, ожидая боли, но ее не последовало. Маар погрузил палец ещё глубже, а я почувствовала наполненность, и, что хуже всего, стены покачнулись и поплыли. Ещё один судорожный вдох стража. Он отстранился, поднеся влажные пальцы к лицу, прикрыл ресницы, втягивая запах, а потом будто одичал, опустил руку, рывком высвободил свою окаменевшую плоть.

— Дотронься, — велел он.

Я отшатнулась, но страж тут же перехватил моё запястья, прижав к своему члену, вынуждая обхватить. Его плоть в моей ладони вздрогнула. Гладкий, горячий, он пульсировал в моей руке, как будто становясь ещё больше.

— Вот так... — прошептал глухо Маар, подаваясь бёдрами вперёд, напряжённо толкаясь в мою руку, теперь весь обращаясь в камень.

Он вновь просунул ладонь между моих ног, принялся ритмично поглаживать лоно, одновременно качая тазом так, что его член скользил в моей руке. Маар вновь погрузил в меня палец, врываясь им в лоно, беспрерывно заскользил им. Моё дыхание сбилось, исгáр вынуждал, подчинял и в то же время был терпелив. Я забыла о своей ненависти, забыла обо всём, проваливаясь в бездну. Желание, исходящее от исгáра, вливалось в меня вместе с запахом мужчины, запахом горького дыма и еловой смолы, тягучим, густым, он дурманом проникал в меня через кожу, заполняя, вытесняя всё лишнее. Губы Маара накрыли мои, его дыхание смешалось с моим. Я попыталась стиснуть зубы, но его ласки... Желание демона накатывало на меня горячей волной, сбивало и сокрушало, я едва могла стоять на ногах, не то что найти силы противиться. Страж, ощутив моё временное замешательство, ускорил проникновения, доводя до полного изнеможения.

— Ты такая сладкая, Истана, — хрипло проговорил он, жадно

впиваясь в губы.

Меня будто вышвырнуло из тела, блаженство и гнев разрывали на части, из горла едва не вырвался крик о том, как я его ненавижу, но я только бессильно обмякла в его руках, почувствовав, как в ладонь ударила тугая струя, растекаясь горячей влагой по пальцам. Экстаз выпрыскивался из головки до последней капли, Маар рвано выдыхал мне в губы, его блаженство растекалось по моей коже вместе с его семенем, голова закружилась от его тягучего запаха.

Спустя только миг ко мне вернулась способность мыслить. Через туман я поняла, что только что произошло, но не могла и пошевелиться. Маар держал меня в руках, продолжая дышать тяжело и рвано, я слышала бешеный грохот его сердца и трепыхание своего собственного. Мои колени дрожали, как и всё тело. Провалиться бы мне сквозь землю. О, если бы это было возможным! Хотелось просто рыдать от раздирающих меня противоречивых чувств.

— Ненавижу, — всё же вырвалось из меня вместе с выдохом.

Но Маар только хмыкнул, а я поджала губы от досады, непонятно какой.

Страж отстранился, молча вымыл мою руку в ушате и ушёл. Оставшись одна, я торопливо смыла остатки следов его пальцев и своего собственного желания с бёдер, оделась. Голова была совершенно пустой, я пыталась вытягивать из себя хоть что-то, что могло отгородить меня от ван Ремарта, но ничего не выходило.

Маар вернулся вновь, на этот раз принеся еды. Пусть лучше бы он проваливал, но его терпение продолжало обезоруживать. Горячая похлёбка, в которой плавали кусочки мяса,пряно пахла какими-то специями. Я ела через силу, ощущая его затаенный чернотой взгляд на себе. Никогда не любила, когда за мной наблюдают — кусок в горло не лез, но выбора у меня, конечно, не было, ярко напоминали мне о том пальцы, вывихнутые и умело вправленные этим убийцей, палачом и извергом. Нет, он не способен ни на что, кроме как ломать и калечить душу. Маар пялился на меня неотрывно, и меня дико злило то, что он всё ещё был без верхней одежды. Мышцы под загорелой кожей перекачивались туго при каждом движении, вынуждая наблюдать за тем. Страж сделался каким-то отстранённым, будто что-то важное завладело им изнутри.

Когда послышались мужские голоса, Маар поднялся. Приказав мне собираться в дорогу, страж удалился. Смазав синяки на запястьях, шее и груди, ощущая всё ещё его пальцы внутри себя и раскатывающуюся глухим отголоском дрожь по телу, я собралась торопливо, стараясь не думать, не

вспоминать, оделась тепло.

Лицо всё ещё пылало от дикого бессилия и нелепости того, что миг назад случилось, что я могла испытать то, что испытала, в руках этого... Этого... Я сжала кулаки, расходясь гневом. Я не должна была, но жар до сих пор прокатывался по телу тяжёлыми сгустками до дрожи в пальцах. Хорошо, что вскоре я полностью отвлеклась от этого безумия за сборами. Лагерь уже был свёрнут, а воины поднимались в сёдла — предстоял долгий путь.

От своей лошади, надо признать, я отвыкла, мне не удалось подняться в седло с первого раза. Запуталась в многослойных юбках, а потом и в узде, да и всё ещё не могла сосредоточиться. Подняться на лошадь мне помог Донат, пощадив, видно. Сжал крепко, но осторожно, пояс, почти подбросил.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась я ему.

Глаза стража в это утро соперничали по синеве с небом, такие яркие они были, но мгновенно взгляд его стал тягучий, когда прошёлся вдоль моего тела. Конечно, ему бы не стоило ко мне приближаться вовсе, и вскоре это опасение подтвердилось хлёстким взглядом Маара, с которым я, не желая того, столкнулась. Таким мрачным и удушливым он был, что невольно дыхание сбилось. Усевшись удобнее, перехватывая поводья, я избегала смотреть на Ремарта, хотя мне казалось, что он повсюду и внутри меня, исследует и контролирует. Тронула пятками белые бока кобылы. Мне страшно не нравилось то, что я испытываю, хотелось выдрать из себя с корнем все чувства, да только росли новые, ещё крепче, чем предыдущие. В конце концов, я бросила эту затею.

Восход был потрясающим, после лютой бури благодать опустилась на холодные земли неопишуемой красотой. Воздух искрился серебром, снежные барханы тянулись до бесконечности, как волны, чистые, ослепительно белые, они слепили глаза так, что проступили слёзы, и больно было смотреть. Вскоре мне уже не нужно было усилий, чтобы не думать ни о чём: стылый воздух бодрил, избавляя от всего лишнего, и голова с каждым пройденным шагом всё яснела, хоть и кусал железными зубами мороз за незащищённые участки кожи. Вереница тянулась медленно, утопая едва не по лошадиное брюхо в сугробах, но всё же двигались, всё дальше уходя от места становища. Но как бы я ни отвлекалась, любуясь первозданной суровой красотой долины, невольно выделяла взглядом исгара. Едва его взор касался меня, по телу прокатывалась горячая волна. Она скапливалась в груди и растекалась по бёдрам и ногам до самых кончиков пальцев. Глаза Маара, такие чёрные на

фоне невыносимо белой долины, вонзались кинжалами. Плотнo сжатые губы, изгиб которых мной уже слишком хорошо изучен, говорил о том, что ему не понравился жест Доната. Я всерьёз взволновалась. Если вчера исгáр казался сущим демоном, полуобнажённым, взъярённым, то сейчас был сдержанный, хладнокровный, в литом панцире брони, сверкающем в морозных лучах, с длинным, в полтора метра, мечом на поясе. В мехах он был Мааром ван Ремартом, верным подданным короля.

Мне стало не по себе от того, как страж меняется, и не только внешне. Если вчера он взрывался вулканом, то сегодня... Я невольно вдохнула глубже. Он убийца, его брат убил беззащитную девушку, просто задушив её, когда получил своё, погубил безжалостно и жестоко. Яд ненависти мгновенно застелил глаза. Я задышала часто, чувствуя, как внутри разбегается бездна, и пусть умом я понимала, что это было давно, боль была такой острой, невыносимой, будто всё это случилось вчера. Случается каждый раз, когда исгáр прикасается ко мне. Хотела бы я об этом снова забыть? Нет, теперь — нет и нет, даже если мне кто-то даст зелье, способное выжечь всю боль, я не приму его.

«Я не хочу забывать! Я хочу... — я сжала губы, дрогнув — ... возмездия».

Боль настолько ослепила меня, что стало просто нечем дышать, память потянула меня ко дну.

— О чём ты думаешь, ассáру?

Я вздрогнула от неожиданности, но не подала вида, что не заметила приближения исгáра. Открыла глаза и повернулась, ответив честно:

— О твоей смерти, исгáр. О том, как ты будешь гореть в пекле.

Маар хмыкнул только и, признаться, тем самым вывел меня из строя. Его реакцию на одни и те же слова невозможно предугадать, она была всегда разной. А вот он, похоже, мог запросто уловить любое изменение в ком и в чём угодно, и обязательно пользовался этим в угоду себе. Ублюдок.

— Если ты желаешь мне смерти, то думаешь не о том, ассáру, огонь не может причинить мне вреда.

Лжёт или говорит правду? Я хмыкнула, прищурившись от холодного ветра, исследуя его лицо, непроницаемое, твёрдое, невозможно красивое, высеченное из камня умелым мастером. Держалась непроницаемо, не допуская и мысли о том, что случилось утром в шатре. И всё же ему удалось сбить меня с толку, когда его губы растянулись в улыбке, открывая ровные белые зубы. Этот неожиданный жест полностью меня обезоружил.

— Что же может тебя уничтожить? — спросила я, раздражаясь.

— Ты так жаждешь моей смерти?

— Ты мучаешь меня.

— Ещё недавно твои томные вздохи говорили об обратном.

В ушах даже зазвенело от возмущения и жгучего стыда, что он был прав.

— Ты изнасиловал меня и вытолкнул на мороз, ударив конским кнутом, ты заставил тащиться за тобой весь день, а вчера повредил мне пальцы.

— Ты не знаешь, что такое боль. Я мог бы отдать тебя своим воинам, и они бы драли тебя изо дня в день по очереди во все щели. Я могу сделать твоё существование невыносимым, и ты в этом сама будешь виновата, асса́ру, несносная глупая гордячка. Ты не умеешь держать язык за зубами и нарушаешь мои приказы. В конце концов, ты лжёшь мне.

Кажется, Тхара говорила о том, что демон не приемлет обмана.

— И в чём же? — как можно беспечнее спросила я, хотя моё сердце забилося быстро.

Маар повернулся, утопив меня во мраке своего горячего взгляда.

— Как только я узнаю, в чём, ты сразу ощутишь это на своей шкуре, — пообещал он.

В голосе его прошелестел металл, а я поёжилась и тут же одёрнула себя, приподнимая подбородок. Он может угрожать сколько угодно, мне безразлично. Его запугивания мне не страшны. Но вслух я ничего не сказала, единственное, чего мне хотелось сейчас, чтобы он отдалился от меня, катился к чёрту и оставил в покое. И кажется, мои взывания были услышаны, ван Ремарта окликнул Шед, и страж, оставив меня, пустил чёрного, как тень, коня вперёд. Вороной был под стать всаднику. А я смогла перевести дух, ощутив, как горячее давление исгара ослабло.

Глава 16

Она выводит его на эмоции, намеренно распаяя в нём гнев, чтобы позлить лишний раз, проверяя его терпение на прочность. Но зачем? Какая ей в том выгода, кроме его выплесков ярости к ней? Ведь знает, что это может рано или поздно обернуться смертью для неё. Неужели ассáру настолько глупа? Но этого не могло быть, эти твари очень хитры и умны, потому не стоит поддаваться на их уловки. Или она и впрямь так ненавидит, что со всей отвагой и отчаянием бросается в пасть к зверю? Но эта смелость должна ведь откуда-то брать истоки. В чём заключается источник её яда, источник её силы, её ненависти к нему? Видит великий Бархан — она неисчерпаема, раз её не учат наказания исгáра, его угрозы. Тогда вопрос поворачивается другой стороной — зачем он испытывает себя, проверяет на прочность каждый раз, когда прикасается к ней?

Всё это приобретало черты безумия, его собственного ада, когда он понял ещё вчера, что не желает причинять ей боли. Хотя Маар уже вполне мог бы насытиться ей, он почему-то обходится с ней осторожно.

Приподнятый дух, что принесла ему податливость Истаны, потом убил очередной выплеск грязи, и свежее утро меркло постепенно. Маар злился. Теперь всё вызывало в нём ярость: и этот затянувшийся переход, и этот нескончаемый снегопад, и усиливающаяся зависимость от ассáру. Проклятый холод, исходящий из пасти самой Ледяной Бездны, дышал на земли извечной мерзлотой. Маару он был безразличен, ему было плевать на эту безжизненно белую пустошь до того, как встретил ассáру, которая страдала от этого холода.

Страж поднял взгляд. Пусть и утреннее небо сейчас очищено от облаков, но это ненадолго. Маар чуял приближение ненастья, и наступит оно сразу после полудня, потому нужно было спешить вдвойне, чтобы хотя бы добраться до границы Энрейда. Не хотелось останавливаться в этой твердыне, но видно по-другому и не выйдет.

Маар пустил вперёд жеребца, решая держаться от Истаны подальше — ему нужно оставаться в покое для общей безопасности всего отряда, хоть это было почти невозможным. Отпустить её на волю оказалось для ван Ремарта непосильной задачей, когда её окружают столько мужчин, что смотрят на неё голодными глазами. Маар выловил взглядом Доната, тот словно ощутил на себе внимание предводителя, повернулся. И пусть страж смотрел твёрдо, он ощущал давление исгáра, иссушающее его нутро. Донат

сглотнул — резко дёрнулся его кадык — и Маар отпустил. Это было последнее предупреждение Ремарта, младший страж это понял.

Непогода застала их сразу после полудня, буря медленно, но неотвратимо поднималась, разгоняя по холмам позёмку, ударяя в спину порывами ветра. Небо затянулось тучами, плотными и низкими. Ещё можно было передвигаться, но когда стало темнеть, то это перестало быть возможным — совершенно потерялся горизонт, на расстоянии вытянутой руки не видно стало ничего, хоть до скал оставалось совсем немного. Отряд продолжал пробираться вперёд, чтобы не останавливаться и не собирать вновь шатры — скалы укроют от непогоды. Маар оборачивался, лоя взглядом Истану, она куталась в меха до самого носа, отворачиваясь от хлёткой пурги, едва ли не жалась к холке кобылы.

Ещё немного, и завиднелись очертания кряжа, они, будто неподвижные горбатые чудища, возвышались над равниной и сильно походили на нойранов — порождений Бездны. Маар только о том подумал, как очередной порыв ветра принёс едва уловимый запах, который исгар узнал бы из тысячи. Запах серы вьелся в самую глотку, вызывая спазмы в горле. Теперь не было сомнений, они были там, среди каменных откосов. Маар дёрнул поводья, разворачивая жеребца к отряду.

— Назад! — громыхнул он.

Едва он отдал приказ, как донёсся со стороны нагорья пронзительный скрип сродни трущегося ржавого колеса, такой пронзительный, что в ушах оставался после невыносимый адский зуд. Лошади взвились ошалело, и воины едва их удерживали. Истана закрыла уши ладонями, зажмуриваясь, её страх полоснул стража ножом острее, чем запах нойранов.

— В кольцо! — отдал Маар следующий приказ, выдёргивая меч из ножен.

Воины сомкнулись, заталкивая Истану и обоз в сердцевину кольца. Нойраны всегда нападали стаями, и потому держаться лучше вместе. Скрежет стих, и только шумела буря, скручиваясь в воронки, осыпая воинов и камни снегом. Маар взглядывался в пелену, ощущая, как вонь становится всё гуще, а внутри него снежным комом нарастало напряжение. Перед атакой всегда так, но сейчас, когда рядом была она, давило намного тяжелее, так, что вены вздувались, едва не рвань. Нойраны не показывались. И можно было подумать, что отступили, но вскоре исгар почувствовал, как дрогнула земля, и в следующий миг из самой пурги, будто призрак, выпрыгнула огромная, весом с быка, тварь. Маар всадил клинок в грудную клетку, откидывая полуволокна-полувепра от себя, но не успел высвободить меч, как мелькнул ещё один нойран, и ещё. Нападая на

животных, твари пугали их и изматывали, но неизбежно напарывались на острые жала стражей. Лилась из утроб чёрная, как смола, кровь, пачкая белый снег. Воины действовали чётко по выработанной тактике, умело и быстро. Но когда позади послышалось ржание кобылы, всё разрушилось. Маара будто копьём прошибло, он обернулся, судорожно выискивая взглядом Истану. Лошадь ассару вздыбилась, когда перед ней прыгнул нойран, скользнув под животное, словно змей, и длинные, как кинжалы, зубы вгрызлись в бок метнувшейся прочь лошади. Донат, который находился к ассару ближе всех, кинулся отбивать. Едва он сдвинулся с места, как другое порождение бросилось на спину мужчины.

— Донат! Берегись! — прокатился и тут же заглох под натиском бури окрик Шеда.

Истана вскрикнула. Удар нойрана обрушился на стража, сбивая его с ног, делая прореху в круге.

Маар бросился к обозу, но было уже поздно, твари хлынули в середину, разбивая круг окончательно, терзая животных, в то время как кобыла понесла ассару прочь к кряжу, а за ней несколько порождений, что гнали взбесившуюся от смертельной раны кобылу.

— Маар!

Оклика Шеда ван Ремарт не слышал, прыгнув на жеребца, он пустил того в погоню. Его пронзило сотнями ножами от одной мысли, что Истану он больше не увидит, она оглушила и ослепила одновременно, заковывая его в панцирь льда. Он гнал вороного, не щадя, ударяя его плетью по крупу, пуская в сторону, куда унесла Истану лошадь, нагоняя преследующих её тварей. Он чуял их смрад, гортанный хрип и скрежет дыхания. Маар одним рывком выдернул меч, обрушиваясь на нойрана из снежной бури, пырнул, вгоняя меч в брюхо, пронизывая порождение насквозь. Руку залила горячая обжигающая руда, туша рухнула рядом, исгар рванул оружие, рассекая лезвием воздух, полоснув по толстой шее уже летящего на него со скалы второго нойрана. Тот, взвизгнув, кубарем покатился по камням, взбивая снежные вихри. Короткая передышка, страж рванул жеребца, посылая вперёд, проносясь по крутым откосам скал, совершенно потеряв из поля своего зрения Истану. Исгар чувствовал её, но страх того, что она смертельно ранена, стягивал горло тугой удавкой — он задыхался, несясь под яростными порывами бури, и едва успел остановить коня, когда перед ним разломом упала пропасть. Сердце колотилось бешено, взгляд исгара метался, на дне ущелья никого не было, как и в окружении.

— Истана! — гаркнул он, рвя связки, не чувствуя её и не понимая, где искать. — Истана!

Маар спрыгнул с коня, бросился на поиски по краю обрыва, его обожгла её боль, едва не сбивая с ног. Исгар побежал на источник, внутри него разливалась чернота от того, что не успел, что уже поздно. Женский всхлип раздавался где-то рядом, он едва не споткнулся, услышав его, забежал за откос, уронил оружие, рухнул на колени, сгребая найденную девушку в охапку.

— Где? Где болит? Истана. Скажи. Где? — шептал он, сдавливая в руках хрупкую ассару, сходя с ума, ощущая на языке запах её крови.

Лицо Истаны только искажалось мукой от его прикосновений. Она глотала воздух и не могла ничего выговорить. Маар сорвал зубами перчатки, огладил её лодыжку, ощущая влагу на пальцах, разодранный сапог и чулок. Сжал крепко плечи Истаны, будто не верил ещё, что она цела, убрал с лица волосы, смахивая снег, заглядывая ей в глаза, но та никак не хотела смотреть на него.

— Они укусили?

Истана мотнула головой, стискивая зубы. Маар выдохнул. Видимо, когда падала с лошади, ударилась о камни. Рана была неглубокой, но лучше скорее перевязать. Он внимательно осмотрит девушку немного позже. Разорвав ткань нижней сорочки, исгар быстро перемотал сочащийся рудой рубец. Кровь быстро напитывала ткань, но всё же понемногу останавливалась. Истана остекленевшим от потрясения взглядом наблюдала за ним.

— Что с Донатом? — дрогнул её голос.

Завязав туго жгут, Маар поднялся, рывком и, наверное, грубее, чем ему хотелось, подхватил на руки ассару. Оставив её вопрос без ответа, посадил в седло. А внутри будто сотни пастей нойранов вгрызлись душу от того, что Истана спросила о другом мужчине, переживает за другого. Отсекая жгучую ревность с яростью, страж вернулся за оружием, вогнал меч в ножны. Задушив в себе гнев, осмотрелся, приняхиваясь — кругом чисто. Только лошадь Истаны лежала в снегу с разодранным в клочья боком, мёртвая. Раздумывать не было времени, он это сделает потом, а сейчас нужно торопиться назад, неизвестно, что там. Маар оставил отряд, и это с его стороны непозволительно. Он вернулся. Истана, сжимаясь вся, царапнула стража колючим взглядом, будто он был причиной этого нападения. Маар поднялся в седло, прижал дрожащую ассару к груди, когда она попыталась от него отстраниться, пустил жеребца обратно к отряду.

Снег заметал тела тварей. Их нужно будет сжечь, всех до единого, их кровь отравляет землю и воды в ней. Как Маар и думал, потери случились. Он стиснул зубы, когда издали почуял кровь и смерть. Несколько

разодранных лошадей, не считая кобылы Истаны, и один воин. Один воин из двадцати — это поражение. Когда Маар собирался в крепость, он дал клятву самому себе, что ни одно порождение не заберёт ни одной души из его отряда, ведь его отряд — это лучшие тренированные воины, которых он выбрал для себя. Семнадцать лойонов и три стража, включая самого Маара. Но Шед и Донат были всего лишь тенью ван Ремарта, потому что только в нём жил исгар. Его кровь — кровь самого пекла. Колдун увидел в нём это и отдал в храм, он был бессилён справиться с демоном внутри него. И никто не мог, только сам он, Маар, научился управлять собой. Он так думал, верил в эту иллюзию до того мига, как нашёл ассару.

Помимо лойона был смертельно ранен страж. Доната уже уложили на подстилки, и Истана едва ли шею не сломала, наблюдая за тем. Она готова была броситься к нему, но не могла пошевелиться, заключённая в руках Маара. Кромсала ван Ремарта на живую, показывая всем своим видом, как не безразличен ей молодой страж, а его ненавидела всем естеством.

Алую пелену боли от выгрызающий нутро ревности разорвали голоса и спешащий к предводителю Шед.

— Все нойраны мертвы, — отчитался он.

Осуждение, как ржавчина, проскрежетало во взгляде стража. Взгляд его вьелся в Истану.

— Собирай всех, — отдал приказ Маар, почти не видя перед собой ничего, ослеплённый яростью, — укроемся в ущелье.

Ушло много времени, чтобы переместиться в укрытие, разжечь костры, поставить шатры. Истана спряталась в глубине одного из них, когда ван Ремарт сжигал тела порождений. На этот раз их было гораздо больше, чем в Сожи. И беспокойство Совета стало небезосновательно — граница в самом деле слабла, хотя Маар в глубине души думал, что тому явно что-то способствовало. Вот только кому это необходимо? Как бы ван Ремарт ни раздумывал над тем, а найти ответы не мог, надеясь, что как только окажется на месте, что-то да прояснится. Впрочем, король тоже рассчитывал именно на это.

Маар вернулся в шатёр только к полуночи. Устало скинув с плеч одежду, пропитанную кровью нойранов, обмылся в лохани, мотнул головой, встряхивая влажные волосы, приходя в себя. Поглядел в сторону, где осталась ассару. Девушка вела себя тихо. Её рану нужно будет как следует осмотреть, чтобы убедиться, что яд в её тело не попал. Едва Маар вознамерился это сделать, вытершись полотенцем, в шатёр явился Шед.

— Донату стало хуже, — объявил он, и, конечно, от исгара не ушло,

как страж стискивал зубы, злясь. Он, верно, винит во всём девчонку.

За пологом послалось шуршание, Маар вытянулся, когда к мужчинам вышла Истана. Ремарт пригвоздил её тяжёлым взглядом — разве он позволял? Та, дыша тяжело, твёрдо, с долей решимости посмотрела на него, хоть волнение сдавливало ей горло. Её тонкую шею хотелось стиснуть пятернёй, она явно себе смерти желает. Ремарт был в шаге от того, чтобы затолкнуть Истану обратно в укрытие, а потом вновь преподать урок, такой, чтобы она уже наверняка выкинула из своей светлой головки подобного рода выходки.

— Позволь мне его осмотреть.

Маару показалось, что он оглох. От того, как быстро в нём всплеснулась ядовитая, словно кровь нойранов, ревность, он едва не ослеп. Тут же взял себя в руки, овладевая собой. Проклята ассару.

— Нет, — ответил понизившимся до шипения голосом.

Голубые глаза Истаны потемнели, лютое негодование всплеснулось в них, оно всегда появлялось, когда Маар гнул её и ломал.

— Возможно, у него началось воспаление от ран, а у меня остались травы, которая дала мне... — Истана замолкла, быстро глянув на Шеда.

Маар повернулся к стражу.

— Возвращайся, я скоро подойду.

Шед сдержанно кивнул и покинул шатёр. Оставшись наедине с ней, Маар почти осязал, как колотится маленькое, но такое горячее сердце Истаны, сердце, которое может только лгать, как и эти невыносимо пронзительные глаза и плотно сомкнутые губы. Маара едва не швырнуло вперёд, чтобы стиснуть Истану в своих руках и приникнуть к этим мягким губам, тёплым, нежным, упоительно сочным. Вместо этого он медленно сделал шаг, откидывая полотенце на жердь. Истана не двинулась с места, хотя всё её нутро панически бросалось прочь, прочь от исгара, от того демона. Но внешне она была совершенно ледяная. Гордая, упрямая Истана. Она всегда будет бросать ему вызов своей непокорностью, недостижимостью, не понимая, с кем желает бороться. Глупая Истана. Маар смотрел в её глаза, нависая над девушкой скалой, наблюдая, как всё больше зреет в её взгляде непреклонность, чистый лёд, об который можно биться сколь угодно, а не добраться до живого, да и бесполезно — его нет в ней. Он медленно опустил взгляд ниже, на тонкую шею и ложбинку между тонкими хрупкими ключицами в вороте платья, на поднимающуюся во вздохе округлую грудь.

— Он тебе нравится? Ты хочешь его, Истана? — вернул он взгляд на её глаза.

— Ему нужна помощь.

Не ответила прямо, не сказала нет, играла на его и без того оголённых нервах.

— Отвечай на вопрос.

— Нет.

— Лжёшь! Я видел, как ты ему улыбалась. Улыбнись мне, Истана, ведь я, как ты того можешь сколько угодно не замечать, но спас твою шкуру, — Маар поднял руку, убирая воздушную льняную прядь за её плечо, костяшками пальцев провёл по её щеке, тягуче опуская взгляд на губы, ощущая, как пламенеет всё внутри, закручивает в воронку так, что земля под ногами становится топкой. — Ну, что же ты молчишь, хочешь отблагодарить меня?

— Позволь мне помочь, и я... — она сглотнула, длинные, как беличьи кисти, ресницы дрогнули.

Глаза Маара загорелись голодно, исгáр в нём бушевал, метался горячим дыханием в груди. Ремарт погладил подушечками пальцев её нижнюю губу, подбородок, опустил руку ниже, проведя по горячей шее, обхватил, чуть сдавил.

— Что ты? Продолжай... — его член упёрся в плотную ткань штанов, его качало от тугих волн желания. — Ну...

— Отблагодарю.

— Хочешь ставить мне условия, маленькая лживая сука? Я могу заставить тебя сделать всё, что угодно, и без твоего вознаграждения, войти в твой маленький ротик прямо сейчас, ты же этого никогда не делала, как я помню.

Глаза Истаны зажглись гневом, так ярко, почти ослепительно — истинная её суть. Да, именно этого он и хотел, ощущать вихрь её чувств к нему, пусть даже таких. Она сжала губы плотнее, будто боялась, что он и в самом деле собрался исполнить угрозу. Хотя признаться, он хотел бы, чтобы она отсосала у него, был бы не прочь ощутить, как эти тугие губки плотно смыкаются вокруг его плоти, размеренно скользят по всей длине. Член будто смолой горячей налился от одного этого представления, в то время как ярость ассару колола его сотнями игл извне. Маар знал, как рвутся из её горла проклятия в его сторону, но она силой своей воли сдерживает их, желая оказаться рядом с Донатом, чтобы он позволил, отпустил.

— У тебя есть четверть часа, — ответил он, убирая руку и отступая, слыша её облегчённый полувдох, будто удар плетью по сердцу.

Девушка развернулась резко, бросилась за полог, будто этого только и

ждала, позабыв о собственном увечье, торопясь собрать нужное, а внутри Маара разрывало всё на части — зачем отпустил? Она вновь повликала на него каким-то невиданным образом. Чёртова бездушная сука. Но данного слова он не мог забрать назад, пусть идёт, но после...

Страж судорожно втянул в себя воздух, когда холод обдал его спину, как только Истана вышла.

Маар опустился перед костром. После её ухода стало ещё хуже, в глазах темнело от ошибки, которую он совершил. Он всё же это сделал. Он уступил ассару. Сегодня он позволил ей это, а завтра она уничтожит его, заковав в панцирь льда. И в этом будет виноват только он. Всё сотряслось в нём при этой мысли, но воздух был неподвижен, как и сам он. Нет. Ей не удастся. После всего того, что он испытал на своей шкуре, он не позволит какой-то упрямой сучке приблизиться к нему, как бы ни жгла она его своими лживыми эмоциями. Огонь густо полыхал в полумраке укрытия, наполняя теплом, окутывая ватой. Маар посмотрел в сторону входа.

— Фолк! — окликнул лойона, которого поставил стражем у входа.

Полог тут же откинулся, и внутрь заглянул чернобородый мужчина с карими глазами и острым вороньим взглядом.

— Проследи за ней.

Фолк коротко кивнул и вышел, а Маар откинулся на шкуры, растягиваясь возле костра, прикрыв веки. Злость горячила, плескалась ядом в самой глотке, но нужно стабилизироваться. Подождать, когда она вернётся, и тогда он восполнит всё то, что она у него украла. Увёртливая сука посмела манипулировать им своими выходками, забрав его покой, неизбежно проламывая в нём щит. Маар чувствовал, как по раскалённому граниту ползут неизбежные трещины, и что было за той стеной, ему самому неизвестно, но явно ничего хорошего. Маар всё ещё был оглушён волнами её эмоций, таких неповторимо разных. Он каждый раз испытывал их, ловил их, смаковал, пробовал на вкус, но не погружался слишком глубоко. Почему? Чего он остерегается? Да ему и не нужно этого делать, она ничего для него не значит.

Маар считал каждый свой вздох, ожидая того мига, как вернётся Истана, остро предвкушая, как она станет его благодарить, как встанет на колени перед ним, раскрыв свои розовые губки, ощущал так глубоко, что темнело перед глазами, а член болезненно пульсировал. Безумно хотел её, до звона в яйцах, до оглушения. Но время растянулось в вечность, а ожидание становилось невыносимым. Она сейчас там, рядом с Донатом, помогает ему, заботится. О Мааре позаботились всего однажды, когда

колдун нашёл его полуживого в лесу и выхаживал целый год, пока мальчик не заговорил. И только потом, спустя несколько зим, в храм пришёл его брат. Он думал, что Маар сгинул вместе с матерью, и давно похоронил его, но, когда узнал, тут же объявился. И пусть отцы были разные, с ним сложилась прочная связь. Брат так же состоял в армии короля и был лойоном высшего ранга. Он всегда держался верхов и был на хорошем счету у влиятельных предводителей. Он не любил ограниченность, всячески расширяя рамки своих возможностей — эта черта, как братец утверждал, передалась ему от матери, с чем Маар и был согласен. Он часто выезжал за пределы Навриема по службе, порой лойона заносило так далеко, что годами он не появлялся в родных краях. А потом пришло известие, что брат был убит одной из ассару в самой грязной питейной, которые раскиданы по глухим захолустьям империи. Связь с братом была сколь тесной, столь и короткой, но, когда Маар узнал о его кончине, о том, что его зарезала ассару, как свинью на убой, без доли сожаления, в нём что-то оборвалось — последняя нить, соединяющая его с человечностью.

Брат знал своего отца. Его убил один из ревнивых мужей его бесконечных любовниц, просто всадив в череп топор за тёмным углом. Маар же не знал никогда, кем был его отец. Мать не рассказывала о нём, а он был слишком мал, чтобы задавать вопросы. Но другие при упоминании о нём плевали Маару под ноги, и Наверное, он боялся слышать правду. Человек может смело принимать любые удары судьбы, но только не правду. Правда — это оружие для убийства, это яд, выжигающий душу. Вот и Маар не принял, когда однажды один из воспитанников храма решился высказаться на этот счёт, заявил, что его отец — трахальщик помойных крыс. Маар опрокинул громилу, который был в двое старше его, на пол, уложив на лопатки, всадил тому вилку в глаз, выковырнув оттуда мозги этого выродка. Он умер от болевого шока, а на Маара обрушился гнев воспитателей. Жестокие наказания наставников полились чредой, но для Маара это был всего лишь повод укрепиться в себе, в своей мощи. Когда он выжег внутренности одного из примерщиков, его уже не могли оставить в храме — он стал опасен для всех. Тогда-то его и заметил высший Совет, и всё пошло в гору.

Наверное, в нём всё же было что-то человеческое, раз слова ученика так затронули его, выдернув его сущность наружу. Нет, он не считал свою мать таковой, он любил её, любил настолько, что едва смог пережить её уход. Но где-то в глубине точил червь сомнения, что она нагуляла его с кем-то, и этой ничтожно малой капли сомнения хватило Маару, чтобы стать уязвимым в тот миг.

Страж лежал и думал о многом, считая каждый удар своего сердца, наполненного отравой прошлого.

Глава 17

Донат лежал на животе, тонкая простынь, укрывавшая его спину, была пропитана кровью. Один из лойонов вытирал ему лоб мокрым полотном. Он удивился, когда я появилась внутри шатра. Пройдя мимо ещё одного их соратника, охранявшего у входа, я молча забрала у молодого лойона тряпку, опустилась рядом с постелью стража. Запах ржавчины вьелся в самое нёбо. Донат даже не открыл глаз, когда я приблизилась. Крупные капли испарины покрывали его лоб, скулы и шею. Помимо поднявшегося жара яд нойрана в его крови затуманил рассудок, парализуя тело. Вспомнив, что у меня всего лишь четверть часа, я быстро развязала узел с травами. Их становилось всё меньше, и это, признаться, беспокоило меня. Приготовив отвар, я вновь под села к стражу. Охранник не сводил с меня глаз, наблюдая за каждым моим движением. Мне хотелось помочь Донату, это единственный человек в отряде, который имел сердце. Я не могла не попытаться. Чтобы потом не мучиться, что не помогла. Повернуть самостоятельно тяжелого мужчину мне было не под силу.

— Помогите, — попросила помощи.

Надсмотрщик покинул своё место, и вместе мы осторожно перевернули Доната набок.

Мужчина был сильно бледен. Я поднесла к посиневшим губам ложку с отваром, осторожно влила в рот. Мокрые слипшиеся ресницы дрогнули, но Донат так и не открыл глаз, благо делал маленькие глотки, пусть непроизвольно, но хотя бы принимал снадобье. Когда плошка опустела, мы уложили его вновь на постель, и я принялась за раны. Спина его была изрезана длинными полосами, но меня не пугал их вид. Меня уже ничто не пугало в этом мире, ко всему мне отчаянно хотелось помочь, чтобы страж поднялся на ноги уже завтра. Я осторожно смывала подтёки, смазывала края борозд пахучей мазью, чтобы заглушить воспаление.

В шатёр вошёл Шед. Хмуро и сурово он полоснул меня бесцветным взглядом. Даже сейчас страж не мог вынести моего присутствия, его недовольство кололо мне кожу спины.

— Если бы не ты, он был бы цел, — не сдержался от высказывания. — Он кинулся защитить тебя и поплатился.

И это заявление грузом собралось в груди, потянуло ко дну. Мне было неприятно это признавать и больно, я не желала Донату зла. Кому угодно в этом проклятом мире, только не ему, а в итоге именно он пострадал.

— Оставь её, — раздался вдруг слабый голос Доната.

Страж разомкнул отяжелевшие веки, которые заливал проступивший пот. Замутнённые глаза остановились на Шеде. Ноздри того дрогнули, а Донат вновь закрыл глаза, проваливаясь в забытие, дыша тяжело и надсадно. Я убрала налипшие пряди с его лба, отерев смоченным в стылой воде лоскутом его лицо, смочив губы талой водой.

— Тебе пора возвращаться, — заявил Шед, прогоняя меня.

Я зло глянула на него.

— Ему нужен уход и присмотр всю ночь.

— Не переживай, это уже не твоё дело, — ответил он чуть резче, едва не грубо.

Я изначально встала в его горле костью. Уходить не хотелось до злых слёз, но мне никто не позволит здесь остаться, и лучше смириться с тем и подчиниться, не разрывать же себя на части — силы мне ещё понадобятся. Ведь меня ждёт исгар. Я сама предложила ему вознаграждение. Ему моё согласие и не нужно было, но видимо, ван Ремарт решил поиграть. Решил посмотреть, как я стану себя отдавать ему... добровольно. Ну, и пусть подавится!

Я с горечью глянула на Доната и принялась через силу собирать свои вещи. Уходить не хотелось совсем, но я ощущала, как он ждёт моего возвращения. Дрожь скользнула по спине холодным снегом, когда я вспомнила глаза Маара — непроницаемо-чёрные, вязкие, как смола, я в них утопала, задыхаясь. Сила, исходящая от него, овивала путами моё тело каждый раз, когда он приближался ко мне. Бороться, противостоять ей мне с каждым разом становилось всё труднее, почти непосильно. В горле встал ком, в глазах потемнело от одного представления того, что мне предстоит пережить по возвращении.

Лучше не мучить себя излишними терзаниями, а его не дразнить ожиданием и поторопиться.

Я склонилась над Донатом, прошептав в самое ухо в надежде, что страж услышит меня:

— Всё будет хорошо, ты справишься.

Больше не медля, поднялась на ослабшие вдруг ноги, всецело осознавая всю гнусность своего положения. Рабского. Омерзение взяло к самой себе вместе с приступом ненависти.

Шед проводил меня до выхода пристальным взглядом, я чувствовала, как страж едва ли не плюнул в мою сторону.

Морозная ночь окутала меня с другой стороны шатра. Буря ещё не утихала, бушевала, как море, над откосами скал, между которыми укрылся

отряд, завывала сквозняками среди голых камней. Жуткое место, но каково бы оно ни было, это мой дом. А как говорила сестра, когда я сидела возле печи, наблюдая, как она ставит на поднос снедь гостям питейной — не место красит человека, а человек — место. Мудрость вселенская. Только внутри у меня вовсе не сказка, а самый скверный кошмар.

У входа в шатёр, где лежал Донат, меня уже ждали. Маар и здесь не оставил мне выбора, пришлось под конвоем следовать до шатра Ремарта. Я вобрала в себя больше воздуха и, не мешкая, скользнула под полог. Всё равно мне некуда деваться, а оттягивание времени — лишняя пытка, ни к чему сейчас усугублять и без того тяжёлый день.

Но к моему глубокому удивлению и облегчению ван Ремарта не оказалось внутри. Я даже в пол вросла не в силах шелохнуться, вперившись на пустое место возле очага. Судорожно окинула взглядом стены шатра, прошла вглубь за свой полог, но и там было пусто. Куда он ушёл? Впрочем, мне нет до того дела. Я сложила травы на место, но не стала прятать их далеко.

«Если... — выдохнула с замиранием. — Если Донат переживёт эту ночь, они пригодятся утром».

Устало скинула верхнюю одежду, умылась прохладной водой.

— Что ты шептала ему на ухо?

Его голос обволол, проникая под кожу, вынудив меня застыть, а сердце едва к горлу не подскочило от его столь неожиданного появления. Я выпрямилась, но не обернулась. Маар схватил мой локоть и заставил повернуться к нему.

Маар посмотрел мне в глаза.

— Сама скажешь, или мне придётся вытягивать у него?

Я задышала часто. Нет, в нём нет ни капли жалости, ни крупинки сострадания. Чудовище, какое же чудовище, как можно быть таким? Донат же при смерти! Я разжала зубы, чтобы ответить, но Ремарт сковала мою челюсть пятернёй, больно впивая пальцы в скулы.

— Перестань это делать, или я выжгу твою ненависть. Ты знаешь, как я могу это сделать, это тебе не понравится, ассáру.

На правую скулу исгара упали чёрные пряди, оттеняя и без того тёмные глаза, но сейчас в глубине их не было огня, они кололи холодными искрами гнева. Да, я знала и помнила, на что способен исгáр, я уже испытала его способность давить свою жертву, выжигая её изнутри. Но мне плевать, я боялась не за себя, а за Доната. Взгляд Ремарта скользнул на мои губы, заставляя содрогнуться и вспомнить то, что было мной обещано ранее. Я сглотнула, когда Ремарт запустил свои пальцы в мои волосы,

разбивая их из узла, расправляя по плечам и спине. Всего на миг глаза исгара вспыхнули, но тут же погасли и стали непроницаемо чёрными, как ночное беззвёздное небо. И невозможно было понять его чувств, а хотелось бы. Неведенье меня пугало. И как бы я ни была готова к тому, что страж собирался со мной сотворить, память подбрасывала не самые приятные воспоминания о первом разе.

— Давай, Истана, соверши то, что обещала мне, — прошептал Маар как будто с насмешкой, возвышаясь надо мной мраком — моим кошмаром.

Мне хочется сделать шаг назад и броситься без оглядки прочь, прочь от его чудовищной сущности, но я стою на месте. Его желание вынуждают моё тело вспыхнуть. Его желание настолько мощное, что обливает меня раскалённой смолой, сдавливая со всех сторон, мне и в самом деле стало нечем дышать. Мне некуда бежать. Я в ловушке. Я сама себя туда загнала. В когти зверя.

— Покажи, насколько ты можешь быть благодарной, Истана. Не в моих правилах идти на уступки, а особенно идти на уступки тебе подобным, ассáру.

Если до этого мгновения мне казалось, что глаза Маара черны, то теперь я понимала, что это было не так, сейчас они, как две стылые скважины, утягивали вглубь.

Маар вдруг выпустил меня и отстранился, сделав шаг назад. Он медленно стянул с себя верхнюю одежду и так же медленно развязал кожаный ремень, расправляя обтягивающие узкие бёдра штаны. Я смотрела ему в лицо, не опуская глаз. Мои щёки загорелись огнём, а воздух вдруг перестал поступать в лёгкие, когда я всё равно заметила краем зрения тёмную поросль волос вокруг возбуждённого до предела длинного толстого члена.

Стенки шатра поплыли, а мне разом вдруг подурнело. Я, конечно, знаю, что второй раз не так болезненно будет проходить, но всё равно не могу справиться с собой, проталкивая вставший в горле ком. Не понимаю, как он поместился во мне в прошлый раз, и как заполнит в этот.

Ремарт приблизился, рывком развернул меня спиной. Задрал подол платья, и его ладонь прошла по моему бедру, пальцы чуть оттянули резинку чулка. Ему не нравилось, что я в одежде, но его вожделение било сокрушающими толчками — он просто не стал возиться с этим, протолкнул ногу между моими коленями, раздвигая их шире, как створки. Хочет окунуть меня в грязь, показывая тем самым своё пренебрежение ко мне, к той, кем я являюсь, прогнув под себя, как какую-то шлюху. Как его братец-выродок — мою сестру. Горечь от этой мысли собралась на языке.

Он не спешил, дал мне сполна утонуть в собственном гневе. Затем передал мне горло пальцами, свободной рукой огладил мой живот, запуская ладонь между бёдер. Туго провёл по моим складкам, раскрывая их.

— Мокрая. Кто тебя так возбудил, Истана? Он? Что ты говорила Донату? Отвечай, — голос его не просил — приказывал. Жёстко, неумолимо гнул меня.

Я стиснула зубы и поморщилась, когда он принялся круговыми движениями массировать меня там. Его прикосновения вызывали во мне тошноту и острое противоречие. Меня выворачивало наизнанку от того, что Ремарт так дерзко, бесцеремонно и грубо щупает меня, как свою собственность, которая не имеет для него особой ценности.

— Ничего, просто пожелала выздоровления, — процедила сквозь зубы.

Дыхание Маара оборвалось — исгар запустил вглубь сразу два пальца, я стиснула зубы плотнее, до судороги в скулах. Он с нажимом принялся растягивать меня изнутри, приятного здесь было мало, но мне ничего не оставалось делать, кроме как сносить эту пытку. Наконец его пальцы выскользнули. Маар толкнулся в меня твёрдым, как камень, членом.

Тяжёлый вздох раздаётся в мою макушку, по шее разлилось горячее дыхание Ремарта. Я непроизвольно расставила ноги шире, выгибаясь, заставляя себя как можно больше расслабиться, иначе может быть больно. Но боли не было, а только ощущение чего-то чужеродного и горячего во мне, так настойчиво желающего протиснуться внутрь. Маар толкнулся ещё, вдавливая пальцы в мои бёдра, мне ничего не оставалось, как опереться о шест рукой, чтобы устоять под его напором. И грезить, когда это всё закончится. Но всё только начиналось. Маар не торопился. Может, это и лучше для меня, но кажется, исгар говорил, что не в его правилах возиться с такими, как я, а значит, он решил сполна заиметь мою благодарность, испытать в полной мере — грязно трахнуть. Он проталкивал глубже свой огромный член, размеренно раскачивая бёдрами. Я прикусила губу, стараясь не дышать слишком глубоко. Пусть скорее берёт своё и оставит меня в покое. Всё моё естество против этого соития. Я едва не шиплю, крепче прикусывая губы, зажимаю в горле то ли слова проклятия, то ли слёзы, то ли нечаянные громкие вдохи. Наверное, всё вместе.

Моё лоно сжимает его изнутри, не пуская. Ремарт рывком насадил меня на свой член, входя на всю длину. Слёзы всё же проступили, замутив зрение, только не от физической боли — её, как и предполагалось, не было — а потекли по щекам от чего-то такого, что внутри всё рвало на части

морально, противясь тому, что происходит сейчас между нами. Член горячо и твёрдо вдавливался в моё лоно, и я ощущала его тугую пульсацию, она отдавалась по всему телу, растекаясь тяжестью по бёдрам и ногам, ослабляя их. Движения Маара ускорились, теперь он непрерывно скользил во мне, крепко обхватив мою талию. Его пальцы почти смыкались вокруг пояса. Он дёргал меня на себя, насаживая резче и жёстче, скользя упруго членом так быстро, что перед глазами всё поплыло. Короткие шлепки стали разноситься по шатру вместе с тяжёлым дыханием исгара. Казалось, эта мука никогда не прекратится. Я не сдержала всё же вздохов, он их выдалбливал из меня с каждым ударом. В его руках я как тряпичная кукла, в которую он иступлённо толкался до упора. Шлепки становились всё быстрее и быстрее. Маар стал беспощадным, как и моя ненависть к нему. Она нарастала в равной пропорции с его экстазом, и казалось, что нас одновременно снесёт ураганом и разорвёт в клочья. Только Ремарта — от буйного оргазма, а меня — от ненависти к нему. Сквозь толщу шумящей крови в моей голове я услышала, как Ремарт, наконец, исторгает из горла стон, выплёскивая горячую струю в стенки моего сокращающего лона. Стон проникает огненной магмой в мою кровь, вынуждая всё моё существо стенать о бессилии невыносимого, яркого, вынуждая биться от безнадёжности всего, кричать во всю глотку от ненависти к самой себе, такой оглушающе-пронзительной, что я на миг выпала из собственного тела, из мёртвой хватки Маара. Нет, меня вытолкнул ван Ремарт. Задушив ненависть в горле, я разбилась в дребезги на сотни ничтожных капель, ударяясь о стенки этого шатра и уходя дальше за грань. Вцепилась в шест крепче, скребя ногтями по дереву. Маар всё ещё двигался во мне, но уже не так бурно. Он дышал тяжело, его пальцы вокруг моего пояса уже не держали меня крепко, как в тисках.

Вставшая перед глазами пелена рассеивается, как и стихают те невыносимые, хлеставшие плетью чувства. Вместо них приходит полное опустошение. Мне хотелось, чтобы он немедленно выпустил меня и не прикасался более, но Маар не собирался так быстро отпускать — держал в своих когтях, как стервятник — добычу. Я не шевелилась, мне не хотелось на него смотреть, и не собиралась этого делать. Ремарт почему-то медлит. Ведь получил своё, так почему не уходит? Как же я его ненавижу. Ненавижу! Чтоб ты сдох.

Глава 18

Ассáру задерживалась, и Маар не мог оставаться на месте. Впрочем, он ожидал этого от неё, но не ожидал от себя, что пойдёт за ней.

Прежде чем зайти в шатёр к Донату, он решил обойти становище, чтобы проветрить голову и остудиться. Истана выходила из шатра, когда он приблизился. Ассáру не заметила исáра, да и не могла — Маар умел сливаться с ночью, это ему удавалось без усилий.

Позволив ей уйти, он, переговорив с Шедом, вернулся к себе. То, что он услышал от стража, привело его в бешенство.

Он шагал и думал об одном — что шептала Донату эта маленькая дрянь? Перед глазами Истана, склоняющая к молодому стражу. Её вишнёвые губы с чувственным изгибом почти не заметно двигаются, она выдыхает горячие слова раненому, смотря на него из-под полуопущенных ресниц. Она касалась его.

Маар получил удар под дых от собственной неосмотрительности. Он плавился от гнева, от того, что ассáру проявляет заботу к другому мужчине, а в его сторону плюёт и льёт на него грязь. Это корбило страшно, до скрежета зубов.

Страж бесшумно скользнул за полог. Истана стояла к нему спиной. Он жадно охватил взглядом её плавные точёные изгибы тела, предаваясь дикому порыву немедленно оказаться между её бёдер, смять пальцами округлые ягодицы и проникнуть в щель. Вождеделение ударило в голову, опускаясь горячим сплавом к паху, делая мышцы тела каменными. Он одурел от этого желания. Мозг мгновенно отключился, и осталось только неодолимое первородное вождеделение выплеснуть в эту гордычку своё семя, завладеть ей немедленно, оставляя на её теле свои следы, метки повсюду, куда мог дотянуться, не только на теле, он хотел присвоить её душу себе.

Как же Тхара была права на этот счёт.

Истана не обернулась, когда он приблизился. Он рывком развернул её к себе. Ассáру обрушила на него всё своё пренебрежение. Хотя она и молчала, но её атака была иного рода, похлеще слов. Маара накрыла с головой волна ярости. Он сдавил её челюсть пальцами, едва сдерживая себя от той грани, из-за которой он, если переступит, не сможет больше вернуться. Держать себя в узде было непросто, когда в голубых глазах плескалось столько льда и ненависти, что он упал камнем на самое их дно. Маар запустил пальцы в её волосы, в этот прохладный снег её густых

прядей. Ярость в нём ослабла. От прикосновения струящего шёлка между пальцами член встал колом, желая немедленно оказаться в её горячей дырке между ног.

Маар развернул Истану спиной, чтобы взять её сзади. Чтобы ассáру не могла видеть его полыхающего, раздираемого на части возбуждением, а он — её глаз, полных отчуждения и холода. Он задрал её платье и проник пальцами во влажное лоно. Очень влажное, тугое и сочное, оно упругими стенками обволокло его. Жар опустился по плечам и спине до самых ступней. В глазах потемнело от одного ощущения этих мягких нежных складок, источающих дурманный аромат. В макушку ударила горячая волна, и его повело. И тут же лютая ревность вспорола ножом — Истана могла возбудиться от голого тела другого мужчины, Доната. Маара жёстко скрутило от этой мысли. Он не мог понять, как удержал себя, чтобы тут же не распять её под собой, не вколотить в пол, беспощадно имея её горячую дырку так, чтобы она кричала, чтобы пожалела. Чтобы поняла разницу его отношения к ней. Он не хотел причинять ей боли и в то же время жаждал этого.

Маар обхватил её за талию, такую тонкую, как соломина, и проник, толкаясь исступлённо. Её лоно обхватило его плотно, не пуская, желая исторгнуть его из себя всеми силами. Маар проталкивал в узкую щель головку члена всё глубже, растягивая её изнутри, заполняя собой, вталкиваясь на всю длину. По мере продвижения, его утягивало в омут. Маар слышал, как сбилось дыхание Истаны, когда он таранил каменным членом мягкую и одновременно упругую плоть. Волосы ассáру серебряным сплавом струились до самого пола, узкие плечи чуть сжались от натяжения. Истане пришлось схватиться за шест, сгибаясь, потому что Маар уже не мог владеть собой. Она вся сводила его с ума, заставляла двигаться в ней одержимо-непрерывно, резко, жёстко, жадно.

Маленькая, хрупкая, фарфоровая Истана сжимала зубы и терпела, вздрагивая от грубых тычков. Он боялся её раздавить, но не мог укротить свой голод — это бессмысленно, вожделение к ассáру неизбежно поглощало и тянуло на дно. Какого было изумление Маара, когда его накрыла волна её оргазма: такого яркого, насыщенного, бурного. Яйца его сжались мучительно больно, Ремарт невозможно горячо взорвался, растекаясь сразу во все стороны чернотой ночного неба, необъятного и бездонного. Он тугой струёй выплеснулся, заполняя лоно Истаны густым горячим соком до полноты.

Она содрогалась в его руках, как те похотливые суки, которых он жёстко драл, спуская в них свою похоть, неутолимую, жадную. Истана не

понимала, что происходит с ней. Хотя в равной степени и он не понимал себя. Маар бурно излился в неё, опустошаясь до капли. Его би́ла дикая судорога от собственного исхода под щедрым водопадом экстаза Истаны.

Ассáру зажала зубами рвущийся наружу крик, гася в себе ураган чувств, противостоя самой себе, не желая выплёскивать их наружу, показывать. Глупая ассáру обратила глубокое удовлетворение в ненависть, исторгая его на стража.

Маар держал её, не позволяя отстраниться, ощущая, как разливается от затылка к шее онемение, растекаясь по бёдрам жаром и холодом одновременно. Его член всё ещё вздрагивал в её лоне и никак не хотел покидать желанного упругого горячего местечка. Аромат, источаемый её цветком, смешивался с запахом его семени, проникал в него дурманным настоем, сводил с ума, бил по мозгам наотмашь, вышибая все мысли, накрывал топким маревом, и Ремарт не мог даже пошевелиться. Его качало от не отпускающей судороги. Никогда он не испытывал такого. Ни с кем.

Истана молчала — она обессилена, выжата до предела, едва стояла на согнутых в коленях ногах и колола своей ненавистью, но уже не разила громом, а билась редкими каплями холодного дождя о кожу Маара.

Он огладил её живот, провёл по бёдрам ладонями. Хотелось разодрать в клочья на ней платье, опрокинуть на постель и коснуться белой кожи с бледными родинками. То, что они у неё были, Маар заметил ещё тогда, когда она обмывалась, стоя перед ним полуобнажённой. Тогда она тоже испытала удовольствие, когда он трахнул её пальцем, но оно было лишь поверхностным по сравнению с тем, что случилось только что.

Очаг уже прогорал, и укрытие неумолимо остывало. Сквозняк охлаждал кожу, обдувая проступившую на ней испарину: на лбу и спине. А Маар, как бы ни пытался отрезветь, не мог оторваться от Истаны. Он посмотрел вниз и усмехнулся. Огладил пальцами розовые мокрые и разгорячённые складки лона Истаны, эту сочащуюся дырочку, растянутую до предела его толстым членом, ещё больше запьянел от этого вида. Качнулся вперёд, склонился, касаясь губами выпирающих позвонков шеи Истаны, слизывая солёно-сладкий пот. Она вздрогнула, всё ещё жаля исгáра своими разрушительными эмоциями. Но теперь ему это безразлично. Теперь осколки её льда, пущенные в него, не могли продырявить Ремарта. Она испытала одновременно с ним оргазм, такой же оглушительно-бурный, как и он, пусть ассáру этого ещё не понимает, но он знал. Её выплеск блаженства проник под кожу и жадно растворялся в крови, будто только этого он и ждал, разгоняя жар по его телу, наполняя адской силой, от которой распирало грудную клетку. Невыносимо сладкая, упоительная

ассару. Его. Остро хотелось прикинуться к её дрожащим алым губам и собрать остатки растекающейся истомы. На какой-то миг он даже пожалел, что взял её именно так, если бы знал, что она будет биться под его толчками в экстазе, то...

Впрочем, поделом ей.

Маар встряхнулся, мгновенно ожесточаясь, выплывая из морока. Она не достойна. Эта холодная сука должна ползать перед ним на коленях за то, что он возится с ней.

Ремарт грубо смял её упругие ягодицы и выскользнул, небрежно отпихнув её от себя — заставил себя это сделать. Истана, тихо охнув, выпрямилась, сердито глянула на стража через плечо, торопясь одёрнуть подола платьев дрожащими слабыми пальцами, дыша тяжело и шумно.

— Не забудь зализать свои раны, — окинул он девушку намеренно безразличным взглядом и отступил к очагу, запахивая штаны.

Но Ремарт успел поймать, как потемнело лицо Истаны, как дрогнули крылья носа, втягивая в себя воздух, и как сжались губы, вытягиваясь в упрямую линию. Глаза блестели влажно.

Маар закинул сучьев в очаг и покинул ассару.

Напившись мёрзлой воды из кружки, Ремарт разжёл свой очаг, напрягая слух, но в шатре стояла тишина.

Глава 19

Он пихнул меня грубо от себя, выскальзывая, уколол напоследок своим презрением. Маар ушёл. И за что, Ильнар, мне такая кара — встретиться со своим лютым врагом, который только что поимел меня самым грязным образом?

Я ещё долго стояла в оцепенении, невидящим взором смотря перед собой, ещё слыша его разносившееся тяжёлое дыхание и запах горько-сладкий и между тем свежий как морозный воздух. Между ног было очень влажно и пульсировало, в глазах висел туман, хаотичные вялые мысли плавали в моей голове. Меня начало трясти. Я обхватила себя руками. Стоять было тяжело, всё тело стало ватным непослушным. Я качнулась и прошла к очагу на бесчувственных ногах, опустилась на мягкие шкуры, неотрывно смотрела на льющийся в воздух огонь. Жаль, что нет душа или хотя бы ручья, нет возможности помыться, отмыть, отскоблить от кожи его следы, они неумолимо впитывались в кожу, проникая в меня всё глубже. Лицо вспыхнуло от внезапного приступа волнения — он кончил в меня уже во второй раз, и это может привести к... Мне стало резко нечем дышать. Нужно было озаботиться о том раньше, когда была у Тхары. Волнение сменилась паникой, вынуждая бессильно метаться. Нет, нет и нет. Это не может произойти. Я не хочу! Нет!

Я сжала кулаки. Вдохнула глубоко, закрывая дрожащие веки, подавляя подступившую тошноту. Огненные пятна плясали перед глазами. Не хватало мне ещё исторгнуть из себя на свет подобного вы... Я сжала зубы, заглушая всплеск чувств. Маар ван Ремарт не совсем человек, а я не совсем простая девушка. Кажется, сестра говорила, что у ассáру проблема с вынашиванием, что зачать они могут в редких случаях. Только в каких? Я усиленно вспоминала — безуспешно. Туман, один туман. Проклятье! Видит Ильнар, я бы сейчас вновь заглянула в зеркало! Но можно было ещё надеяться и на то, что моё тело после забвения ещё не восстановилось и не готово для зачатия. Я ощутила себя в глубокой чёрной яме, так гадко мне ещё не было никогда. Очень паршиво.

Теперь я боялась по-настоящему. Страх изъедал сердце. Если это случится, то...

Дурнело с каждым вздохом. Маар обещал убить меня мучительной пыткой. Если и задумал отомстить мне таким способом, то он попал точно в цель. Я тряхнула волосами. Нет. Я просто не могла зачать от этого

чудовища, это против моей природы. Я отринула всякие предположения, от которых делалось только хуже. Подумала о Донате. Как он там?

Я открыла глаза и повернулась, выхватывая взглядом свой походной мешок, потянулась за ним, подтаскивая его к себе, порылась, находя чистую одежду. Пальцами нащупала что-то холодное, выудила. Это было зеркало, которое принёс мне Ремарт. Я хотела было немедленно отшвырнуть его от себя, жаль, что в огне нельзя сжечь, но поймав своё отражение, застыла.

Я ведь так и не смогла рассмотреть себя как следует. Заглянула в него. Лицо в форме треугольника очень бледное, кожа как снег, большие замутнённые голубые глаза, прохладные, как родниковая вода, с тёмными точками зрачков в середине, неподвижно смотрели из-под длинных влажных ресниц. Тонкий прямой нос. Губы, припухшие от укусов, горели ярким пятном на лице. Пепельно-медового цвета волосы обрамляли чуть осунувшееся заплаканное лицо. В целом я сейчас была именно той, которую поймали, как кобылу для случки — взъерошенная и помятая, с пустыми, хоть и красивыми, глазами. И так и останусь в питомнике демона, а он будет меня осеменять каждый раз, когда ему того захочется. Моё лицо исказилось в отвращении. И что самое скверное, когда ему надоем, выкинет на пользование своим жеребцам. Я с силой зажмурилась, с шумом выдыхая, опустила зеркало на колени, слушая, как стучит в висок кровь и как плотнее стягивается на шее верёвка.

Как вырваться из сплетённой им сети? Путь наш подходил к завершению, скоро мы прибудем в назначенное место, и возможность высвободиться из пут исгара сводилась к нулю. Я почему-то вспомнила о Шеде, он один единственный против моего присутствие в отряде... Что, если... Нет, это глупо. К нему я если и пойду просить о помощи, то только в последнюю очередь. Решение не приходило, да и не могло, я смертельно устала — сегодня был тяжёлый день и ужасный, как и все прошлые.

Я с трудом могла подняться и добраться до своего ложа. Ощущение исгара внутри всё ещё не покидало меня. Вся поясница отяжелела, а мышцы дрожали. Даже волосы не стала расчёсывать — не было сил, лишь осмотрела свою ногу, перевязанную лоскутом, который весь пропитался кровью. Перевязала, смазав рассечённую камнем икру. Рана не слишком глубокая, но ступать на правую ногу удавалось не так уверенно, боль всё же выстреливала, но завтра уже будет лучше. Завязав узлы, фиксируя повязку, я глянула на выход, где был сейчас Маар. Находиться в одном шатре, в котором вместо стен тканые полотна, было пыткой. Я боялась сделать лишнее движение, чтобы не оборачиваться и не ожидать, что Маар

окажется рядом вновь.

Стянула с себя платье, смыв водой из бадьи следы с бёдер и запах исгара, конечно, всё только поверхностно — это не ванна, но выбора не было. Облачилась в чистую сорочку, скользнула под меха. Усталость навалилась на меня свинцовой тяжестью, всё тело зудело, стены качались, чувство наполненности ниже живота не давало забыть о случившейся близости. В голове он. Я вновь подумала о Шеде и о той причине, по которой страж смотрит на меня волком. Маар пустился в погоню за мной, когда стая отбила меня от отряда. Ремарт бросил своих людей, чтобы догнать меня.

Я уставилась в низкий потолок, споткнувшись об эту мысль, которая совершенно не вмещалась в голове. Закрыла отяжелевшие веки.

Читай книги на Книгоед.нет

Я проснулась от шума, сразу заподозрив неладное. Лагерь стоял на ушах. В замешательстве я выскользнула из-под тяжёлых шкур, бросилась одеваться, наскоро заплела волосы, связав узлом. В голову вгрызлись мысли о Донате — неужели что-то с ним?

Выглянула за полог. Маара внутри не было. Не понимая, что происходит, настороженно прислушалась: казалось, что людей в лагере вдвое больше, да и различила чужие голоса будто, хотя могла ошибиться. Вернулась к себе, принялась сворачивать и собирать вещи. Ван Ремарт не давал такого распоряжения, но отряд явно навьючивал лошадей — не станут тут задерживаться. Собрав всё, я смогла немного успокоиться. Несмотря на то, что вчера был убийственный день, я чувствовала себя вполне сносно и даже на удивление бодро.

Маар все не возвращался, и приказа поторапливаться, как обычно он это делал, не спешил давать. Зато снаружи становилось всё громче.

Потеряв терпение, я вышла из шатра и тут же прищурила глаза от ослепительно белого снега. Кругом сновали воины, много воинов — чужих, так же в броне, только не из литых пластин, а в кольчужной. И внешне разительно отличались: гладко выбритые тяжёлые подбородки, светлые брови и чуть вытянутые лица. Те, кто заметил моё появление, поворачивались, задерживая изумлённые взгляды. Мне стало не по себе от чужого внимания. Я плотнее завернулась в плащ, пряча нос в мех. Откуда они все?

— Как только мне донесли, что нойраны в скалах, собрал людей и ринулся к очагу, — услышала рядом из общего гула незнакомый голос. Такой зрелый, тяжёлый, он, как гром, докатился до меня.

Я повернулась в сторону, откуда звучал он. Взгляд сразу остановился

на Мааре — его я узнаю даже по тени. Страж стоял спиной, плечи скрыты плащом до самой земли, правая рука лежит расслабленно на рукояти меча. Ремарт, видимо, почувствовал мой взгляд на себе, обернулся. В груди что-то дрогнуло от пронзительного взора чёрных глаз. Волна силы хлынула от Ремарта, ударила меня, едва не сбив с ног. Я забыла, как дышать, выдерживая его тяжёлый тягучий взгляд — он не был доволен моим своеволием. В одну секунду я вспомнила ночное совокупление. Волнение подкатило к горлу, подрывая уверенность, а к щекам прихлынул жар, но не от стыда, а от раздражения.

Я выше подняла подбородок, посмотрев на стража прямо. Однако интуиция всё же заставила меня попятиться и вернуться обратно за полог, но поздно. Мужчина, с которым Ремарт разговаривал, заметил меня, чуть накренился, выглядывая из-за высокой фигуры Маара, обратил в мою сторону пристальный взгляд. Но, когда его колючий взор застыл на мне, лицо незнакомца немного изменилось — одна девушка среди двадцати лойонов заинтересует любого. Мужчина намного старше Ремарта. Если Маар был молодой опасный хищник, то незнакомец напоминал матёрого волка. Лицо с тяжёлым подбородком настолько светлое, что казалось, лучи солнца никогда не касались его кожи. Вольные плотно сжатые тонкие губы в обрамлении светлой щетины выдавали в нём человека сурового. Одет намного богаче остальных, видно, главный. От того, как он на меня теперь смотрел, сердце заколотилось чаще.

— Кто это? — поинтересовался он у Маара.

Ремарт повернулся обратно к собеседнику.

Глава 20

Маар сжал зубы. Как не вовремя она появилась. Он ведь не позволял выходить без его приказа. Хорошо, что хватило мозгов вернуться в шатёр. Грув ван Фоглат с интересом смотрел всё в её сторону, а Маару хотелось перегрызть ему глотку.

— Выкупил у одного корчмаря. Теперь моя собственность, — соврал, надеясь, что Грув не сразу догадается, кем Истана является. Не то чтобы этого опасался, не хотелось лишних слухов и вопросов.

Фоглат с сомнением фыркнул.

— Ты не изменяешь себе, Ремарт, даже в таком опасном и пустынном месте находишь истинных красавиц.

С Фоглатом Маару приходилось сталкиваться на общих сборах его сиятельства. Мениэр был частым гостем Навриима, как и его отец, а у того — его отец. И это не прошло бесследно. Теперь он полноправный хозяин Энрейда, не побрезговал целой крепостью и землями в придачу, пусть даже в таком опасном и суровом месте, как граница Излома. Его воины сновали по ущельям, ещё надеясь найти среди скал нойранов. Намеревался урвать хоть что-то, хоть какой-то кусок славы, а потом преподнести всем с гордо поднятой головой, как свои заслуги. Но напрасно они тратят время — лойоны Маара подчистили всё. Угрозы больше нет, и это может видеть только Маар. Ван Ремарт и тут успел опередить Грува, хотя ему никогда не дотянуться до него. Тот пусть и не показывал своего раздражения, что всё уже подчищено, напускал маску сурового предводителя, а в глазах блуждали холодные огоньки неприязни.

— Ну, что ж, раз всё обошлось, смею предложить вам посетить Энрейд. Вы, верно, уставшие и уже давно в пути. Отказов не принимаю, — учтиво улыбнулся ван Фоглат.

Вот этого Маар и не желал больше всего, но было бы слишком подозрительным отказываться и игнорировать приглашение, а потом встать на отдых где-то неподалёку. Наверное, в другой раз Маар согласился бы тут же, но только не сейчас, когда за плечами у него ассáру. Маар поймал эту мысль за хвост — в какой же это миг его выбор начал зависеть от этой невыносимой гордячки? Скверно. Очень плохо, но это так.

— Хорошо, — согласился Ремарт, давая знак Шеду, который неподалёку разговаривал с Фолком и остальными лойонами.

Ко всему нужно было решать что-то с Донатом. Тащить его за собой

слишком обременительно для всего отряда. И тут Маару пришлось признать, что вовсе не по этой причине он хочет избавиться от этого сосунка, оставив его в Энрейде. Каждый лойон был на счету, а Донат — страж. Один страж заменяет десять лойонов. Маар готов был спуститься хоть в само пекло, лишь бы ассáру больше к нему не приближалась. Достаточно того, что она касалась его ночью. Разойдясь с Фоглатом, ван Ремарт вернулся в шатёр, всё внутри него кипело, хотя день только начинался. Он дал знак охране, чтобы внутри никто не смел войти.

Истану Ремарт нашёл у прогоревшего очага. Девушка неподвижно сидела, сложив руки на коленях. Как ни странно, ассáру пребывала в спокойствии, не вылила тот же миг на исгáра ядовитую смесь своей ненависти, которую он привык испытывать каждый раз, как только к ней приближался.

Желание всплеснулось в Мааре так бурно и рьяно, что потемнело в глазах. В голове обрывки воспоминаний, как горячо брал её ночью, белые, обнажённые, покатые бёдра ассáру, тонкая талия, сжатая его ладонями, тихие стоны. Остро хотелось ещё, под носом у ван Фоглата, на глаза которому она показалась. Что угодно, лишь бы утвердиться в своих правах на неё.

— Что с Донатом? — спросила Истана, едва он вошёл.

Маар фыркнул, хищно сузив глаза — его передёрнуло от злости. Ассáру решила вновь его позлить? Видно слишком мягко он обошёлся с ней ночью. Но мысли эти резко вышибло. Маар впери́лся в лицо Итсаны, дуря от аромата, источаемого её лоном. Вишнёвые мягкие губы, так ярко выделявшиеся на бледном лице, так упруго сомкнутые, усугубили всё, подняли в исгáре волны возбуждения. До свинцовой тяжести в паху и тумана в голове. Гнев внутри него рос в равной пропорции с голодом.

Истана, ничего не понимая, вытянулась и напрягла плечи.

Он вновь опустил взгляд на её губы. Член в штанах дрогнул, вожде́ля скорее оказаться внутри её тёплого маленького ротика. Однажды ассáру уже касалась его робко губами, и Маар мгновенно кончил. И теперь от одного представления, как эти упругие сладкие губы огладят его член, его пошатнуло, окатили с головы до ног волны жара. Желание распалось, как жерло вулкана, и он уже не мог заглушить его. Да и зачем? Разве не из-за этого, рискуя своей жизнью и жизнью своих воинов, оставил ей жизнь? Чтобы трахать без остановки, так почему он должен сдерживаться, когда так остро, до звона в яйцах хочет её?

Истана будто ощутила его намерение. Увидела во взгляде. Маленькая лгунья умеет считывать его потребности? Напряжённо сжала пальчики в

кулачки — паника разрасталась в ней стылým озером с той же скоростью, что и возбуждение Маара — жаром.

Ван Ремарт прислушался. За тонкими стенками голоса лойонов, у входа двое воинов, и они не пропустят никого, Маар ведь отдал приказ. У них ещё есть время, впрочем, подождут. Не в его правилах следовать стае, стоя идёт за ним. Исгар шагнул к ассару, скидывая на ходу плащ.

Истана мгновенно вскинулась, но бежать некуда. Она непонимающе беспомощно и сердито уставилась на него. Маар хотел почувствовать её всю, взять грубо и окунуться в этот бездонный прохладный источник, и в то же время такой обжигающий, беспощадный, испробовать сладость и одновременно горечь её наслаждения, которое, попробовав на вкус однажды, захотел ещё. Он оглядел её всю: она была уже собрана в путь, и волосы спрятаны.

Ассару быстро и судорожно облизала губы, ожидая неизбежного. Возбуждение ударило с адской силой. Член налился кровью и уже пульсировал до рези, заглушая рассудок. Исгар взбушевал в нём, снося все преграды. Едва Ремарт испробовал ассару, как ему захотелось её снова. Ещё острее, ещё одержимее. И нужно просто утолить этот голод, иначе он рехнётся, иначе ему просто сорвёт крышу, пока они доберутся до места.

Истана замерла в ожидании, её напряжение нарастало, как снежный ком, всё тяжелее стягивая Маара путами, ассару невольно пыталась его остановить, потянуть вниз, задавить, но эти путы тут же сгорали и осыпались золой, испепелённые его собственным вождением. Ремарт приблизился. Истана дышала рвано и быстро. Он обхватил её плечи и толкнул девушку на шкуры, сорвал с рук перчатки и меховую шапку с головы Истаны. Запустил пальцы в шёлк волос, но они туго скручены, он не стал их расплетать — слишком долго, насладится этим потом. Хорошо, что ещё не надел броню — легко распустил ремень на своём поясе.

Истана посмотрела вниз и вновь вверх, на Маара, дыша ещё резче, ещё чаще. В глазах твердел лёд.

— Прошу, только не сейчас, — дрогнул её голос чуть хрипло.

— Именно сейчас. Ты должна думать только обо мне, Истана, и ни о ком больше. Волноваться только за меня, потому что я — твой хозяин. Я хочу, чтобы ты жадно вобрала мой член в рот. Я очень сильно зол и возбуждён, и мне нужно выплеснуть это напряжение, и лучшего местечка, чем твоё горлышко, сейчас нет, ассару, — собственные слова полосуют хлыстами нещадно, распаяя ещё большую жажду и гнев непонятно на кого, на неё или на себя, что не может держать свою похоть в узде.

На протяжении всего пути Истана, находясь в близости от него,

вынуждала Ремарта метаться в беспомощности и напряжении, и кажется, это дошло до своего исхода.

— Нет! — она упрямо сжала губы плотнее.

Лёд в глазах ассару разбился в дребезги, когда она поняла, что пощады не будет. Ненависть ужалила Маара сразу со всех сторон, как сотни змей.

— Ты же знаешь, что мне не нужно твоё согласие, ассару. Ты сделаешь это сама, или... — Маар обхватил горячий член, высвобождая его из ставших тесными штанов, другой рукой собрал в кулак волосы на затылке девушки, дёрнул, не сильно, но голова Истаны откинулась назад. — ...или я помогу тебе.

Истана сглотнула, неподвижно смотря на исгара, теперь глаза её потемнели, заволоклись дымкой презрения и ярости. Такой дикой, свирепой. Ассару задышала с шумом.

— Гори в аду, исгар.

— Проглотишь всё до капли, — заключил Маар.

Ассару никогда не научится держать язык за зубами. Если не может, пусть применяют его в более полезном русле.

Истана вспыхнула, вылив на исгара лавину гнева, и тут же погасла, когда её губы оказались возле члена. Очень близко. Горячее тепло дыхания скользило по тонкой коже возбуждённой, готовой к действию плоти. Маар мог бы сломить её одним движением, подчинить, но теперь знал, что она способна и сама повиноваться ему. Исгару это нравилось. Он хотел, чтобы ассару сама ласкала его.

Истана дышала теперь глубже, упрямо не желала его касаться.

— Не заставляй отряд задерживаться. Или ты хочешь, чтобы все поняли, чем мы тут занимаемся? Думаю, тебе станет неловко.

— Ненавижу тебя... — процедила ассару сквозь зубы, сверкая глазами. — Не боишься остаться без достоинства?

— Жду, когда твои зубки вгрызутся в меня.

Маара даже качнуло от нетерпения, его всё больше распирало желание и возбуждение. Остановиться теперь невозможно, наблюдая, как её губы подрагивают, как распахиваются ресницы, открывая голубизну неба. Его колотило от её хоть и колючего, но невинного вида. Такого непорочного, что он мог кончить только лишь от этого. Его штормило от одной мысли, что он у неё первый во всём. Он ожидал, когда эти бордовые, как виноградный сок, губы раскроются, мягко и в то же время упруго сомкнутся вокруг его члена. Но внутри ассару борьба, она оглушала Маара. Соппротивление, через которое Истана не может переступить. Маар провёл пальцем по её нижней губе. Истана опустила ресницы и произвольно

дёрнула подбородком. Он разомкнул её плотно сжатые губы пальцем, провёл по стиснутым зубам, разжимая их, ассáру подчинилась, становясь мягкой и безвольной. Исгáр едва не кончил, когда его палец оказался в тёплом мягком ротике. Он задвигал им, вынуждая Истану посасывать фалангу. Она дышала всё чаще, её грудь вздымалась взволнованно, веера тёмных ресниц трепетали на белых щеках, ассáру, к его удивлению, теперь сгорала от стыда, и белая кожа лица начала розоветь. Маар убрал палец и качнул бёдрами, плавно ткнув крупную головку члена в горящие и мягкие губы. Горячий всплеск ударил одновременно и в голову, и в пах, вынуждая запьянеть разом, раскачивая стены. Ремарт обхватил её затылок, собирая в кулак волосы, потянул назад.

— Посмотри на меня, ассáру, — приказал, туго втягивая в себя воздух.

Истана выполнила его волю не сразу, но смиренно распахнула глаза. Маар разбился в дребезги об лёд её негибамости и твёрдости. И невозможно пробиться, окунуться до самого дна, чтобы узнать, что творится там, на глубине.

Маар, держа её затылок, провёл головкой члена по её манящим губам, упиваясь их нежностью и чистотой, купаясь в ослепительных вспышках стеснения ассáру. Даже и не предполагал, что она так будет смущаться.

— Смотри на меня и открой рот шире.

Ассáру медлила — испытывала его и дразнила невыносимо. Маар обхватил её голову обеими руками, толкаясь в распахнутый рот, мягкий и горячий. Губы Истаны растянулись вокруг плоти до предела, приняли его. Но Истана не желала подаваться вперёд, чтобы ласкать его дальше. Ремарт толкнулся немного глубже и отвёл бёдра назад, чтобы вновь толкнуться.

Истана попыталась отстраниться, но Маар удерживал, не покидая её рта, скользил в мягком захвате губ, распахнутом для него, плавно и размеренно, слыша, как судорожно она дышит, как ладошки с похолодевшими пальчиками напряжённо упираются в его бёдра, всё ещё порываясь высвободиться, заноса кинжал своего презрения, метясь и не попадая. Маара кольнуло сомнение в правильности своих действий, но он тут же отмёл их. Чем эта холодная горделивая сучка отличается от остальных сук, которых он драл? Кем эта ассáру возомнила себя, думая, что её щель имеет какую-то особую ценность? Так сопротивляется, будто он требует от неё что-то непотребное и грязное. Маара взяла злость, и это ещё больше его разгорячило.

— Где же твой язык, Истана, ведь он мог ответить мне куда красноречивей, — глухо простонал Маар, балансируя где-то на грани пропасти.

В ответ Истана свирепо задышала, пронзая его кинжалами презрения. Её горячее дыхание опаляло тонкую чувствительную кожу члена. Ремарт задвигался резче, вдалбливаясь в рот, но пока не на всю длину. Глаза ассару потемнели до грозовых туч, в глубине рождались золотые сухие всполохи и разили истара копьями, прошибая насквозь. Ремарт двигался короткими твёрдыми толчками, завоёвывая ассару с каждым движением, заполняя полость её рта, продвигаясь всё глубже. В последний миг толкнулся неожиданно глубоко, до самого упора. Ошеломление ассару прокатилось по телу Маара ледяной волной. Ресницы Истаны увлажнились, но она смотрела на него неотрывно и испуганно. Синие волны будто расступились, оголяя дно её глаз, на котором сверкнули жемчужины искренности, открытости, нежности. Это сразило Маара. Но в следующий миг глаза ассару замутились проступившей влагой, скрывая манящее дно. Мужчина продолжил двигаться, пока Истана не стала принимать его глубже, судорожно вдавливая ногти в бёдра.

Ремарта то накрывала волна удовольствия, то отступала, когда он отстранял бёдра, доводя себя до помутнения, до болезненных спазмов внизу живота. Он прикрыл веки, испуская теперь сам короткие тяжёлые вдохи, не пытаясь даже скрыть от глаз ассару, что испытывает, а она продолжала смотреть на него, зло наблюдая, как он подбирается к вершине экстаза. Он испытывал запредельное удовольствие в равной пропорции отторжением, которое испытывала ассару, и это противоречие, противоположности схлёстывались, свиваясь в сокрушительный вихрь, грозя разорвать обоих в пыль до мельчайших крупиц. Но Маар сам сдерживался, чтобы ещё немного продлить это ядовитое блаженство, прожигающее его естество. До тех пор, пока горячая волна не разнеслась бешено по телу короткими и частыми импульсами, толкаясь по венам жаром, делая тело невероятно тяжёлым. Он взорвался, обильно проливаясь вязким семенем в открытое горло Истаны, наполняя её горячий рот, судорожной истомой растекаясь по её языку.

Маар нависал над ней сломленным ураганом дубом, дышал тяжело и надрывно, не желая покидать рот ассару. Истана впиалась ногтями в его запястья, вынуждая высвободить её, давила затуманенным взглядом, порываясь немедленно вытолкнуть из глотки всё содержимое.

— Расслабь связки, — велел Маар, твёрдо оглаживая горло Истаны пальцами, бессильно злясь. — Глотай, — стиснул крепче обессиленную девушку, безнадёжно бьющуюся в его руках, не давая никакого выбора.

Истана сдалась — послушно проглотила, полосую истара клинками холодной ненависти, её глаза были сейчас холоднее самых высоких

снежных вершин мёртвой долины.

Маар высунул из её рта член. Истана бессильно осела на шкуры, стирая с губ следы дрожащими пальцами, дыша рвано разомкнутыми губами, и теперь уже не смотрела на него.

Глава 21

Кровь бросилась в лицо, стоило пережить только что произошедшее.

— У тебя есть немного времени, чтобы собраться. Мы выдвигаемся, — бросил Ремарт, как будто с долей растерянности. — Спрячь волосы и старайся не смотреть в глаза лойонам, особенно Фоглату.

Хотелось послать его к чёрту, но разрыдаться хотелось больше. Маар ушёл, оставив меня одну, сидящую на коленях. Вывернуть нутро наизнанку, немедленно извлечь то, что так вязко и послушно стекло по моему горлу, но, как назло, спазмов не было, всё растворилось. Не было вообще ничего, только оглушающая пустота. Маар сдержал своё обещание, пользуясь мной так беспринципно и подло. Ну, а чего я ждала — демон в истинном своём облики. Я вновь и вновь провожу пальцами по губам, стирая до красных следов остатки семени. Губы будто онемели, только пульсировали жаром, как и вся я. Хотелось броситься наружу и отереться горстями снега.

Отдышавшись, поднялась — лучше последовать его приказу и поспешить. Отыскала зеркало, заглянула в него. Ничего не изменилось, разве что на щеках розовые пятна — следы утихающего возмущения и стыда. Несмотря на то, что в целом я осталась прежней, меня облили грязью, от которой Ремарт испытывал удовлетворение. Так красноречиво и пронзительно оно проявлялось на его мужественных чертах. Как может этот беспощадный ублюдком испытывать что-то? Но перед глазами его какая-то беспомощная, полная муки гримаса. Чудовище, мало того, что терзал мои губы своим огромным членом, толкаясь в горло, заставил ещё при этом смотреть на него, когда мне хотелось зажмуриться, чтобы не видеть его огромный член, непонятно как поместившейся в моём рту. Самое мерзкое, что, наблюдая это извращённое удовольствие, бьющее конвульсиями Ремарта, я ощутила, как внутри меня раскручивается вихрь, он жёг изнутри, овивая душу железными раскалёнными прутьями. От неправильности собственных чувств хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, испепелиться в прах. Когда по щеке Ремарта прошлась судорога, а кадык нервно дёрнулся, и, прикрыв веки, он немного запрокинул голову назад, отдаваясь потоку собственного иступления, меня будто варом облили. Нечто очень сокровенное, то, что ван Ремарт никогда никому не позволял видеть, наблюдала я. И меня била ножом собственная злость — я не должна была этого видеть, не должна была ощущать кожей

его удовольствие, что проникло в самую кровь, вынуждая попробовать его на вкус. Исгар — враг, враг всего моего сердца и души. Он яд и отравка для меня, он любыми способами жаждет пустить корни в меня глубже, чтобы я кожей к нему приросла. Не дожждётся! Не получит меня. Я не позволю.

Солёный вкус спермы всё ещё жёг язык и ноздри, тягучий запах оседал на нёбе. Я швырнула зеркало обратно, стягивая узел, поправила волосы, спрятала под шапку. Если он таким образом хочет окончательно сломить меня, то ничего у него не выйдет! Я найду способ, как выбраться из этого пекла, куда Ремарт меня окунул. Быть его подстилкой, выполнять любые его прихоти — я не согласна на эту участь.

Выплеснув спесь, я перевела дыхание, успокаиваясь помалу. Неизвестно, что бы со мной было, не найди меня Ремарт в Сожи. Но то, что он себе позволяет, просто неприемлемо. Я не рабыня, которую можно пользоваться по первой потребности. И соглашаться на это я не хочу. И не стану.

Нужно выяснить, кто этот Фоглат, может быть, появится какая-то лазейка, возможность выбраться из капкана Маара. Кто он? Откуда? Сколько у него власти и полномочий? Я вспомнила колючий взгляд мужчины с белёсыми сурово сведёнными бровями и его тонкие губы. Он не вызывал доверия, но и отторжения — тоже. Можно попытаться... Меня чуть не вывернуло от представления того, что просто так ничего не будет. Добровольно поднимать подол, подставляя себя ради того, чтобы мне помогли — это мерзко, даже то, что сделал со мной Ремарт только что, не вызывало такого яркого отвращения. Попаду из одного плена в другой. Так пусть лучше другой, чем с тем, кто так или иначе причастен к гибели сестры.

Внутри вошли, прерывая мои скверные размышления, вынуждая покинуть шатёр.

Закутавшись плотнее, я вышла под тяжёлое небо, но было тихо. Ночь выдалась сумасшедшей, не понимаю, как могла вынести всё это за столь короткий период. Сначала эти твари. Даже волосы на затылке поднялись от их вида и этой вони. Когда лошадь понесла меня прочь, я будто заледенела, и душа замерла. Но моё потрясение сменилось скверной вестью о том, что Донат тяжело ранен. И в заключении Ремарт выбил из строя окончательно.

Наш шатёр, где столько ночей пришлось пережить под боком исгара, собрали быстро. Лойоны Фоглата ждали чуть в стороне — не спешили покидать злосчастное место. По разговорам, пока я ждала команды Ремарта, я поняла, что они пришли на подмогу из соседних земель. Кажется, того самого Энрейда, который упоминал Шед. Выходит, уже

сегодня прибудем в населённые места. Слава Ильнар, этот долгий невыносимо тяжёлый путь подходит к концу! Даже не верилось. С одной стороны, радость охватила меня впервые за долгое время, но с другой — неизвестность пугала.

Ремарт появился неожиданно, вырос передо мной тенью, даже окружение померкло с его появлением. Страж уже при параде. Дыхание замерло от того, как демон вновь перевоплотился в благородного воина. Он подвёл мне лошадь молча и впервые посадил в село, казалось, задержал руки на моём поясе. Мне до кома в горле не хотелось, чтобы он ко мне сейчас приближался, касался меня, но этот демон просто не давал мне выбора — твёрдо сгрёб с земли и легко посадил на лошадь. Я не хотела смотреть на исгара, казалось, стоит это сделать, как сорвусь и заплачу, но невольно мой взгляд упал на стража. Как ни странно, в его взоре не было какого-то насмешливого превосходства от того, что он смог поймать меня таким грязным способом, но и сожаления тоже не было, его не может быть априори. Кажется, он сам не в особом удовлетворении от произошедшего. Ремарт был задумчив, и непонятная тень скользила в его сумрачных глазах, в которых отражался серебристый снег.

О чём он думает? Впрочем, меня не должно это заботить, пусть катится к чёрту. Я отвернулась, не желая больше на него смотреть. Взгляд зацепился за ватагу лойонов Фоглота. Кажется, Маару не нравилась эта компания, быть может, потому и напряжён? Не даром предупреждал меня не бросаться в глаза этому мэниеру.

— Не забудь, что я тебе сказал, ассáру, — вернул моё внимание Ремарт на себя.

— А то что?

Что он ещё может сделать со мной, кроме того, что уже сделал? Вывернул всю наизнанку, облив грязью своей похоти, сделав своей безвольной игрушкой.

— Неужели ассáру обижена на меня?

Если бы у меня был сейчас нож, я непременно бы всадила его в чёрное сердце исгара, но почему-то это желание растворилось мгновенно, когда с запозданием я поняла, что Ремарт смотрит на меня снизу — кажется, это не в его правилах. Я сжала губы, испытывая полную сумятицу своих слишком острых, слишком сумбурных, противоречивых чувств.

— Оставь меня в покое, — только и ответила, злясь на себя, что тлевшая во мне ненависть куда-то подевалась, когда она так была мне нужна.

— Не дразни меня, маленькая лгунья, ещё осталось одно местечко, где

меня пока не было, — прозвучало более жёстко.

Гад! Какой же гад. Я захлебнулась от возмущения и жара, что окатили меня с головы до ног, вынуждая щеки загореться.

Он отошёл, и поднялась такая суета, что я на мгновение забылась, слыша выкрики команд Шеда. Вертела головой, выискивая Доната, хотя было ясно, что с ним всё обошлось. И всё же мне было необходимо убедиться в этом. Наконец, когда все были уже в седлах и тронулись в путь, я заметила молодого стража. Донат с достоинством воина держался в седле чуть ли не в последних рядах. Я отвела взгляд, вздохнув свободней, и тут же напоролось на мрачный взор Маара, успевший поймать полуулыбку на моих губах. Ну, и пускай. Поделом ему, пусть сдохнет в собственном яде. Потому я даже не стала прятать свои чувства, дала им волю, зная, чем мне это может обойтись. Маар отвернулся, зло пнув своего скакуна в бока, послал вперёд, прочь от меня. Клубы белого крошева длинным шлейфом застыли в воздухе, скрывая от моих глаз Маара ван Ремарта.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ